120732.

ИЗЪ СОБРАНІЯ М. И. и А. И. СЕМЕВСКИХЪ.

пожертвовано 30-го августа 1877 г.

№ 1166
1166
120732
5521

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1834. № 1. ЯНВАРЬ.

I. О сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерти ..... 3.

II. Осада и взятіе Акры Ибрагимомъ Пашею, въ 1831 и 1832 годахъ. (Отрывокъ изъ Записокъ самовидца, Французскаго путешественника Г-на Корниля) ..... 33.

III. Эмма. Повѣсть (Н. П.) ..... 72.

IV. Повѣрка Замѣчаній О. Іакинѳа на IV-й томъ Исторіи Русскаго народа (Н. П.) ..... 128.

V. Русская Литтература (Новыя книги: *Аскольдова могила*, новый романъ Г-на Загоскина — *Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса* — *Денница на 1834-й годъ*, альманахъ — *Брошюрки*, издаваемыя Г-мъ Кронебергомъ, N 10-й) ..... 166.

VI. Смѣсь (*Изъясненіе картинки* — *Некроло-*

Ленинградск. Гос. Университет. Библиотека Журналист. им. Воровского

БИБЛІОТЕКИ

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО.

Пріобрѣт: въ Спб. 1858 г. 18 Авг.

Подарена: Н. В. Хамыкова

Заплачен:

Отдѣл: V № 1166

Библіотека основана 11-го Іюня 1855 г.

Гр. Аванасьевъ.

ПБ15

МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть пятьдесятъ пятая.

58

Отд. [illegible]
Журнальный
фонд
56042

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1834.

П815

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 9 дня, 1833 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

№ I. ЯНВАРЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЁТЕ,

ИЗДАННЫХЪ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Безсмертный представитель Германской Словесности принадлежитъ къ числу тѣхъ геніевъ, которыхъ изученію посвящаются цѣлые вѣка, у многихъ народовъ. Долговременная жизнь Гёте была ознаменована созданіями великими, посмѣнно увлекавшими вниманіе не однихъ соотечественниковъ, но и всѣхъ современниковъ его. Маститая старость генія была окружена всѣми лучами славы, и благоговѣющій міръ съ умиленіемъ смотрѣлъ на этотъ рѣдкій образецъ человѣка, совершившаго все, что, казалось, предназначено было совершить ему. Но мы не будемъ вспоминать здѣсь о томъ, что почитаемъ извѣстнымъ всякому просвѣщенному человѣку; не будемъ исчислять всѣхъ сочиненій Гёте,

всѣхъ заслугъ его, и доказывать его славы, проникнувшей до самыхъ уединенныхъ хижинъ. Сорокъ томовъ сочиненій и переводовъ, изданныхъ имъ въ послѣдніе годы жизни, заключаютъ въ себѣ неистощимый запасъ для изученія философа и поэта, пламеннаго юноши и охлажденнаго лѣтами, опытомъ и размышленіемъ старца. Поговоримъ о новомъ, пріятномъ явленіи: сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерти. Это новые лучи славы его, поразительные тѣмъ болѣе, что они какъ будто возвысились изъ могилы, обыкновенно почитаемой предѣломъ, концемъ дѣятельности на землѣ. Гёте говоритъ съ нами и изъ за-могилы.

Не всѣ изданныя нынѣ сочиненія его новы. Многія изъ нихъ были разсѣяны въ журналахъ и разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ. Но всѣ они драгоцѣнны, какъ произведенія писателя великаго, проникавшаго своеобразно, глубоко во всѣ предметы, которые занимали его. Гёте-юноша и Гёте-старецъ равно занимательны и поучительны для насъ, ибо всегда одинъ и тотъ-же духъ оживлялъ его, измѣняясь по періодамъ возраста и отношеній. Можетъ быть еще драгоцѣннѣе для наблюдателя произведенія послѣднихъ лѣтъ Гёте, когда онъ, поэтъ и философъ, спокойно глядѣлъ на жизнь, обуреваемый одною страстью къ изящному. Тутъ мно-

голодныя заняшія его Естествознаніемъ были отдыхомъ мудреца, а поэтическія созданія свѣжими цвѣтами, возращенными теплотою души, не состарѣвшейся отъ лѣтъ. Человѣкъ изумительный! Однимъ изъ послѣднихъ созданій его была вторая часть *Фауста*, того-же Фауста, который исчезъ передъ нами въ тюрьмѣ Гретхенъ, при улетающихъ въ пространство звукахъ: «Генрихъ! Генрихъ!»

Нынѣ изданныя сочиненія Гёте начинаются второю частью Фауста, единственнаго, несравнимаго ни съ чѣмъ другимъ сочиненія, которое занимало Поэта въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни, и остается однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій его генія.

Желая представить здѣсь отчетъ о вновь изданныхъ сочиненіяхъ Гёте, мы не будемъ распространяться равно о каждомъ изъ нихъ; но о второй части Фауста постараемся дать понятіе, болѣе полное, нежели о такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ занимательность относительную. Не присвоиваемъ себѣ права судить произведеніе столь высокое—и почитаемъ нужнымъ упомянуть объ этомъ. Слишкомъ дерзко было-бы принимать рѣшительный тонъ, прочитавъ сочиненіе, которому надобно посвятить на обдумываніе, можетъ быть, нѣсколько

лѣтъ. Проспмъ вообще почитать нашу статью *изученіемъ* новыхъ твореній Гёте— не болѣе. И въ этомъ видѣ, надѣемся, она представитъ много новаго, и тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ почти никто не пишетъ о новостяхъ Европейскихъ Литтературъ.

Должно сказать прежде всего, что вторая часть Фауста, особенно послѣ перваго чтенія, приводитъ въ изумленіе, поражаетъ васъ какимъ-то очарованіемъ. Произведеніе это столь разнообразно, многообъемлюще, глубокомысленно, исполнено такихъ красотъ, что умъ и душа поддаются сначала безотчетному восторгу, и надобно много времени, чтобы понять: какое обаяніе объемлетъ васъ? Это исключительное свойство *Фауста*, и въ первой и во второй части. Мы скажемъ наши мысли объ этомъ свойствѣ его, но прежде всего изложимъ содержаніе второй части, дабы читатель могъ судить о ней, хотя по общимъ чертамъ, необходимо лишеннымъ въ прозаическомъ изложеніи всѣхъ цвѣтовъ поэзіи.

Мы должны замѣтить также, что большая часть перваго дѣйствія и все третье дѣйствіе (подъ заглавіемъ: *Елена*), были уже напечатаны въ сочиненіяхъ Гёте; но тамъ были они только отрывками, и не имѣли той полноты, которая

опличаешъ ихъ въ цѣломъ сочиненіи. Потому-то мы и будемъ говорить о нихъ какъ о сочиненіи новомъ, неразрывномъ съ другими частями Фауста, хотя самъ Гёте прежде назвалъ *Елену* Междудѣйствіемъ (Zwischenspiel zu Faust).

Первая часть Фауста оканчивается спасеніемъ Маргериты. Фаустъ и Мефистофель исчезаютъ.

Мы въ новомъ мірѣ. Прелестная долина. Фаустъ лежитъ на цвѣтистомъ дернѣ, утомленный, безпокойный, въ забытьи. При полусвѣтѣ ночномъ Аріель поетъ, приказывая воздушнымъ собратамъ своимъ успокоить измученнаго несчастливца. Съ приближеніемъ солнца они исчезаютъ. Фаустъ глядитъ на воскресающую природу и уподобляетъ ослѣпительные лучи солнца вратамъ, изъ которыхъ надежда блещетъ исполненіемъ; но когда приближаемся къ нимъ, пламень охватываетъ насъ— мы опять оглядываемся на землю и скрываемся въ покрывалѣ юности. « Не хочу глядѣть на солнце ! » говоритъ онъ.

Владѣнія Императора. Тронная зала. Среди толпы придворныхъ Императоръ всходитъ на тронъ, и спрашиваетъ, гдѣ Дуракъ его? Ему сказываютъ, что онъ упалъ на лѣстницѣ, но вмѣсто его явился какой-то другой, пресмѣш-

ной и презабавный: это Мефистофель. Императоръ принимаетъ его на мѣсто прежняго, и ставитъ подлѣ себя. Обращаясь къ Министрамъ, онъ говоритъ, что собралъ Дворъ свой веселиться; но если непремѣнно хотятъ они мучить его дѣлами, то пусть говорятъ, что имъ надобно. И вотъ, одинъ за другимъ, они описываютъ ему бѣдствія Государства, неповиновеніе войскъ, недостатокъ во всемъ, возмущенія, и проч. Императоръ, подумавъ, обращается къ новому своему Дураку и спрашиваетъ: «Не знаешь-ли и ты какого нибудь бѣдствія?» Никакого!— отвѣчаетъ Мефистофель.— И что можетъ быть среди блеска и силы, окружающихъ тебя? Деньги надобны вамъ? Въ землѣ много скрыто ихъ. Знающіе люди откроютъ вамъ, гдѣ именно. Канцлеръ возстаетъ противъ этого. Императоръ короче спрашиваетъ у Дурака: гдѣ-жь деньги?— Въ землѣ, отвѣчаетъ Мефистофель. Посовѣтуйтесь съ Астрологомъ, который подлѣ васъ. Въ толпѣ ропотъ, Астрологъ отвѣчаетъ загадочно; Императоръ въ сомнѣніи; толпа не вѣритъ Мефистофелю, но онъ говоритъ о ней съ презрѣніемъ и объявляетъ, что всѣ чувствуютъ силы природы. «Если у васъ потягиваетъ всѣ члены, если вы чувствуете какое-то недовольство, стоя на мѣстѣ, скорѣе копайте тутъ землю: подъ нею сокровище!» Всѣ чувствуютъ то, о чемъ онъ гово-

ритъ; Императоръ самъ хочетъ приняться за работу, по Астрологъ, внушаемый, какъ и прежде, Мефистофелемъ, совѣтуетъ ему сначала повеселиться. Императоръ велитъ начинать увеселенія. Мефистофель остается одинъ и говоритъ: «Глупцы никогда не думаютъ, какъ соединяются заслуга и счастье. Если-бы у нихъ и былъ философскій камень, то для него еще не было-бы философа.»

Сцена представляетъ обширную залу, гдѣ устроено празднество карнавала. Здѣсь Гёте истощилъ всё, что можетъ представить это увеселеніе Среднихъ Вѣковъ, странное, имѣвшее таинственное начало. На сценѣ являются лица миѳологическія, фантастическія, и народъ, со всѣми своими причудами. Тутъ находятъ свое мѣсто и Вѣшвь Оливная, и Фантастическій Вѣнокъ, и Граціи, и Парки, и Фуріи, и Надежда, и Страхъ, и Благоразуміе, и неисчислимое множество другихъ лицъ и олицетвореній. Широкая кисть поэта-живописца придаетъ каждому свойственный оттѣнокъ. Сатиры, Фавны, Гномы, Великаны, Нимфы, Плутусъ, все вмѣстѣ образуетъ удивительное цѣлое. Самъ Императоръ участвовалъ въ празднествѣ, и въ видѣ бога Пана раздавалъ милости. Онъ очень доволенъ Мефистофелемъ. «Какой благопріятный случай привелъ тебя сюда?» говоритъ онъ ему.

«Ты прямо изъ Тысячи Одной Ночи.» Онъ велитъ ему быть всегда подлѣ себя. Но вотъ входятъ одинъ за другимъ Министры, и сказываютъ, что народъ успокоенъ, всѣ довольны, счастливы, ибо денегъ у всѣхъ множество. Это сдѣлали Фаустъ и Мефистофель: они изобрѣли *ассигнаціи*, роздали ихъ множество за подписью Императора, и обиліе воротилось. Императоръ сначала не понимаетъ новаго изобрѣтенія, хочетъ сердиться, но его убѣждаютъ, что ассигнаціи изобрѣтеніе преудобное и превыгодное. Онъ самъ, представляя бога Пана, подписалъ одну ассигнацію, съ нея сдѣлали тысячи снимковъ и роздали ихъ народу. Прелестная сцена, гдѣ Придворные пѣснятся около Императора, вымаливая себѣ денегъ.

Темная галлерея. Фаустъ сказываетъ Мефистофелю, что Императоръ требуетъ представить ему Елену и Париса. «Мы обогатили его, теперь надобно забавлять. Онъ хочетъ видѣть образецъ мужчинъ и женщинъ.»— А ты думаешь, что Елену такъ-же легко вызвать, какъ бумажный призракъ гульденовъ?— Фаустъ требуетъ непремѣнно дать ему средство выполнить порученіе Императора. «Укажи мнѣ дорогу!» восклицаетъ онъ.— Туда нѣтъ дороги! — отвѣчаетъ Мефистофель.— Не замки, не запоры будутъ препятствовать тебѣ, а уединеніе. Знаешь-ли

ты, что̀ такое пустота и уединеніе?— Но Фаустъ упорствуетъ и Мефистофель отдаетъ ему волшебный ключъ— съ нимъ дойдетъ онъ къ Еленѣ.

Въ освѣщенныхъ залахъ, Императоръ и Придворные ждутъ представленія. Дамы просятъ у Мефистофеля средствъ отъ прыщиковъ, отъ ознобленія, отъ холодности любовниковъ. Наконецъ подскакиваетъ Пажъ, съ жалобой на возлюбленную, которая почитаетъ его несовершеннолѣтнимъ. «Не думай о молоденькихъ; ласкайся къ пожилымъ: онѣ лучше оцѣнятъ тебя!» говоритъ ему Мефистофель, и видя, что вокругъ него тѣснятся новыя попрошайки, восклицаетъ: «Наконецъ, я спану говорить имъ правду, какъ ни дурно это средство.»

Фаустъ на сценѣ. Онъ вызываетъ сначала Париса, потомъ Елену. Сужденія Придворныхъ объ этихъ явленіяхъ даютъ Поэту случай выказать глубокое знаніе свѣта, и особенно придворнаго свѣта. Но Фаустъ самъ очарованъ Еленою. Онъ приходитъ наконецъ въ восторгъ неистовый. Все оканчивается взрывомъ. Духи исчезаютъ; Фаустъ упадаетъ на землю.

Это составляетъ первое дѣйствіе. Можемъ-ли мы проникать въ тайную мысль Поэта, или должны признать всю эту фантасмагорію сборомъ прекрасныхъ, но загадочныхъ сценъ? По-

слѣднее конечно легче, но, къ счастію, не возможно. Гёте, правда, взялъ основаніе своей трагедіи изъ кукольной комедіи, которой основою служила извѣстная въ Германіи легенда о Фаустѣ Чернокнижникѣ; но гдѣ взять такого прозаическаго ума, который не провидѣлъ-бы въ его твореніи глубокой мысли? Она будетъ яснѣе для насъ, когда мы разсмотримъ всю пьесу. Теперь можемъ только догадываться, что если въ первой части мы видѣли Фауста въ недовольствѣ самимъ собою, то здѣсь видимъ его въ распрѣ съ міромъ, который показанъ ему страшнымъ путеводителемъ съ самыхъ блестящихъ сторонъ. Фаустъ уже недоволенъ этимъ міромъ: онъ хочетъ новаго; хочетъ соединить прошедшее съ настоящимъ, и безумно влюбляется въ идеалъ древней красоты.

Второе дѣйствіе начинается въ прежней комнатѣ Фауста, который виденъ за занавѣсомъ, на прародительской постелѣ. Мефистофель подходитъ къ усыпленному и говоритъ: «Вотъ онъ, несчастливецъ, увлеченный въ любовь, трудно разрываемую! Кто поддастся обаянію Елены, тотъ не скоро образумится!» Онъ оглядывается и узнаетъ всѣ предметы, даже перо, на которомъ засохла капля крови Фауста, навсегда отдавшая его духу зла. Мефистофель вспряхиваетъ шубу Фауста: изъ нея вылетаетъ мно-

жество духовъ, имѣющихъ видъ разныхъ насѣкомыхъ; они привѣшиваютъ спараго покровителя. Наконецъ онъ завертываетъ въ шубу и звонитъ въ колоколъ. Грохотъ и шумъ въ комнатѣ: прибѣгаетъ сподручный ученикъ Доктора Вагнера. Мефистофель шутитъ надъ нимъ, и проситъ, чтобы онъ провелъ его къ своему учителю; тотъ говоритъ, что Докторъ вѣчно занятъ, запершись въ своемъ кабинетѣ; однакожъ идетъ просить у него доступа. Прибѣгаетъ какой-то высокоумный Баккалавръ, и принимая Мефистофеля за Фауста, говоритъ, что онъ уже не тотъ, какимъ видѣлъ его учитель за много лѣтъ, что онъ теперь знаетъ все, можетъ все, даже прогнать дьявола. Съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ глядитъ на него Мефистофель.

Лабораторія Вагнера. Онъ сидитъ подлѣ алхимической печки, въ большихъ надеждахъ, когда входитъ къ нему, очень некстати, Мефистофель. «Тише, тише; удерживайте дыханіе,» говоритъ Вагнеръ.— А что это у васъ?— спрашиваетъ Мефистофель. *В.* «Тутъ дѣлается человѣкъ.»— *М.* Человѣкъ? А какую влюбленную пару заперли вы въ эту дымную баню?— *В.* «Сохрани Богъ! прежній способъ почитается у насъ просто вздоромъ.» Онъ описываетъ ему свои средства. «Смѣшеніе, все дѣлается чрезъ смѣшеніе, чрезъ колбу — и что прежде организи-

ровали, то мы кристаллизуемъ.» — Кто долго жилъ и много испыталъ, для того нѣтъ новаго — прибавляетъ Мефистофель. — Во время путешествій моихъ я уже видалъ кристаллизованные народы.— Въ склянкѣ у Вагнера въ самомъ дѣлѣ появляется Человѣчекъ (Homunculus). «Ну, папа!» говоритъ онъ. «Что-же? Это была не шутка! Прижми меня къ сердцу, только не крѣпко, чтобы не треснуло стекло. Таково свойство вещей: естественному едва достаетъ цѣлаго міра, а созданному искусствомъ надобно тѣсное пространство. Ты плутъ, братишка (Мефистофелю), въ пору пришелъ! спасибо! Мнѣ надобна дѣятельность! указывай-же, что мнѣ дѣлать.— Мефистофель указываетъ ему на распростертаго на ложѣ Фауста. Склянка выскакиваетъ изъ рукъ Вагнера, носится надъ Фаустомъ и освѣщаетъ его. Человѣчекъ описываетъ, что онъ видитъ свѣтлые источники, густыя рощи; среди нихъ, прелестнѣйшія женщины разоблачаются. Но одна блистательнѣе всѣхъ; она породы героевъ и даже боговъ; она освѣжаетъ пламень своего благороднаго тѣла въ кристаллѣ волнъ. Но вотъ слышенъ шумъ крыльевъ, свистъ; гладкое зеркало воды волнуется; дѣвицы бѣгутъ прочь; одна ихъ царица остается, и съ гордымъ, женскимъ наслажденіемъ смотритъ на преклоняющагося передъ ней царя лебедей. Онъ свыкается съ нею... Но вотъ и скрылось все

подъ флеромъ тумана.— *М.* Для чего не досказалъ ты!... Крошка, а великій фантастъ! Я не вижу ничего... *Ч.* Конечно. Ты урожденецъ Сѣвера, ты сдѣлался юнъ въ вѣкъ туманный, среди поповъ и рыцарей. Только въ мракѣ ты у себя дома.— Какъ все ново, гадко, смѣшно!— говоритъ онъ оглядываясь. — Если проснется этотъ, будетъ новая бѣда: онъ умретъ въ тоже мгновеніе. Онъ видѣлъ въ провѣщательномъ снѣ источники въ лѣсахъ, лебедей, нагихъ красотъ; можетъ-ли привыкнуть онъ къ здѣшнему. И я не могъ-бы этого.— Онъ зоветъ Мефистофеля на Классическій шабашъ. «Вы знаете только Романтическіе призраки; но истинный призракъ долженъ быть и Классическимъ.— «Древніе надоѣли мнѣ,» говоритъ Мефистофель.— «Да, ты любишь только сѣверо-западныя страны; однакожъ мы отправимся на Юго-Востокъ. Тамъ, въ обширныхъ долинахъ свободно льется Пеней, опушенный кустарникомъ и лѣсомъ, въ тихій заливъ. Тамъ и Фарсальское поле, древнее и новое.» Мефистофель говоритъ... о Греческомъ народѣ. Человѣчекъ зоветъ его къ Ѳессалійскимъ вѣдьмамъ, и они оставляютъ грустнаго Вагнера. Мефистофель оканчиваетъ эту сцену двумя стихами къ зрителямъ: «Такъ-то мы зависимъ отъ собственныхъ нашихъ созданій!»

Классическій шабашъ вѣдьмъ. Фарсальскія поля, гдѣ среди мрака блуждаетъ фурія Эрихтона. Она жалуется, что поэты напрасно оклеветали ее; вспоминаетъ о прежнихъ событіяхъ на Фарсальскихъ поляхъ, о Цезарѣ, о битвахъ, но вдругъ удаляется, увидѣвъ свѣтящійся метеоръ. Это Человѣчекъ съ Мефистофелемъ несутъ по воздуху Фауста. Прикоснувшись къ землѣ, Фаустъ опамятывается и спрашиваетъ: «Гдѣ она?»— Здѣсь конечно узнаешь ты это— отвѣчаетъ Человѣчекъ.— Они расходятся. Мефистофель недоволенъ классическими явленіями. «Они всѣ такъ наги, безстыдны, такъ живы; надобно-бы подновить ихъ, нарядить по модѣ.» Разговоры его со Сфинксомъ, съ исполинами-муравьями, съ Аримаспами, не ладятся. Фаустъ напротивъ отдыхаетъ среди новыхъ для него образовъ. Онъ спрашиваетъ о Еленѣ; Сфинксъ совѣтуетъ ему спросить о ней у Хирона. Фаустъ встрѣчаетъ Хирона, садится на него, и дорогою они разговариваютъ. Фаустъ хвалитъ его за воспитаніе многихъ великихъ людей. «Да что пользы! хоть-бы и не воспитывать ихъ!» отвѣчаетъ Хиронъ. Фаустъ хвалитъ его медицинскія способности. «Отдалъ всѣ средства бабамъ!» отвѣчаетъ Хиронъ. Наконецъ разговоръ доходитъ до Елены. Хиронъ совѣтуетъ ему излечиться отъ любви къ ней, но Фаустъ не хочетъ и слышать о томъ. Подъѣхавъ

къ Манто, дочери Эскулапа, Хиронъ ссаживаетъ его, а Манто ведетъ его въ подземное царство Прозерпины.

На верхнемъ Пенеѣ, Сирены и разныя миѳологическія лица окружаютъ Мефистофеля. Наконецъ онъ видитъ блескъ: это Человѣчекъ. Онъ говоритъ Мефистофелю, что старается вырваться изъ стекла, но не находитъ средства; однакожъ не хочетъ отставать отъ двухъ философовъ, которые нравятся ему: это Анаксагоръ и Ѳалесъ. «Будь самобытенъ!» говоритъ ему Мефистофель. Человѣчекъ обѣщаетъ послѣдовать его совѣту; они разлучаются. Анаксагоръ и Ѳалесъ спорятъ о своихъ любимыхъ идеяхъ: первый производитъ все отъ огня, другой отъ воды. Человѣчекъ худо понимаетъ ихъ. Наконецъ Ѳалесъ увлекаетъ его на морское празднество. Мефистофель идетъ и жалуется, что у классическихъ существъ ада не слышно запаха сѣры, ни смолы. Онъ видитъ Форкіадъ (Горгонъ), льститъ имъ, и съ ихъ согласія превращается на время въ Форкіаду.

Утесистый заливъ Эгейскаго моря. Сирены, Тритоны и Нереиды поютъ хвалы покровительницѣ своей Лунѣ. Ѳалесъ съ Человѣчкомъ появляются на берегу. Они идутъ къ мудрому Нерею, предсказывавшему будущее Парису и

Улиссу. Вызвавъ стараго бога, Θалесъ проситъ его сказать, какимъ образомъ Человѣкъ можетъ сдѣлаться мудрымъ человѣкомъ. Нерей жалуется, что совѣтовъ его не слушаютъ, что онъ говорилъ правду Парису и Улиссу, а они надѣлали дурачествъ. Подите къ Протею, прибавляетъ онъ. Протей, послѣ нѣсколькихъ превращеній, ведетъ ихъ къ Родосскимъ Тельхинамъ. Тамъ они опять у Нерея. Человѣкъ видитъ дочь его, Галатею, чувствуетъ къ ней непреодолимое влеченіе, и разбиваетъ объ ея раковинную колесницу свою стклянку; онъ разливается пламенемъ. Дѣйствію второму конецъ.

Надобно признаться, что все это дѣйствіе принадлежитъ къ самымъ непостижимымъ частямъ Гётева Фауста. Трудно слѣдовать въ немъ за идеею поэта. Ясно видимъ символъ стремленія Среднихъ Вѣковъ къ соединенію съ Древностію, но многія подробности требуютъ изъясненій, которыя трудно представить. . . . . Вагнеръ изображаетъ уединенную ученость Среднихъ Вѣковъ, дѣйствительно создавшую новаго человѣка для новыхъ подвиговъ, и если догадка наша не ошибочна, то въ самомъ лицѣ Фауста видимъ полное выраженіе новыхъ временъ, желавшихъ

сочетаться съ Древностью, съ идеаломъ ея красоты, съ ея преданіями и повѣрьями.

Эта мысль становится болѣе разительна въ третьемъ дѣйствіи, которое все занимаетъ *Елена*, прежде изданная въ видѣ междудѣйствія. Поэтъ переноситъ насъ въ Спарту, передъ дворецъ Менелая. Елена идетъ съ плѣнными Троянками, и сказываетъ, что Менелай послалъ ее впередъ, пріуготовить все къ жертвоприношенію. Но она въ недоумѣніи о самой себѣ: кто она? Прежняя-ли Царица, или плѣнница? . . . . На порогѣ дворца встрѣчаетъ ее ужасная Форкіа, и осыпаетъ укоризнами новыхъ пришелицъ. Наконецъ она объявляетъ, что все готово къ жертвоприношенію, и спрашиваетъ, назначилъ-ли Царь, кого принести въ жертву? Нѣтъ, онъ не указалъ на жертву. « О горе! Царица! онъ назначилъ для этого тебя. » Всѣ въ отчаяніи. Хоръ умоляетъ Форкіаду спасти Царицу и сопутницъ ея. Форкіада соглашается и разсказываетъ, что въ продолженіе долгихъ лѣтъ Троянской войны, къ сѣверу отъ Спарты, позади горъ Тайгетскихъ поселился новый, смѣлый народъ, вырвавшійся изъ шмы Киммерійской. Повелитель этого народа, прекрасный, мужественный, построилъ въ горахъ укрѣпленный городъ, невѣдомаго дотолѣ вида, съ башнями, съ гербами на вра-

тахъ. Повелитель силенъ и великодушенъ: иди къ нему, онъ спасетъ тебя. Елена со спутницами своими приходитъ въ Рыцарскій замокъ Среднихъ Вѣковъ. Гречанки изумляются, видя бѣлокурыхъ, румянолицыхъ мужчинъ. Фаустъ повелитель ихъ. Онъ подводитъ къ Еленѣ скованнаго преступника: ему было поручено глядѣть съ высоты башни и сказывать о всѣхъ приближающихся къ замку. Но онъ забылъ свою обязанность и не извѣстилъ о приближеніи Елены и спутницъ ея. Фаустъ проситъ Елену изречь приговоръ виновнику. Она спрашиваетъ обвиняемаго, отъ чего не исполнилъ онъ своей обязанности. Линцей отвѣчаетъ, что ему виною она сама: онъ былъ такъ ослѣпленъ ея красотою, что забылъ все. Елена изрекаетъ ему прощеніе. Фаустъ на колѣняхъ передъ нею выражаетъ свою любовь и отдаетъ ей во власть себя и все, ему принадлежащее. Елена спрашиваетъ: отъ чего въ рѣчахъ новыхъ людей слышитъ она какое-то созвучіе, какъ будто одно слово спѣшитъ повторить звукъ другаго? Это рифма. Фаустъ восхищенъ, что даже рѣчи его народа нравятся Еленѣ. Согласіе рѣчей ведетъ ихъ къ согласію сердецъ. Они соединяются. Форкіа извѣщаетъ ихъ, что Менелай приближается съ войскомъ своимъ. Фаустъ не страшится, и раздѣляетъ своимъ военачальникамъ Грецію, а самъ поселяется въ

Аркадіи. Сцена перемѣнилась. Мы въ Аркадіи. Хоръ, дотолѣ бодрственный, спитъ. Форкіа пробуждаетъ его и разсказываетъ, что у Елены и Фауста есть сынъ, пылкій, шаловливый, неукротимый въ страстяхъ. Онъ прыгалъ однажды по скаламъ и наконецъ бросился въ бездну моря; отецъ и мать были неутѣшны; но вскорѣ онъ выплылъ, съ золотою лирою въ рукахъ и съ сіяніемъ вокругъ головы. Онъ рожденъ для пѣсней и мелодіи—прибавляетъ Форкіа. Хоръ отвѣчаетъ, что все настоящее есть печальный отголосокъ древнихъ, торжественныхъ временъ. Форкіа скрывается. На сценѣ Фаустъ, Елена и Эвфоріонъ, въ томъ видѣ, какъ описывала его зловѣщая Форкіа. Они выражаютъ свое счастіе, но Эвфоріонъ говоритъ, что ему хочется летѣть въ высь и тамъ удовлетворить своему любопытству. Родители стараются удержать его. Онъ начинаетъ плясать въ хорѣ, привязывается къ одной дѣвушкѣ и хочетъ прижать ее къ груди своей; она защищается, и наконецъ, превратившись въ пламя, улетаетъ, говоря, съ вышины: «За мной! въ легкій воздухъ! въ хладную пучину! Стремись достигнуть исчезнувшей цѣли.» Онъ стремится по скаламъ, выше и выше. «Я долженъ возвышаться и глядѣть съ высоты! Гдѣ я? Въ странѣ Пелопса, родственной землѣ и морю!» Хоръ умоляетъ его жить въ поко-

Ленинградский Коммунист. институт Библиотека Журналист. им. Воровского

ствіи. Онъ мечтаетъ о войнѣ и битвахъ. Тщетны моленія отца и матери. «Ты идешь на смерть,» говорятъ ему всѣ. «Неужели долженъ я глядѣть на нее издалека? Нѣтъ, я хочу дѣлить заботы и бѣдствія сражающихся!» Онъ кидается въ воздухъ, и летитъ нѣсколько мгновеній; голова его въ сіяніи; за нимъ полоса свѣту. «Икаръ! Икаръ!» восклицаетъ хоръ. Прелестный юноша падаетъ съ высоты къ ногамъ родителей; въ мертвомъ думаютъ найдти сходство съ знакомымъ лицомъ; но вещественное его вдругъ исчезаетъ; сіяніе, какъ комета, восходитъ къ небу; на землѣ остается его платье и лира.

Одинъ Критикъ (*) замѣчаетъ, что во всемъ этомъ видно примѣненіе къ Греціи и Байрону. Если замѣчаніе справедливо, то конечно весь эпизодъ Эвфоріона есть ненужная вставка, ибо сближеніе Древнихъ и Среднихъ Временъ не вяжется съ нею.

Елена также исчезаетъ, обнимая Фауста: въ рукахъ его остаются только ея покрывало и

(*) J. J. Ampère. Littérature et Voyages. Paris. 1833. in-8.

одежда. Форкіа говоритъ ему, чтобы онъ хранилъ это достояніе: оно вознесетъ его надъ всѣмъ обыкновеннымъ. «Мы свидимся опять, далеко, далеко отсюда.» Одежда Елены превращается въ облако, охватываетъ Фауста, и уноситъ въ вышину. Форкіа беретъ плашье и лиру Эвфоріона и говоритъ зрителямъ: «Хорошо, что нашла и это. Пламя, правда, исчезло, но жалѣть о мірѣ я не стану. Тутъ еще довольно для ремесленнической, цеховой зависти. Я не могу надѣлять дарованіями, такъ буду ссужать хоть одеждою.» Предводительница хора зоветъ подругъ своихъ возвратиться въ царство тѣней, къ Царицѣ ихъ, но они не хотятъ, и превращаются въ стихіи. Окончательный хоръ—и занавѣсъ опускается. Форкіа вытягивается до исполинскихъ размѣровъ, сходитъ съ котурновъ, сбрасываетъ маску и покрывало, и является Мефистофелемъ—«чтобы, сколько нужно пояснить пьесу въ эпилогѣ,» прибавляетъ самъ Авторъ.

Здѣсь уже ясно видно намѣреніе Автора: показать соединеніе древняго міра съ новымъ. Фаустъ представитель стремленія человѣческаго, а Мефистофель—духъ отрицанія и сомнѣнія. Но послѣдуемъ за Авторомъ далѣе.

Четвертое дѣйствіе открывается на высокой горѣ, среди зубчатыхъ скалъ. Облако опу-

скается на площадку, шутъ-же находящуюся; изъ него выходитъ Фаустъ. Онъ мечтаетъ о случившемся съ нимъ—слѣдовательно существованіе Елены, рожденіе и смерть Эвфоріона, были не обаяніе Мефистофеля, какъ думалъ вышеупомянутый нами Критикъ, не читавъ послѣдней части *Фауста* вполнѣ, и судя только объ *Еленѣ*. Это необходимыя, существенныя части Мистеріи Гёте.

Семи-мильный сапогъ становится подлѣ Фауста, другой слѣдуетъ за нимъ. Мефистофель сходитъ съ нихъ, сапоги идутъ далѣе.

М. « Вотъ какъ надобно ходить! Но скажи, пожалуста, что за мысль у тебя, сойдти на эти ужасныя скалы? Я знаю ихъ, хотя видѣлъ и въ другомъ мѣстѣ, потому что прежде были онѣ дномъ ада.

Фаустъ. « У тебя вѣчно глупыя легенды! Ты опять за нихъ. » Мефистофель важно разсказываетъ ему, что когда они (падшіе ангелы) были изгнаны въ глубочайшую пропасть, то пламя стало захватывать у нихъ дыханіе; дьяволы начали кашлять, метаться вверхъ и внизъ, и наконецъ, отъ сжѣсненія газовъ, кора земли лопнула: дно сдѣлалось вершиною горъ. Фаустъ не вѣритъ ему, но Мефистофель утверждаетъ, что онъ самъ былъ при томъ. Онъ

хвалитъ преимущество свое надъ смертными. «Будемъ говорить яснѣе!» восклицаетъ обольститель. «Неужели ничто не нравится тебѣ на поверхности земли? Ты видишь отсюда неизмѣримое пространство: видишь царства міра и славу ихъ. Ты недоволенъ; неужели-же нѣтъ у тебя никакого желанія?» — Угадай! — отвѣчаетъ Фаустъ. — Мефистофель описываетъ ему прелесть власти; Фаустъ отвергаетъ властвованіе. Тотъ говоритъ ему о наслажденіяхъ роскошной жизни, въ великолѣпномъ замкѣ, среди садовъ и женщинъ — «женщинъ, потому что о прекрасныхъ я думаю всегда во множественномъ числѣ.» — Какой вздоръ! Я не хочу быть Сарданапаломъ. — Такъ вѣрно ты хочешь летѣть въ луну? — Совсѣмъ нѣтъ! Есть и на землѣ довольно пространства для великихъ дѣлъ! — отвѣчаетъ Фаустъ. — «Ты хочешь славы?» — Слава въ самыхъ дѣяніяхъ — возражаетъ Фаустъ. — Однакожь о тебѣ будутъ пѣть поэты, возвѣщать славу твою потомкамъ, и дурачествами возбуждать къ дурачествамъ. — Все это не то — говоритъ Фаустъ. — Да и можешь-ли ты знать, чего желаетъ человѣкъ? Можетъ-ли твое противное, злое, ядовитое существо знать потребности человѣка?» — Скажи-же, чего желаетъ твоя фантазія! — Фаустъ сказываетъ ему, что онъ былъ на берегу моря, видѣлъ приливъ и отливъ, видѣлъ, какъ

волны запопляютъ земли и дѣлаютъ ихъ безплодными; но тамъ-же были и холмики: они удерживали волны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Почему-же не удержать ихъ такъ вездѣ? «Я желалъ-бы побѣдить ихъ, и составилъ уже для этого планъ. Исполни его!» — Это очень легко! — отвѣчаетъ Мефистофель. Но за сценою слышна воинская музыка.—Опять война! восклицаетъ Фаустъ.—Надобно всѣмъ пользоваться—говоритъ Мефистофель.

Жалѣемъ, что не можемъ вполнѣ выписать разговора ихъ, который исполненъ мыслей высокихъ, смѣлыхъ, разительныхъ. Дѣло въ томъ, что когда Фаустъ и Мефистофель обогатили Императора, онъ предался наслажденіямъ и перестадъ думать о своемъ народѣ. Разстройство всѣхъ частей государства возрастало постепенно и окончилось возстаніемъ народа, который избралъ себѣ новаго Императора; теперь противники идутъ на рѣшительный бой. «Ты можешь одержать для него побѣду и возстановить его власть; онъ дастъ тебѣ обширную полосу морскаго берега — и твое желаніе исполнится.»—Но я не умѣю воевать—говоритъ Фаустъ. — Я собралъ помощниковъ для тебя—возражаетъ Мефистофель. Являются мужественные предводители горныхъ народовъ, и всѣ

идутъ въ лагерь Императорскій. Очарованіе побѣдило обыкновенныхъ воиновъ и Императоръ одержалъ побѣду. Мефистофель допустилъ успѣхи противниковъ до крайней степени, и когда уже все казалось потеряннымъ, онъ заставилъ воды выступить изъ горъ, зашумѣлъ огненнымъ дождемъ противъ непріятеля, и громомъ заключилъ полное разсѣяніе его. Мимоходомъ скажемъ, что это похоже нѣсколько на волшебную оперу. Но вотъ Императоръ награждаетъ придворныхъ своихъ и приближенныхъ, достоинствами и чинами, хотя самъ признается, что они не участвовали въ побѣдѣ. Является Архіепископъ, укоряетъ Императора за пособіе діавольскихъ силъ, и требуетъ земель, податей, налоговъ, въ пользу Католической Церкви. Здѣсь дары Императора и распоряженія его переносятъ читателя къ Среднимъ Вѣкамъ, когда Феодализмъ и Папство повелѣвали и властвовали всѣмъ. Архіепископъ два раза возвращается съ новыми требованіями, и наконецъ говоритъ, что Императоръ отдалъ морской берегъ одному извѣстному дурною славою человѣку, который подвергается отлученію отъ Церкви; не будетъ-ли угодно Императору, въ знакъ раскаянія, отдать Церкви и съ этихъ земель десятину, доходы и пошлины. «Да тамъ еще нѣтъ и земли:

шамъ одно море.»— Мы подождемъ, покуда будетъ берегъ—говоритъ Архіепископъ. «Только дайте слово.»

Дѣйствіе пятое. Открытая долина. Путешественникъ идетъ, и съ восторгомъ привѣтствуетъ мѣста, на которыхъ вспрѣнилъ онъ самое искреннее гостепріимство, когда буря выкинула его на берегъ. «Но вѣрно хозяева мои уже умерли: они и тогда были стары,» говоритъ онъ. Однакожъ они живы и опять встрѣчаютъ его привѣтливо. Путешественникъ идетъ взглянуть на морской берегъ, а Филемонъ, приказавъ своей Бавкидѣ накрывать столъ, провожаетъ его и разсказываетъ, что шамъ, гдѣ прежде бушевали волны, теперь уже цвѣтущій берегъ, сады, деревня. Человѣкъ противопоставилъ морскимъ волнамъ дюны и присвоилъ себѣ новое владѣніе. Вблизи находятся и великолѣпныя палаты. Но Бавкида разсказываетъ, что все это совершилось какъ-то недобромъ. Работали днемъ, и ничто не дѣлалось; а гдѣ ночью скакали огоньки, шамъ являлась утромъ плотина; гдѣ слышны были стоны людей, жертвъ ночи, гдѣ лились волны огня, шамъ на другой день являлся каналъ. «Сосѣдъ нашъ безбожникъ; онъ предлагалъ намъ землю въ своихъ владѣніяхъ, да мы не хотимъ взять.» Они уходятъ въ часовню молиться.

Дѣйствіе переносится къ палатамъ. Увеселительный садъ и большой прямой каналъ. Фаустъ, уже дряхлый старикъ, бродитъ въ задумчивости. Линцей говоритъ ему въ слуховую трубу, что къ берегамъ подходятъ корабли и лодка готовится войдти въ каналъ. На дюнахъ раздается звукъ колокола. «Несносный звукъ!» восклицаетъ Фаустъ, и говоритъ, какъ тягостно ему видѣть позади себя чужое владѣніе. Лодка, нагруженная чужеземными сокровищами, пристаетъ къ берегу. Мефистофель съ тремя сотоварищами выходитъ и привѣтствуетъ владѣльца. Но тотъ не отвѣчаетъ ни слова на ихъ шумныя извѣстія, что они привезли ему на двадцати корабляхъ богатства. «Чего недостаетъ тебѣ еще?» спрашиваетъ Мефистофель. «Твой высокій умъ наградилъ тебя дарами земли и моря.» — Мученія мои нестерпимы!—возражаетъ Фаустъ.—Стыжусь сказать: я желалъ-бы удалить этихъ стариковъ, что живутъ тамъ. Я желалъ-бы взять у нихъ нѣсколько липъ; да, эти немногія деревья, не моя собственность, тяготятъ меня.» Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Мефистофель обѣщаетъ исполнить его желаніе. Онъ сжегъ бѣдное достояніе стариковъ, убилъ въ неровной борьбѣ странника, бывшаго у нихъ, и явился съ этимъ извѣстіемъ къ Фаусту. Фаустъ проклинаетъ поступокъ его.

Полночь. Идутъ четыре сѣдыя женщины. *Первая.* Я называюсь Недостатокъ. *Вторая.* Я называюсь Вина. *Третья.* Я называюсь Забота. *Четвертая.* Я называюсь Нужда. — Дверь заперта; мы не можемъ войдти къ богачу, который живетъ здѣсь. *Недостатокъ.* Я тамъ буду тѣнью. *Вина.* Я какъ ничто. *Нужда.* Отъ меня отворачиваютъ изнѣженный взглядъ. *Забота.* Вы, сестры, не можете и не смѣете войдти къ нему. Забота пройдетъ и въ замочную скважину. *(Исчезаетъ.) Недост.* Сѣдыя сестры, удалитесь отсюда. *Вина.* Я иду подлѣ тебя. *Нужда.* А по пятамъ вашимъ идетъ Нужда. *(Всѣ три)* Бѣгутъ облака, исчезаютъ звѣзды! Позади, вдалекѣ, идетъ, идетъ — *Смерть.*

Ужасное слово послышалось Фаусту. Его монологъ при этомъ превосходенъ. Забота вошла къ нему; онъ не хочетъ признать ея власти, и она—ослѣпляетъ его. Онъ еще хочетъ предпринять работу, исполнить какое-то предпріятіе, ибо хотя « ночь окружаетъ его, но внутри еще есть свѣтъ.» Онъ зоветъ работниковъ. Является Мефистофель, съ чудовищами-Лемурами. Вмѣсто рва, который велитъ имъ копать слѣпой Фаустъ, они роютъ — его могилу. Но, не понимая злобнаго умысла ихъ, Фаустъ ушѣшается мыслію о добрѣ, которое еще мо-

жетъ сдѣлать, и вдругъ упадаетъ мертвъ. Мефистофель вызываетъ на помощь адскихъ духовъ, готовясь взять душу, давно предавшую ему себя. Его обращенія къ легіонамъ дьяволовъ, которымъ распредѣляетъ онъ при этомъ разныя занятія, исполнены всей насмѣшливости адскаго духа... Но вдругъ съ небесъ слышится утѣшительный голосъ. Хоръ ангеловъ поетъ милосердіе. Мефистофель въ изумленіи. Силы его ничтожны передъ Благостію Неизрѣченною. Розы сыплются съ вышины. Все пространство наполняется ангелами. Они принимаютъ къ себѣ безсмертную часть Фауста, и улетаютъ съ нею въ вышину. Мефистофель жалѣетъ о напрасномъ трудѣ своемъ.

Вся эта сцена исполнена красотъ невыразимыхъ. Читатель постепенно чувствуетъ ужасъ, когда приближается смерть Фауста, состраданіе, когда Мефистофель готовъ овладѣть душою закоренѣлаго грѣшника, и тихую радость, когда вдругъ раздается глаголъ утѣшенія. Монологи Мефистофеля въ этой сценѣ выражаютъ всю идею, какую человѣкъ можетъ составить себѣ объ искусителѣ, насмѣшливомъ и злобномъ. Послѣдняя сцена представляетъ чистую Католическую мистерію. Среди святыхъ анахоретовъ, являются ангелы съ душою Фауста;

разныя святыя лица поютъ милосердіе Всевышняго. Наконецъ является одна *Кающаяся, прежде называвшаяся Маргерита.* Она привѣтствуетъ искупленнаго и говоритъ: «Дозвольте мнѣ поучать его: онъ еще не можетъ переносить новаго свѣта!» Chorus mysticus заключаетъ драму, и Авторъ ставитъ послѣ него: Finis.

Можетъ быть, слабѣе всѣхъ другихъ дѣйствій представили мы это, послѣднее. Тому есть много причинъ, о которыхъ говорить здѣсь было-бы излишне.

(До слѣдующей книжки).

ОСАДА И ВЗЯТІЕ АКРЫ

Ибрагимомъ-Пашею, въ 1831 и 1832 гг.

(*Отрывокъ изъ Записокъ самовидца, Французскаго путешественника, Г-на Корнилл.*)

Сильное морское волненіе, во всю ночь, препятствовало намъ пристать къ Сирійскому берегу. Я не могъ уснуть; ходилъ по палубѣ нашего корабля и прислушивался къ однообразному шуму волнъ, отъ времени до времени прерываемому пушечными выстрѣлами, раздававшимися вдали, подъ крѣпостію. Въ темнотѣ невозможно было разсмотрѣть положенія крѣпости — этой знаменитой въ древности *Птолемаиды*; но бомбы, лопавшія въ воздухѣ и разсыпавшіяся огненными звѣздами, помогали мнѣ угадывать мѣсто оной и положеніе лагеря осаждающихъ.

На разсвѣтѣ, я могъ различать вдали лагерь Египетскій. Длинные караваны верблюдовъ пянулись въ него съ припасами. Я разсмотрѣлъ бастіоны самой крѣпости и верхи минаретовъ,

еще неразрушенные пушками осаждающихъ. Мы находились иногда въ двухъ миляхъ отъ Акры. Городъ Каиффа протягивался вдоль берега. Гора Кармель и холмы Ливанскіе ограничивали обзоръ.

Вчерашняя буря причинила здѣсь жестокія опустошенія. Гавань была усѣяна обломками; всюду видны были въ водѣ осколки мачтъ и остатки потонувшихъ кораблей. Грекъ, Капитанъ мой, съ ужасомъ указывалъ мнѣ на сіи плачевные остатки и хотѣлъ немедленно плыть въ открытое море. Я воспользовался его страхомъ, и предложилъ ему кончить условіе со мною. Между нами было положено, что я могу останавливаться вездѣ, гдѣ мнѣ угодно, и пробыть въ каждомъ мѣстѣ остановки сколько мнѣ заблагоразсудится. Охотно готовъ я былъ уничтожить наше условіе, если только безъ задержанія отпуститъ онъ меня на берегъ; негодяй согласился, и я возблагодарилъ Бога за избавленіе меня отъ этого полу-корсера, причинившаго мнѣ столько досадъ и убытковъ. Оканчивая навсегда сношенія мои съ Греками, отъ чистаго сердца сказалъ я имъ: прощайте на вѣки и дай Богъ никогда не встрѣчаться!

Наконецъ — я ступилъ моею ногою на эту *Азійскую землю*, исполненную древнѣйшихъ воспоминаній. Греція и Европа остались далеко за

мною. Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ я землю Перикловъ и Платоновъ, каждый день, казалось мнѣ, болѣе и болѣе раскрывались предо мною тайны Древности. Перенося теперь воспоминанія Спарты и Аѳинъ на берега Сирійскіе, я стремился вопрошать Древность о чудесахъ совсѣмъ другаго рода. Скоро увижу тѣ мѣста, гдѣ Религія Истины явилась міру въ торжествѣ крестномъ, гдѣ вѣра благости и прощенія врагамъ была засѣяна и возрасла подъ бурями гоненій. Далѣе, увижу Египетъ, источникъ вѣрованій древнѣйшаго Язычества. Бродя по берегамъ Нила, я вопрошу его о тайнахъ первобытныхъ временъ Востока; увижу чудеса древняго міра, на мѣстахъ, которыя можно назвать его колыбелью. По мѣрѣ приближенія къ симъ мѣстамъ первобытныхъ преданій человѣчества, кажется приближаешься ко храму Древности, сквозь тму вѣковъ, исчезающихъ передъ тобою...

Между тѣмъ явленія современной жизни должны были и еще часто будутъ привлекать къ себѣ мои внимательные взоры. Вліяніе Западныхъ обычаевъ коснулось въ новѣйшее время сихъ древнихъ областей и оставило на нихъ слѣды неизгладимые. Новая кора облекла этотъ дряхлый и ветхій пень Востока: легкая и прозрачная, она не могла скрыть собою его древ-

нихъ, волнистыхъ и твердыхъ слоевъ; но тѣмъ не менѣе, новая странная оболочка возбуждаетъ вниманіе странника, даже самою своею необыкновенностью. Можно-ли безъ участія разсматривать черты древней муміи, сквозь легкое покрывало, накинутое на нее новѣйшими временами?

Птолемаида дрожитъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ; преемники *Сезостриса* сдвигаются вокругъ нея въ тѣсные полки и громятъ древнія стѣны сего города. Вся эта обновленная старость, вся эта обмазка дряхлости, представлялась мнѣ какимъ-то маскарадомъ народовъ, наканунѣ вѣковой масляницы.

И вотъ, мы ѣдемъ на мулахъ, среди хижинъ, разсѣянныхъ на песчаной долинѣ, взрытой ядрами и бомбами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опѣняемой уединенными пальмами. Вбродъ переѣхали мы черезъ небольшую рѣчку и прибыли къ передовымъ постамъ Египтянъ, охраняемымъ конницею. Въ это время ужасно усилился огонь съ крѣпости. Намъ надобно было пробираться трудною дорогою, подъ самыми крѣпостными выстрѣлами. Поворотивъ къ уклону одного холма, закрывшаго насъ отъ опасности, мы вступили въ самый станъ Ибрагима-Паши.

Тутъ увидѣли мы шатры Арабовъ, бѣлаго цвѣта, низенькіе, стѣсненные, разставленные въ три ряда. Засаленные, безобразные воины, странно одѣтые по новой военной системѣ Египтянъ, сидѣли вокругъ своихъ котловъ и варили свой *пилавъ*; другіе чистили оружіе; иные стояли на караулахъ. Начальники ходили отъ одной толпы къ другой и награждали палочными ударами небрежныхъ и лѣнивыхъ. Паши, Беи, Бимъ-Паши скакали повсюду, и непримѣтельно благодарили знаками за уваженіе, какое отдавали ихъ почетнымъ званіямъ цѣлые батальоны солдатъ, кланяясь въ землю. Верблюды тянулись длинными цѣпями, и пустынный крикъ и рыканіе ихъ раздавались повсюду. Муллы громогласно совершали свои обычныя молитвы, и бомбы лопались между тѣмъ надъ городомъ. Зрѣлище было необыкновенно: война Восточная; Турція и Европа вмѣстѣ; пустыни и горы; спокойствіе на лицахъ; движеніе, шумъ, смѣшеніе въ лагерѣ!

Я сошелъ съ своего мула подлѣ гостинницы, временно устроенной въ лагерномъ *базарѣ*. Въ ожиданіи, пока наступитъ часъ представленія нашего Ибрагиму, мы рѣшились обѣдать, и намъ подали Кипрскихъ сухарей, *кавьяра* (паюсной икры) и дикихъ жаворонковъ, которые питаются въ пустыняхъ мясомъ издохшихъ верблюдовъ.

Почти оканчивался нашъ воинскій пиръ, когда вблизи раздался пистолетный выстрѣлъ; пуля прожужжала мимо насъ, и подлѣ входа въ палатку упалъ и валялся въ смертныхъ судорогахъ Арабъ. Это былъ шпіонъ изъ города. Его замѣтили, когда онъ карабкался на крѣпостной бастіонъ, - выстрѣлили въ него и попали ему въ ногу; несчастный имѣлъ еще силы бѣжать, но за нимъ гнались, и убили его въ виду нашемъ.

Множество Арабовъ собралось вокругъ его обезображеннаго трупа. Долго и молчаливо смотрѣли эти сыны пустынь на убитаго своего земляка, какъ будто думая: вотъ что и насъ ожидаетъ!— Меня тоже не могло обрадовать подобное зрѣлище, поразившее меня при первомъ вступленіи въ станъ Египетскій. За то, къ утѣшенію моему, сказали мнѣ, что въ 20-ти миляхъ отъ насъ, въ Назаретѣ и на Ливанѣ, открылась жестокая чума. — Она непремѣнно проберется въ лагерь— хладнокровно прибавляли къ этому разскащики— потому, что изъ горъ ежедневно привозятъ къ намъ товары и припасы.— Я подумалъ обо всемъ этомъ, и рѣшился поскорѣй взять мой пропускной фирманъ отъ Ибрагима и постараться немедленно уѣхать. Для этого спѣшилъ я, не теряя времени, къ жилищу Ибрагимову: это былъ пре-

лестный загородный кіоскъ, построенный Абдаллою, затворившимся теперь въ Акрѣ, и столь упорно защищавшимъ ввѣренный ему городъ. Ибрагимъ завладѣлъ кіоскомъ Абдаллы по праву сильнаго. Среди всѣхъ ужасовъ войны, кіоскъ сохранялъ еще свой праздничный видъ. Онъ находился подъ городскими выстрѣлами; но осажденные не стрѣляли въ него, чтобы потомъ не надѣлать своему повелителю излишнихъ убытковъ перестройкою разрушеннаго кіоска, когда осада, какъ они твердо надѣялись, въ скоромъ времени кончится для нихъ благополучно и Ибрагимъ принужденъ будетъ отступить безъ успѣха. Я не засталъ Ибрагима. Онъ осматривалъ свои баттареи, когда явился я въ его жилище. Ожидая возвращенія полководца Египетскаго, мы познакомились съ извѣстнымъ *Солиманомъ-Беемъ*, прежде бывшимъ Полковникомъ Наполеона, изгнаннымъ изъ отечества при Бурбонахъ, бѣжавшимъ въ Египетъ, гдѣ образовалъ онъ войско Вице-Короля Египетскаго на Европейскій манеръ, и самъ принялъ Мусульманскую вѣру. Солиманъ встрѣтилъ меня, окруженный писарями, адъютантами, инженерами и маленькими свинцовыми солдатиками, посредствомъ коихъ изъясняетъ онъ Ибрагиму, и другимъ, всѣ предполагаемыя имъ воинскія распоряженія, касательно осады и движенія войскъ.

Солиманъ-Бей извѣстенъ, какъ лихой солдатъ и большой весельчакъ. Пріемъ его, сдѣланный намъ, подтверждалъ это общее мнѣніе. Мы говорили съ нимъ о нашей общей родинѣ, о Греціи, о Турціи. По множеству вопросовъ, какіе предложилъ мнѣ Солиманъ, касательно замѣченнаго мною состоянія войскъ и флота Султанскаго, можно было предвидѣть, что предпріятія Египтянъ не ограничивались однимъ взятіемъ Акры.

Солиманъ увелъ меня въ сады кіоска. Загородный дворецъ этотъ долженствовалъ быть прелестенъ, когда не были еще вырублены пальмовыя и сикоморовыя рощи, его окружавшія. Абдалла устроилъ въ садахъ его павильоны, гроты, фонтаны, бассейны. Мнѣ весьма удобно было изъ этого полуопустошеннаго сада разсматривать Акру и видѣть весь планъ ея осады.

Акра знаменита въ Военной Исторіи по выдержанымъ ею осадамъ. Крестоносцы и Наполеонъ бились нѣкогда подъ ея стѣнами. Ибрагимъ принялъ въ основаніе своихъ нападеній всѣ распоряженія, сдѣланныя въ подобномъ случаѣ Наполеономъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи, не болѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ городскихъ стѣнъ, стояли предо мною и гремѣли Египетскія баш-

шареи. Крѣпостные валы, однообразною линіею примыкались двумя концами къ морю; посрединѣ ихъ возвышалась квадратная цитадель, и въ ней можно было разсмотрѣть куполъ мечети, у которой минареты сбиты были ядрами осаждающихъ. За городомъ высилась гора Кармель. Море было въ это время неподвижно; облака пыли по долинѣ означали рикошеты ядеръ, вылетавшихъ изъ крѣпостныхъ пушекъ.

Солиманъ указалъ мнѣ на ту часть стѣны, гдѣ предположено сдѣлать брешь, и когда я удивлялся, зачѣмъ такъ долго медлятъ этимъ важнымъ дѣломъ, онъ отвѣчалъ, что безъ приступа надѣялись убѣдить *буяна Абдаллу*, который однакожъ рѣшился лучше позволить взорвать на воздухъ весь городъ, нежели сдаться добровольно. Солиманъ бранилъ притомъ Ибрагима за медлительность, утверждая, что давно надобно было зажечь подкопы, идти на приступъ и не жалѣть солдатъ для рѣшительнаго удара. «Въ настоящемъ положеніи дѣлъ,» продолжалъ онъ, «мы должны были ужаснуть Сулшана громовымъ ударомъ, и въ семъ случаѣ время для насъ гораздо дороже потери людей.» Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. «Не удивляешь-ли вы, видя меня, своего соотечественника, ренегатомъ?» — сказалъ мнѣ Солиманъ. — Я не скрылъ моего удивленія. — «О! въ Парижѣ, когда вы станете объ этомъ раз-

сказывать, начнутъ кричать, ужасаться — да, такъ и должно быть: меня тамъ презираютъ, бранятъ, ругаютъ! Не спрашиваютъ, *что* заставило меня перемѣнить вѣру, а говорятъ только, что я, *Христіанинъ*, сдѣлался *Туркомъ*— Туркомъ! Что можетъ быть страшнѣе этого названія для Парижа, гдѣ женщины все, а Турки кажутся чудовищами, потому что женщины у нихъ ничто.» — Но неужели вы хотите оправдать подобное состояніе общества въ глазахъ Европейцевъ? — « Сохрани Боже! Я всегда былъ услужникомъ женщинъ, и до сихъ поръ не забылъ еще ловкихъ Парижскихъ *гризетокъ*. Да, ихъ шаловливость всегда нравилась мнѣ болѣе скучной чопорности нашихъ модныхъ дамъ. Впрочемъ — за что-же бранить меня? Вездѣ можно быть добрымъ человѣкомъ. А обстоятельства? Я-ли въ нихъ виноватъ? Я начальствовалъ Мусульманами; оскорбленные повиновеніемъ *собакѣ* — такъ они называютъ Христіанъ, какъ мы въ свой чередъ называемъ Жидовъ — мои солдаты хотѣли снять съ себя такое безчестіе, и положили отправить меня на тотъ свѣтъ: въ меня выстрѣлили однажды, почти приставивъ дуло пистолета къ моей головѣ. Пуля пролетѣла однакожъ мимо, и я разрубилъ голову негодяю, который отваживался на мою жизнь. Но, не зная, могу-ли впредь надѣяться на подобную удачу, для вѣрнѣйшаго сохраненія

жизни, я сдѣлался Мусульманиномъ. Съ тѣхъ поръ Египтяне очень спокойно повинуются мнѣ. И что-же? Я все такой-же Христіанинъ, какимъ былъ и прежде. Вспомните, что я выросъ въ то время, когда, по приказу покойной Республики, во Франціи уничтожены были церкви, алтари и религія. Послѣ этого, за перемѣну какой-же вѣры упрекаютъ меня, когда ея не было ни у меня, ни во Франціи въ то время? Я принялъ другую вѣру, по желанію новаго моего отечества: мнѣ надлежало уважить обычаи здѣшней стороны. Правовѣрные солдаты мои были въ восторгѣ отъ моего ренегатства. Дураки! Они думали, что тотъ и Мусульманинъ, кто по ихъ обряду постится днемъ, шалитъ и объѣдается ночью и живетъ съ нѣсколькими женами (*)!»— Желая перемѣнить этотъ непріятный для меня разговоръ, ибо я не могъ быть убѣжденъ шутливыми рѣчами Солимана-Бея, обратился я къ осадѣ крѣпости. «Когда-же, думаете вы, кончится осада?» спросилъ я.— Кто ихъ знаетъ! Вотъ уже четвертый, или пятый мѣсяцъ кидаемъ мы бомбы, и едва еще успѣли

(*) Какъ историческую черту, показывающую характеръ Египетскаго преобразователя, мы сохранили здѣсь всѣ ложныя, превратныя и легкомысленныя сужденія Солимана-Бея, справедливо осуждаемыя Г-мъ Корнилемъ. *Пер.*

пообломать въ городѣ кое-что. Я хорошо исполняю свое дѣло: говорю, объясняю; они соглашаются съ моими совѣтами, а дѣлаютъ по своему. Турокъ всегда останется Туркомъ. Хотѣть подчинить этотъ народъ Европейской тактикѣ, все равно, что запретить водѣ этой бомбѣ лопнуть на воздухѣ. Это значитъ хотѣть переродить совершенно людей и вещи. Но Паша ѣдетъ. Приходите сегодня вечеромъ; я представлю васъ Его Свѣтлости.

Возвращаясь въ гостинницу, на пути встрѣтилъ я владѣтеля горы Ливанской, *Эмира Бешира*, старика съ длинною сѣдою бородою; онъ передался на сторону Паши Египетскаго, возсталъ противъ Порты, и привелъ подъ Акру въ станъ Ибрагима 30,000 Друзовъ—обитателей горъ и пустынь Ливанскихъ. Ибрагимъ предварительно объявилъ уже его *Пашею Акрскимъ и Правителемъ всей Сиріи.*

Въ гостинницѣ нашли мы толпу Итальянцевъ, находящихся въ службѣ Египетскаго Паши. Сидя вокругъ большаго деревяннаго стола, они сильно шумѣли о политикѣ, стучали кулаками и стаканами. Наконецъ рѣчь дошла у нихъ до настоящаго ихъ положенія: долговременная осада надоѣдала имъ; жалованье платили имъ худо; приближалась чума, и — что всего хуже—въ лагерѣ не было никакого

запаса вина. Они рѣшились наконецъ, съ горя, играть, разсыпали на столъ деньги, вынули карты. Мы ни во что не вмѣшивались, и послѣ жалобъ, споровъ и игры, искатели приключеній удалились изъ гостинницы. Кажется, этимъ господамъ всего болѣе хотѣлось на насъ вымѣстить жалованье ихъ, задержанное Ибрагимомъ. За непріятную встрѣчу съ ними обрадовалъ насъ приходомъ своимъ нашъ любезный соотечественникъ, молодой Французъ, лекарь, добровольно вступившій въ службу Мугаммеда-Али. Онъ также не дружился съ Итальянцами, изъ которыхъ большая часть были изгнанники изъ отечества, прикрывшіе Египетскимъ мундиромъ свои прошедшія дѣла и безславіе, справедливо заслуженное ими въ отчизнѣ.

Узнавъ о цѣли нашего прибытія подъ Акру, новый знакомецъ нашъ, Г-нъ Лафонъ, полагалъ, что намъ придется прожить здѣсь нѣсколько дней, и ласково предложилъ намъ поселиться въ его медицинской палаткѣ. Товарищъ его, Г-нъ Ложье, урожденецъ Марсельскій, присоединилъ просьбы свои къ его просьбамъ, и мы помѣстились въ госпитальномъ отдѣленіи лагеря, въ самой срединѣ Египетскаго войска, по-братски раздѣляя съ земляками кровъ, одръ и пилавъ. Такое бивачное

гостепріимство показывало собою что-то Рыцарское, Восточное, и ему обязанъ я пріятнѣйшими минутами изъ всего пребыванія моего подъ Акрою.

Вмѣстѣ съ новыми нашими хозяевами, отправились мы при наступленіи ночи въ кіоскъ Ибрагима. Мы застали его въ большой залѣ, съ Османомъ-Беемъ, главнымъ начальникомъ сухопутнаго и морскаго войска Египтянъ, послѣ Ибрагима-Паши, и съ Солиманомъ-Беемъ, который представилъ насъ Его Свѣтлости.

Ибрагимъ показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ сорока пяти; видъ его не представляетъ ничего благороднаго; рѣдкая борода безпорядочно покрываетъ его некрасивый подбородокъ; глаза его дико сверкаютъ изъ подъ густыхъ бровей, и вся наружность Ибрагима соотвѣтствуетъ молвѣ о свирѣпомъ характерѣ этого палача несчастной Греціи. Старый рединготъ, каштановаго цвѣта, похожій на полукафтанье Католическаго священника, закрывалъ его широкую грудь и часть коротких ногъ его, спущенныхъ съ креселъ, ибо — замѣтьте: Его Свѣтлость сидѣлъ въ креслахъ, изъ которыхъ, какъ по всему видно, ему очень хочется со временемъ сдѣлать себѣ независимый тронъ.

Легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчалъ Ибрагимъ на мой почтительный поклонъ, и ука-

залъ мнѣ на другія кресла, гдѣ долженъ былъ я сѣсть. Принесли кофе; трубокъ не подавали: Ибрагимъ не куритъ табаку. Солиманъ-Бей взялся быть моимъ драгоманомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Ибрагимъ сдѣлалъ мнѣ тотъ-же самый вопросъ, какой слышалъ я въ Царьградѣ, представляясь тамошнему Сераскиру: «Скоро-ли Франція ваша начнетъ войну?» — Не знаю. — «Для войны надобны деньги.» — У насъ есть деньги, и если-бы дошло до войны, то кто откажется отдать послѣднее для защиты отечества. — «Вы все еще въ союзѣ съ Англіею?» — До сихъ поръ. — «Да, Франція и Англія два сильныя государства.» Ибрагимъ засмѣялся коварно, и вдругъ важно спросилъ меня. «Велико-ли у васъ войско?» — Если считать національную гвардію, два милліона. — Онъ задумался, наклонилъ голову, выставилъ впередъ нижнюю губу, и тихо началъ свистать. Это можно было истолковать такъ, какъ мнѣ кажется: «*Два милліона!* Хорошо; я много сдѣлалъ-бы и съ половиною этого числа»! — «Что дѣлаетъ вашъ Король?» — Исполняетъ свои обязанности. — «Развѣ у него есть *обязанности?*» — Какъ у всякаго изъ его подданныхъ; законы равно существуютъ и для него. — «*Machina, machina, machina!*» сказалъ Ибрагимъ по-Итальянски, и засмѣялся. — «Успокоилось-ли теперь у васъ?» — На-

добно не мало времени, чтобы совершенно успокоиться послѣ всѣхъ переворотовъ, бывшихъ во Франціи въ послѣднее время. — «*Liberté, inflammation!*» Ибрагимъ сказалъ эти два слова по-Французски. Во всѣхъ рѣчахъ и движеніяхъ Ибрагима, я замѣчалъ что-то насмѣшливое, и въ тоже время принужденное; мнѣ казалось, что онъ долго думалъ, проговоривъ что нибудь. Въ одинъ изъ этихъ промежутковъ молчанія, Солиманъ-Бей спросилъ по-Французски у Османа-Бея: что̀ думаетъ онъ объ его драгоманствѣ? Османъ, стоявшій до того времени неподвижно передъ своимъ повелителемъ, легонько оборотилъ голову, и отвѣчалъ, что Солиманъ переводитъ прекрасно. Я понялъ, что многіе изъ присутствовавшихъ могли разумѣть наши разговоры, и Солиманъ искусно хотѣлъ меня увѣдомить объ этомъ. Ибрагимъ опять началъ свои вопросы. «Вы пріѣхали къ намъ изъ Греціи; что̀ дѣлаютъ тамъ?»— Ничего важнаго.— «*Liberté!* Греки не казались такъ глупы, когда были подъ Турецкимъ правленіемъ.»—Да, палка убѣдительнѣе словъ.—«Въ Египтѣ нѣтъ палокъ!»—Онъ солгалъ, но я важно отвѣчалъ ему: неужели вы полагаете, что въ Европѣ не знаютъ различія между *Турецкимъ* и *Египетскимъ* правленіемъ? Всѣ видятъ разницу, и увѣрены, что она день отъ дня будетъ увеличиваться.— Ибрагимъ ничего не от-

вѣчалъ, и пристально посмотрѣлъ на меня. — Мы въ Европѣ увѣрены въ этомъ — продолжалъ я. Улыбка кровавая пробѣжала по толстымъ губамъ Ибрагима. Онъ задавалъ мнѣ потомъ множество вопросовъ, о состояніи Турціи, Янычарахъ, Улемахъ, пожарѣ въ Перскомъ предмѣстіи, наконецъ вообще о военномъ и гражданскомъ состояніи Турціи и новыхъ военныхъ усовершенствованіяхъ Султана, котораго съ усмѣшкою назвалъ онъ *il piccolo signore* (господчикомъ), долго смѣявшись послѣ этой шутки. «Махмутовы солдаты носятъ-ли наши Европейскія шляпы?» — Нѣтъ. — «И мои тоже; они любятъ свои красные калпаки.» — Не смотря на то, у васъ превосходное войско. Я видѣлъ маневры вашего гвардейскаго полка, и удивлялся имъ. — «Это выборное войско изъ тридцати тысячъ. Они просятся первые идти на приступъ. Весь успѣхъ будетъ зависѣть отъ того, кто пойдетъ впередъ, и отъ первыхъ пятнадцати минутъ. Приступъ для насъ новое дѣло. Если моя Гвардія хорошо удержится — мы побѣдимъ легко; если дѣло выйдетъ иначе — надобенъ будетъ еще приступъ; мои Арабы струсятъ. Это *дели Абдалла* (дуракъ Абдалла)!... Если-бы онъ сдался, я пощадилъ-бы его; рано или поздно, надобно будетъ сдаться... *Дели, дели* (дуракъ, дуракъ).» — Славно будетъ для Вашей Свѣтлости покорить такой

городъ, который устоялъ противъ Бонапарте.— «О! Бонапарте дрался не съ такими защитниками. Въ городѣ были тогда Англійскіе артиллеристы и 18,000 славнаго войска; у Французовъ была только полевая артиллерія. И при всемъ этомъ они семь разъ ходили на приступъ! Славно дрались они! Если-бы не испугали ихъ ложнымъ извѣстіемъ, они взяли-бы городъ. Да, что говорятъ у васъ теперь о Бонапарте?» — При отъѣздѣ моемъ, думали о томъ, чтобы перенести гробъ его съ острова Св. Елены, и похоронить подъ колонною, которую онъ воздвигнулъ себѣ въ Парижѣ. — «И справедливо: всякому свое. Что-же: сдѣлали-ль это?»—Нѣтъ.— «Почему-же *нѣтъ*?» — Противники Бонапартовыхъ приверженцевъ превозмогли. — «Неужели у васъ боятся костей его?»—Тутъ вошелъ какой-то офицеръ Египетскій, и представилъ Ибрагиму бумагу. Онъ угрюмо взялъ ее, прочиталъ, отдалъ обратно, и молча сдѣлалъ рукою горизонтальное движеніе: это значило—смертный приговоръ...

Тогда я объяснилъ Ибрагиму причину моего прибытія, сказавъ, что я принужденъ былъ пріѣхать въ лагерь его, чтобы просить у него свободнаго пропуска черезъ горы въ Іерусалимъ, и если можно, то благоволилъ-бы онъ снабдить меня этимъ пропускомъ безъ замедле-

нія. «Вы не хотите дождаться взятія города?» — Признаюсь: время намъ дорого. — «О! это мигомъ сдѣлается. Какъ можно отказаться отъ присутствія при такомъ любопытномъ дѣлѣ? Вѣдь вы ѣздите для изученія нравовъ и обычаевъ разныхъ земель? Приступъ займетъ васъ. Это любопытно!» — Я боюсь наступленія жаровъ; мнѣ хотѣлось успѣть еще побывать прежде этого въ Іерусалимѣ и въ Египтѣ. — «Останьтесь только на приступъ; увѣряю васъ, что это будетъ очень любопытно. *Вы не можете отказать мнѣ въ этомъ.*» — Должно было согласиться, что онъ говорилъ правду; я замолчалъ, и всталъ съ своихъ креселъ, съ поклономъ. Ибрагимъ сказалъ мнѣ потомъ, что чрезвычайно доволенъ моимъ посѣщеніемъ. — Мнѣ должно было благодарить васъ — отвѣчалъ я. — Такихъ обыкновенныхъ путешественниковъ, какъ мы, Ваша Свѣтлость видите всегда; но многимъ-ли путешественникамъ удается видѣть людей, подобныхъ Вашей Свѣтлости. — Ибрагимъ принялъ это за привѣтствіе, и наклонилъ голову съ такою комическою скромностію, что я едва не засмѣялся.

Лардони, Докторъ Ибрагима, еще до свиданія нашего съ нимъ, неоднократно уговаривалъ насъ не настоять въ требованіи пропускныхъ видовъ. Наши усы и плащи съ крас-

ными воротниками возродили множество подозрѣній. Одни считали насъ образчиками новой военной одежды; другіе бѣглецами Іюльской революціи, искателями приключеній, нарочно пріѣхавшими изъ Франціи въ Царьградъ, изъ Царьграда подъ Акру, для удобнѣйшаго шпіонства. Лардони увѣрялъ насъ, что если мы усильно выпросимъ себѣ позволеніе ѣхать, насъ успѣютъ запутать въ горахъ въ какую нибудь непріятную исторію, при чемъ навѣрное мы останемся не въ выигрышѣ. И такъ, приглашеніе насъ на любопытное зрѣлище приступа было просто повелѣніе остаться? Мы были военными плѣнниками, осаждающими и осажденными въ одно время, подъ милостивымъ покровительствомъ Его Свѣтлости! Нечего было дѣлать: надлежало по неволѣ закочевать въ таборѣ Египетскомъ.

Разговоры Ибрагима не всегда бываютъ такъ угрюмы и отрывисты, какъ разговоръ его съ нами. Иногда Ибрагимъ показываетъ остроуміе и ловкость въ рѣчахъ. Изъ множества анекдотовъ о немъ, разскажу одинъ достовѣрный. Когда Ибрагимъ посѣтилъ Адмиральскій корабль подъ Навариномъ, Французскій офицеръ спросилъ у него: присутствовалъ-ли онъ лично гдѣ нибудь на войнѣ, кромѣ Греціи? — «Я дрался въ Сеннаарѣ и въ Меккѣ,» отвѣчалъ

Ибрагимъ. «А вы сами, кромѣ Греціи, бывали-ль гдѣ нибудь?»—Я былъ въ Испанскомъ походѣ, подъ Трокадеро.—«То есть, тамъ отнимали вы то, что теперь даете Грекамъ. Но знаете-ли, что и тамъ и здѣсь вы равно проиграли?»—Ибрагимъ храбръ, какъ Турокъ старинныхъ временъ. Двадцать разъ въ день бываетъ онъ на своихъ баттареяхъ, и смѣло ходитъ на битвы въ головѣ своихъ колоннъ. Кажется, что кровь, пожаръ, смертные стоны веселятъ его. Онъ любитъ старые Турецкіе обычаи, и неохотно соглашается на нововведенія своего отца, который впрочемъ не родной отецъ его, какъ обыкновенно думаютъ. Мугаммедъ-Али женился на вдовѣ своего брата, и усыновилъ ея дитя, своего племянника: этотъ племянникъ есть *Ибрагимъ*. Слѣпо повинуясь старику, усыновившему его, Ибрагимъ служитъ Мугаммеду-Али усердно во всемъ; но собственно онъ врагъ всякой Европейской образованности. Иностранные обычаи кажутся ему пагостью и униженіемъ. Только изъ почтенія къ отцу, терпитъ онъ Европейцевъ въ своемъ войскѣ. Самый Солиманъ-Бей не принадлежитъ къ числу его любимцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ смертію Мугаммеда-Али Египетъ упадетъ въ прежнее варварство, изъ котораго кажется онъ вышедшимъ, если только какія нибудь

неожиданныя событія не перемѣнятъ порядка наслѣдства послѣ нынѣшняго Вице-Короля.

Терпѣливо ждалъ я рѣшенія Ибрагимова на приступъ къ городу. Наконецъ подкопы были зажжены, взрывомъ разрушило контръ-эскарпъ и засыпало крѣпостной ровъ. Оставалось пробить брешъ въ стѣнѣ; артиллерія начала дѣйствовать и очищала дорогу въ городъ Египетскимъ войскамъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для приступа, я ходилъ по лагерю. Всюду видна была самая живая радость. Солдаты толпились около своихъ начальниковъ, которые, сидя на скамейкахъ, исчисляли имъ всѣ выгоды, долженствующія слѣдовать за побѣдою. «Городъ не въ состояніи больше держаться,» говорили они солдатамъ. «Голодъ ослабилъ силы осажденныхъ. Уже нѣсколько разъ просили они помилованія у нашего полководца.»—Это была наглая ложь, но кто осмѣлился-бы ее оспоривать?— «Нашъ полководецъ отвергалъ всѣ ихъ просьбы, для того, чтобы страшнымъ наказаніемъ Акры показать примѣръ другимъ городамъ Сиріи. Безчисленныя сокровища накоплены въ городѣ и въ казнѣ Абдаллы. Жены его ходятъ въ золотѣ и въ алмазахъ. Арсеналъ его наполненъ драгоцѣннымъ оружіемъ, и — все это отдадутъ въ

добычу побѣдителямъ! Стоитъ только войдти въ городъ, и каждый изъ васъ сдѣлается послѣ того богатъ на всю жизнь—только войдти туда надобно! Разумѣется, будутъ драться съ нами; но это вздоръ: намъ суждено побѣдить, а за храбрость наградятъ насъ слава, богатство, благословеніе Пророка, раздраженнаго этимъ окаяннымъ городомъ, который осмѣлился противостать воинству Ибрагима, Паши Мекскаго и представителя Великаго Пророка Мугаммеда!» Кликами шумной радости отвѣчали солдаты на всѣ такія рѣчи; потомъ запѣвали они пѣсни, и шли къ своимъ шатрамъ, думая только о завтрашнемъ днѣ. Восторгъ былъ всеобщій; даже конница просила позволенія идти на приступъ.

Слушая все, что говорили въ лагерѣ, самъ я убѣдился наконецъ въ томъ, что Акра готова была просить пощады. Съ своей стороны я также ожидалъ разныхъ выгодъ отъ взятія города: во-первыхъ, отпуска своего; потомъ разсчитывалъ я: могу-ли отложить нѣсколько піастровъ для покупки хорошей сабли, Арабской лошади, или шалей Абдаллы, когда все это выставится на продажу въ лагерномъ базарѣ, и будетъ продаваться, вѣроятно, за бездѣлицу? Какъ ошибаются люди!

Вечеромъ, нетерпѣніе войска дошло до высочайшей степени. Арабы толпами бѣгали по лагерю, кричали, собирались въ кружки подлѣ шатровъ, прыгали, плясали и дико пѣли свои пустынныя пѣсни. Съ трудомъ уговорили ихъ удѣлить нѣсколько часовъ на успокоеніе. Наконецъ, глубокая тишина воцарилась повсюду.

Огонь артиллеріи прекратился съ обѣихъ сторонъ. Обширный брешъ пробитъ былъ въ стѣнѣ. Ночное небо усѣялось звѣздами, и, казалось, земля и небеса согласились утихнуть и успокоиться. Это было всеобщее перемиріе стихій и людей.

Въ полночь, Египетское войско совсѣмъ приготовилось. Тихо, безъ малѣйшаго шума, подходило оно къ батареямъ; безмолвные ряды воиновъ Ибрагима казались издали длиннымъ, волнистымъ змѣемъ, залегавшимъ за пушками. Постепенно шли и исчезали рядъ за рядомъ всѣ войска, располагаясь позади холма, скрывавшаго отъ взоровъ нашихъ крѣпостныя укрѣпленія.

Солиманъ-Бей отправился туда-же, простившись съ нами мимоходомъ, и обѣщавъ весело поздороваться, если успѣетъ возвратиться

живой. Было очень холодно (*). Мы согрѣвались около бутылки рому, однакожъ дрожали въ ожиданіи, наблюдая все происходившее, неподвижно и въ молчаніи, какъ будто женщины, когда ждутъ онѣ страшнаго фантасмагорическаго привидѣнія. Весь этотъ порядокъ, точность въ исполненіи приказаній, таинственность, тишина, были для насъ изумительны. Между тѣмъ звѣзды потухали— свѣтало. Пора было начинать дѣло. Намъ ежеминутно казалось, что Египтяне бросятся въ городъ, захватятъ его, не давши опомниться Абдаллѣ, и только пожаръ подастъ намъ извѣстіе о побѣдѣ.

Какъ-же изумлены мы были страшнымъ шумомъ музыки, трубъ, барабановъ и грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ! Къ этому присоединился пронзительный и продолжительный вопль солдатъ Египетскихъ; бомбы полетѣли въ городъ; огонь пушекъ, мортиръ и взрывъ бомбъ освѣтили въ темнотѣ городскія стѣны и полки осаждающихъ.

Тактика Турецкихъ приступовъ казалась мнѣ

(*) Приступъ, который описываетъ здѣсь Г-нъ Корниль, происходилъ 27-го Ноября (ст. ст.) 1831 года. *Пер.*

послѣ этого, вовсе непостижимою. Идти ночью, тихонько, удерживать самое дыханіе, трепетать малѣйшаго шума, который показалъ-бы непріятелю движеніе войскъ; и когда остается только броситься въ брешь и овладѣть спящимъ городомъ, въ это время ударишь набатъ, разбудишь непріятеля бомбами и ядрами, и кричать ему во все горло: «*Вставай; готовь оружіе; мы здѣсь — бейся съ нами!*» Таковы были клики Ибрагимовыхъ солдатъ.

Густое облако дыма покрыло въ одно мгновеніе городъ и осаждающихъ. Солнце всходило изъ за-горы Кармеля, но надъ Акрою, казалось, сгустилась ночь въ облакахъ пыли и дыма. Въ самой срединѣ ея сверкалъ ужасный огонь во всѣхъ направленіяхъ, пересѣкаясь высоко въ воздухѣ: эту средину битвы составлялъ брешь, пробитый въ стѣнѣ артиллеріею Египтянъ.

Мы отправились на холмъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Тамъ стоялъ самъ Ибрагимъ, съ своимъ Штабомъ, и быстро оборачивалъ лорнетъ свой во всѣ стороны, гдѣ только можно было разсмотрѣть что нибудь въ облакахъ дыма. Забывая о нашемъ присутствіи, онъ кричалъ, топалъ ногами, махалъ руками, рвалъ себѣ бороду отъ бѣшенства и нетерпѣнія. Наконецъ — не въ состояніи онъ былъ оставаться праздным зрителемъ битвы, всю-

чилъ на лошадь и бросился въ самый пылъ сраженія.

Мы не оставляли холма, и видѣли, что брешъ не переставалъ быть единственнымъ мѣстомъ упорной драки. Огонь не двигался ни назадъ, ни впередъ, и замѣтно было, что осажденные не уступаютъ Египтянамъ ни одного шага. Такое неожиданное упорство изумляло насъ. Между тѣмъ раненые появлялись со всѣхъ сторонъ. Мои хозяева оставили меня и спѣшили въ госпиталь, а я тихо поплелся къ нашему общему жилищу, искренно сожалѣя объ участи воиновъ Ибрагима, которые рѣзались и увѣчились, сами не зная за что. Я сожалѣлъ также и объ участи осажденныхъ; бѣдственное упорство ихъ лишало меня дешевой покупки сабель, лошадей и шалей; но, рано или поздно, дѣло должно было кончиться взятіемъ города и погибелью ихъ. Впрочемъ, и не предаваясь размышленіямъ объ участи человѣческой, надобно было поскорѣе оставить холмъ, съ котораго мы наблюдали приступъ: крѣпостныя ядра начали долетать туда, при усиленной пальбѣ, и легко могли они отправить въ Арабскій госпиталь самыхъ мирныхъ и кротkихъ наблюдателей приступа, безъ рукъ или безъ ногъ.

Три часа продолжалось дѣло. Съ обѣихъ сторонъ не видно было ни успѣха, ни малѣйшей

уступки. Въ одно время показалось намъ, что мѣсто битвы перемѣнилось и перешло далѣе въ городъ; мы полагали, что храбрые солдаты Абдаллы уступили наконецъ свирѣпости и многочисленности осаждающихъ, и оставили брешь. Но вскорѣ битва опять подвинулась къ этому мѣсту, хотя въ то-же время дрались и въ другихъ сторонахъ. Наконецъ, все вдругъ остановилось и утихло; дымъ разнесло вѣтромъ; всюду наступило глубокое безмолвіе.

Трудно было вообразить, чтобы войско Ибрагима было отбито Абдаллою. Ничто не показывало однакожь и того, чтобы Ибрагимъ овладѣлъ городомъ. Не зная, какъ рѣшить сомнѣніе, мы всѣ полагали, что второе было достовѣрнѣе, и, можетъ быть, таковъ обычай Мусульманъ, что побѣду торжествуютъ они угрюмымъ молчаніемъ, какъ приступъ означаютъ крикомъ и шумомъ.

Въ нерѣшительности, отправился я въ военный госпиталь. Въ этомъ обширномъ сараѣ, взорамъ моимъ представилось нѣсколько сотъ несчастныхъ, изувѣченныхъ солдатъ Ибрагима. Они лежали на землѣ, почти нагіе. Стоны и пронзительные крики раздавались со всѣхъ сторонъ, и показывали собою въ тѣснотѣ мѣста, гдѣ производились хирургическія операціи. Отрѣзанныя руки и ноги разбросаны были повсю-

ду, и между ними можно было замѣтить множество огромныхъ свертковъ чего-то, закутанныхъ въ шерстяные саваны: это были трупы умершихъ въ госпиталѣ, приготовленные къ погребенію. . .

Бѣдные люди! Что сдѣлалось съ вашими надеждами, съ вашею радостью, которую такъ неистово изъявляли вы вчера! Поражаемые пушками и саблями осажденныхъ, воины Египта и Ливана падали цѣлыми рядами, и толпами ползли и шли они потомъ смѣнять другъ друга на одрѣ страданій и смерти. Они лишены были даже отрады побѣдить, и съ горестными воплями разсказывали, что крѣпость выдержала всѣ ихъ тщетныя усилія. Осажденные были на нѣсколько мгновеній отбиты отъ бреша, и уступили— но это оказалось безполезнымъ, временнымъ торжествомъ; съ новою силою бросились воины Абдаллы на Арабовъ, ворвавшихся въ городъ, и перерѣзали ихъ.

Всѣ полагали, что Ибрагимъ готовится на новый приступъ. Казалось невозможнымъ оставить кровавое поле битвы, не употребивъ новыхъ усилій для отмщенія за первое безполезное дѣло. Но ничего этого не было. Въ теченіе трехъ, послѣдовавшихъ за приступомъ дней, мы не услышали даже ни одного ружейнаго выстрѣла. Осажденные воспользовались этимъ не-

ожиданнымъ перемиріемъ: снова очистили и прорыли они городскіе рвы, возобновили укрѣпленія, и черезъ то сдѣлали безполезнымъ второй приступъ, на который, спустя долгое время потомъ, рѣшился Ибрагимъ (*). Защита Акры сдѣлала-бы честь лучшему Европейскому генералу: *три тысячи* человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выдержали всѣ усилія *тридцати-тысячнаго* войска, подкрѣпляемаго сильною осадною артиллеріею и толпами Ливанскихъ Друзовъ.

Госпитали безпрерывно болѣе и болѣе наполнялись ранеными. Бѣдные изувѣченные Арабы худо переносили операціи хирурговъ. Умы ихъ были поражены, Богъ знаетъ какими-то ужасающими видѣніями, которыя повсюду представляли имъ одно— *смерть!* Обманутые надеждою на удачный приступъ, они выискивали причины безуспѣшности своихъ отчаянныхъ усилій въ чемъ нибудь сверхъестественномъ. «Мы видѣли,» говорили они, «на стѣнахъ этой проклятой крѣпости, людей съ верблюжьими ногами, которыми шагали они вдругъ по десяти шаговъ; мы видѣли еще какихъ-то женщинъ, съ огненными глазами, съ страшными *ятаганами*

(*) Февраля 17-го 1832 года.

въ рукахъ, и однимъ ударомъ этихъ ятагановъ онѣ повергали цѣлые наши ряды.» Другіе говорили, что среди битвы явно кто-то шепталъ имъ о смерти, и пока старались они разгадать этотъ невнятный шопотъ, непріятель повергалъ ихъ изувѣченными среди труповъ и въ потокахъ крови.

Многіе изъ раненыхъ были изуродованы ужаснымъ образомъ. Это доказывало жестокость битвы, въ какой они находились. У одного Араба пистолетная пуля ударила въ правый глазъ, разбила небо во рту, раздробила нижнюю челюсть, лѣвое плечо, и вылетѣла въ ребра. Несчастный задыхался; смертное хрипѣніе было въ немъ единственнымъ признакомъ жизни, и вскорѣ кончилось съ его нестерпимыми страданіями.

Но въ лагерѣ вообще все казалось спокойнымъ по наружности; только все облеклось въ глубокую тишину и неподвижность. Солдаты скрывались въ своихъ шатрахъ; даже карауловъ не было видно, и въ цѣломъ лагерѣ не слышно было ни одного голоса человѣческаго. Это безмолвіе, это уныніе, представляли воображенію шатры Египтянъ какими-то гробами, и весь лагерь показался-бы наблюдателю обширнымъ кладбищемъ, если-бы ряды верблюдовъ, безпрерывно движущіеся, не показывали собою призна-

ковъ жизни. Во всемъ этомъ являлось намъ что-то Восточное, напоминавшее Библейскія повѣствованія о томъ, какъ Ангелъ Господень въ одну ночь истребилъ многочисленныя полчища Ассиріянъ...

Утомленный всѣмъ, что видѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, я рѣшился убѣдительно просить Солимана-Бея ходатайствовать о выдачѣ мнѣ пропуска въ Іерусалимъ. Онъ обѣщалъ; но совѣтовалъ еще немного повременить. Теперь подобное требованіе было-бы даже опасно: Его Свѣтлость заперся въ своемъ кіоскѣ, и одинъ, не допуская къ себѣ никого, предавался всѣмъ порывамъ безполезнаго гнѣва и безсильной ярости. Страшно было приблизиться къ разъяренному тигру. Солиманъ-Бей страшился сдѣлаться жертвою его бѣшенаго свирѣпства.

Наше общество у Г-на Лафона вскорѣ умножилось еще двумя путешественниками, которые предполагали проѣхать прямо черезъ Ливанскія горы, но принуждены были свернуть въ лагерь Ибрагима для полученія пропускныхъ видовъ. Одинъ изъ сихъ путешественниковъ, Г-нъ Вудъ, молодой Англичанинъ, познакомился со мною еще въ Царьградѣ; другой былъ Г-нъ С***, толстый Американецъ, уговорившійся вмѣстѣ съ Г-мъ Вудомъ ѣхать въ Іерусалимъ и Египетъ. Мы условились отправиться всѣ

вмѣстѣ. Нашъ Американецъ имѣлъ рекомендательныя письма къ Ибрагиму. Это доставило намъ желанные фирманы, и мы спѣшили удалиться отъ позорища кровавой распри между упорствомъ Турковъ и дикою смѣлостью Египтянъ.

Поспѣшно осмотрѣли мы достопамятности *Яффы*, города болѣе всего славнаго воспоминаніемъ о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ и Святомъ Людовикѣ. . . .

Уже все готово было къ отъѣзду нашему изъ Александріи, когда Мугаммедъ-Али получилъ столь давно ожидаемое извѣстіе о *взятіи Акры*. Послѣ осады, продолжавшейся почти девять мѣсяцевъ, Ибрагимъ имѣлъ наконецъ удовольствіе — вступить побѣдителемъ въ этотъ несчастный городъ (*). Пушечные выстрѣлы съ Александрійской крѣпости возвѣстили жителямъ Египта радостную вѣсть о привезеніи въ Александрію Абдаллы, мужественнаго защитника Акры. Медленность воинскихъ успѣховъ въ Сиріи тревожила умы всѣхъ подданныхъ Мугам-

---

(*) Акра была осаждена рѣшительно въ Октябрѣ 1831 г., а сдалась въ концѣ Мая 1832.

меда-Али, и тѣмъ живѣе была общая ихъ радость. Каждый предвидѣлъ, что паденіе Акры повлечетъ за собою важныя слѣдствія.

Абдалла отчаянно защищался, до самой послѣдней крайности. Потерявъ всю надежду быть освобожденнымъ отъ осады пособіемъ войска, какое послано было на помощь къ нему изъ Царяграда, запертой въ послѣднемъ укрѣпленіи города, онъ принужденъ былъ наконецъ внять голосу Ибрагима, предоставлявшаго ему свободный выходъ, и полную волю: отправиться куда угодно, въ *Царьградъ* или въ *Александрію*. Увѣренный, что не смотря на геройскій подвигъ свой, не миновать ему петли при появленіи въ Царьградѣ, Абдалла рѣшился, послѣ сдачи крѣпости, ѣхать въ Египетъ и отдаться Мугаммеду-Али.

Странное противорѣчіе въ поступкахъ и характерѣ Восточныхъ жителей! Абдалла, столь мужественно подвергавшійся безпрерывной гибели, показавшій изумительные примѣры твердости духа, явился въ Египетъ униженнымъ рабомъ. Когда къ кораблю, на которомъ прибылъ онъ къ Египетскимъ берегамъ, приплыла *капка* Мугаммеда-Али, и его приглашали сойдти въ нее, Абдалла затрепеталъ, умолялъ о пощадѣ, и просилъ не совершать надъ нимъ смертнаго приговора, пока онъ не попроситъ себѣ

помилованія отъ великаго повелителя Египта и Сиріи.

Введенный въ залу Дивана, Абдалла сталъ на колѣни и до земли преклонилъ голову у ногъ Мугаммеда. Старый Паша спѣшилъ увѣрить униженнаго своего плѣнника въ безопасности; сказалъ, что видитъ въ немъ храбраго Мусульманина, исполнявшаго свою обязанность, и не считаетъ его врагомъ своимъ послѣ побѣды. Тутъ же назвалъ онъ Абдаллу сыномъ своимъ; возвратилъ ему всѣхъ его женъ; обѣщалъ подарить домъ въ Каирѣ, и притомъ ежегодно выдавать ему по 200 тысячъ франковъ на прожитіе. Съ радостію вышелъ послѣ сего Абдалла изъ Дивана. Ему подвели лошадь Мугаммеда-Али, и препроводили его въ ближній кіоскъ дворца, приготовленный для его пребыванія.

Вечеромъ, въ части города обитаемой Франками, были фейерверки и освѣщеніе. Европейцы радовались торжеству Мугаммеда-Али, какъ будто взятіе Акры рѣшало дѣла на Востокѣ въ пользу Европы. Хладнокровно смотрѣли притомъ всѣ на ужасное зрѣлище, нисколько не мѣшавшее другимъ радоваться:

Стража Мугаммеда-Али, тихо, въ молчаніи, шла сквозь толпы народа, и влекла за собою какого-то связаннаго, печальнаго Араба. Не-

подалеку отъ части города, занимаемой Европейцами, врыты были на площади два огромные столба, на которыхъ утверждена была перекладина, образуя собою огромныя врата смерти. Араба посадили подъ этою висѣлицею, закинули ему петлю на шею, и тихо, молчаливо, со всею Мусульманскою важностью, подняли его на воздухъ, за концы веревки. Когда несчастный перзался уже смертными судорогами, исполнители правосудія вдругъ спустили его на землю. Многіе подумали, что Паша Египетскій изрекъ пощаду преступнику— напрасно: веревку запянули снова и Арабъ былъ повѣшенъ окончательно. Отсрочка казни его произошла отъ небрежности исполнителей: они забыли приколоть на груди осужденнаго приговоръ, объяснявшій вину его.

Ужасное зрѣлище! и его надобно было разсказать вамъ съ возможнымъ хладнокровіемъ, потому, что оно происходило въ молчаніи, медленно, важно, и притомъ никто изъ зрителей не изъявилъ ни малѣйшаго соболѣзнованія! Исполнители казни осматривали повѣшеннаго; разсуждали, что отъ тяжести тѣла можетъ оборваться веревка, и потому необходимо подставить ему подъ ноги какую нибудь доску. Многіе изъ зрителей разсуждали съ ними объ этомъ. А между тѣмъ площадь кипѣла наро-

домъ, которому раздавали описанія осады Акры и Итальянскіе сонеты, въ коихъ торжественно воспѣвали какіе-то Европейскіе бродящіе поэты славу и торжество побѣдителей. На площадь прикатили потомъ множество смоляныхъ бочекъ и зажгли ихъ. Народъ пѣлъ, плясалъ, любовался борьбою фигляровъ, нарочно для него выставленныхъ, и долго длилось все это веселіе, пока толпы народныя удалились и разсѣялись. Отъ блеска потухавшихъ огней, длинною тѣнью отразились тогда на прошяженіи опустѣлой площади висѣлица и трупъ повѣшеннаго, пока все не слилось въ глубокой темнотѣ ночи. Этотъ несчастный Арабъ не былъ однакожъ обыкновенный преступникъ: онъ убилъ своего отца, свою мать и трехъ родныхъ сестеръ. Осужденный на смерть, успѣлъ онъ убѣжать и скрыться въ Акрѣ. При взятіи сего города, такъ ужаснулся онъ, что снова бѣжалъ, и пришелъ прямо въ Египетъ; здѣсь узнали его и повѣсили.

На другой день услышали мы, что военный Египетскій бригъ назначенъ къ отплытію во Францію. Мугаммедъ-Али посылалъ съ нимъ вѣсть о своей побѣдѣ. Я немедленно потребовалъ себѣ аудіэнціи у Мугаммеда-Али. Онъ принялъ меня, и нѣсколько другихъ Французовъ, въ своемъ Диванѣ, вѣжливо посадилъ насъ и под-

чивалъ кофеемъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я изложилъ ему необходимость мою возвратиться скорѣе во Францію. Сказавъ о томъ, что слышалъ о назначеніи во Францію Египетскаго брига, я просилъ позволенія ѣхать въ отечество мое на этомъ кораблѣ. Мугаммедъ-Али отвѣтствовалъ мнѣ, что будучи союзникомъ Франціи, притомъ любя всѣхъ Французовъ, онъ охотно соглашается на мое желаніе, и Капитанъ *Крокодила* немедленно получитъ его приказаніе объ отвозѣ насъ въ Мальту, или прямо во Францію, по нашему желанію.

Оставляя побѣдителя, мы просили у него позволенія взглянуть на побѣжденнаго. Насъ ввели къ Абдаллѣ. Онъ сидѣлъ подлѣ окна обширной залы, и забавлялся обозрѣніемъ гавани въ зрительную трубку. На немъ былъ синій кафтанъ; на головѣ его бѣлая чалма; взоръ его, дикій и суровый, ни сколько не обезображивалъ однакожь величественныхъ чертъ лица его. Каждому слову его предшествовало тѣлодвиженіе, какъ будто онъ хотѣлъ придать словамъ своимъ еще болѣе выразительности. Абдаллѣ, по видимому, было тогда около 30-ти лѣтъ, не болѣе. Мнѣ показалось также, будто его физіогномія доказывала справедливость слышаннаго мною, что онъ большой шалунъ, не смотря на свою храбрость въ бояхъ.

Горделиво улыбнулся Абдалла, узнавъ, что я былъ свидѣтелемъ перваго приступа Ибрагимова къ Акрѣ. Впрочемъ, онъ слушалъ наши похвалы съ возможною скромностью, и отвѣчалъ, что его слава ничто передъ славою Мугаммеда-Али, благоволившаго даровать ему прощеніе въ его безумномъ упорствѣ. Мы приглашали его пріѣхать въ Парижъ, посмотрѣть Францію. «Я не властенъ въ себѣ,» отвѣчалъ Абдалла, «ибо отецъ мой, Мугаммедъ-Али, есть владыка всѣхъ моихъ дѣйствій.»— Вы увидите въ Парижѣ Алжирскаго Дея.— «Каково приняли его въ Парижѣ?»— Всѣ говорятъ, что весьма вѣжливо.— «А онъ умѣлъ защищаться противъ васъ только три недѣли!»— Противъ Французскаго войска: это значитъ много.— «Да! но впрочемъ — великъ Богъ!»— Мы разстались.

ЭММА.

Look on a love which knows not to despair,
But all unquench'd is still my better part,
Dwelling deep in my schut and silent heart
As dwells the gather'd lightning in its cloud,
Encompass'd with its dark and rolling shroud,
Till struck,—forth flies the all-ethereal dart (*).

Байронъ.

I.

Въ отдаленной части Москвы, именно въ *Нѣмецкой слободѣ*, до нашествія Наполеонова было много милыхъ, веселыхъ домиковъ и большихъ Боярскихъ домовъ. Теперь это измѣнилось: Нѣмецкая слобода застроена фабриками,

(*) Посмотри на любовь, незнающую отчаянія: она все еще горитъ не потухая, и составляетъ лучшую часть самого меня, глубоко заключенная въ моемъ недоступномъ и молчаливомъ сердцѣ, какъ заключена бываетъ яркая молнія въ тучахъ, обвитая ихъ темнымъ, извивистымъ саваномъ, пока не блеснетъ она и не пробѣжитъ по небесамъ огненною стрѣлою.

заводами, казенными училищами; только развалины, обгорѣлыя въ 1812-мъ году, видны отъ большей части прежнихъ Боярскихъ домовъ, и вывѣски пансіоновъ застилаютъ собою стѣны обширныхъ палатъ вельможескихъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара двѣнадцатаго года, или возобновленныхъ послѣ него. Прихоть перенесла обиталища знатныхъ людей въ другія части Москвы. Но когда все это было не такъ, до 1812-го года, говорю я вамъ, въ Нѣмецкой слободѣ, изъ числа великолѣпныхъ домовъ вельможескихъ великолѣпнѣе другихъ былъ домъ Князя С***. Тѣнью своею застилалъ онъ всю улицу; обширный садъ, окруженный каменною стѣною, съ чугунными, фигурными столбиками по тротуару, помощенному чугунными плитами, и съ желѣзными цѣпями отъ столбика къ столбику, примыкалъ къ нему съ одной стороны. Огромныя старыя деревья видны были изъ за садовой стѣны, и гордо шумѣли вершины ихъ, равныя съ вторымъ этажемъ Княжескихъ палатъ. Съ другой стороны дома, похожаго видомъ на старинный фигурный коммодъ, съ раковинами на полукруглыхъ окнахъ, и съ обширнымъ балкономъ, окруженнымъ фигурною рѣшеткою, были исполинскія ворота. Сквозь ихъ желѣзныя, всегда растворенныя рѣшетки, открывался обширный мощеный дворъ, съ флигелями, гдѣ помѣщалось два при дворо-

выхъ людей, бывшихъ для услуги при Князѣ и Княгинѣ, женъ ихъ и дѣтей. Дворъ этотъ, вдали, оканчивался чугунною рѣшеткою, и опять желѣзными, симметрическими воротами, ведущими въ регулярный, стриженый садъ. Объ обширности сада судите потому, что Яуза текла черезъ него.

Таковъ былъ домъ Князя С***. Подлѣ этого обширнаго, построеннаго во времена Императрицы Елисаветы дома, рядомъ находился домикъ, деревянный, обитый тесомъ, выкрашенный сѣрою краскою; и—если-бы счастію надобно было выбирать себѣ жилище по сердцу, не знаю: едва-ли не этотъ домикъ выбрало-бы оно себѣ, и едва-ли не предпочло-бы его огромному сосѣду, великолѣпному Княжескому дому. Идя поутру мимо сѣраго домика, рѣдкій прохожій не останавливался, видя сквозь свѣтлыя стекла его, въ небольшой залѣ, прелестную картину, въ родѣ картинъ Августа Лафонтена: каждое утро, за большимъ столомъ, сидѣли тутъ трое милыхъ дѣтей— настоящія Грёзовы головки. Дѣти сидѣли и учились; въ сторонѣ, подъ окномъ, всегда сиживалъ тутъ-же, въ большихъ креслахъ, старикъ съ дымящеюся трубкою, и съ книгою, или съ газетами въ рукахъ. Его не умѣлъ-бы написать Грёзъ, потому, что онъ не умѣлъ писать этихъ добрыхъ Нѣмец-

кихъ лицъ, этихъ длинныхъ, сѣдыхъ волосовъ, внушающихъ какую-то невольную почтительность. Грёзъ не могъ-бы написать и еще двухъ лицъ, которыя можно было всегда замѣтить сквозь свѣтлыя окна сѣраго домика: старушки въ огромномъ чепчикѣ, съ очками на глазахъ, заботливо занятой вязаньемъ, или штопаньемъ чулковъ—истиннаго изображенія доброй Нѣмецкой хозяйки; и молодой дѣвушки, которая учила дѣтей, сидя съ ними за большимъ учебнымъ столомъ ихъ.

Люблю я эти готическія лица Нѣмецкихъ стариковъ и старушекъ, съ молода краснощекія, прикрытыя русыми, кудрявыми волосами, украшенныя голубыми глазами, и тихо, постепенно перешедшія къ сѣдымъ волосамъ, морщинамъ, и выраженію доброты, откровенно высказывающей вамъ всю жизнь, за которую едвали не всякій день благодарили они Бога! Иногда и на этихъ лицахъ увидите неправильную морщину — слѣдъ печали, горести, сердечной потери, но такая морщина пришлецъ между другими собратіями, показывающими, что жизнь постепенно накладывала ихъ на лица добрыхъ людей, какъ часовая стрѣлка постепенно переходитъ отъ одной минуты къ другой, отъ одного часа къ другому, пока укажетъ полдень, вечеръ, наконецъ—*полночь*, добрую ночь!—

Да, смотря на такое лицо старушки, я готовъ сказать вамъ, что жизнь ея прошла, какъ ясный весенній день; что было для нея время учиться и помогать матери въ хозяйствѣ; потомъ время любить, любить тихо, весело, при самомъ началѣ любви думая о подвѣнечномъ платьѣ, и заведеніи своего маленькаго мозяйства, и переходѣ, для этого хозяйства, изъ кухни матери въ кухню мужа, съ которымъ совѣстно не быть счастливою: такъ онъ добръ, такъ онъ заботливъ, такъ онъ любитъ тихо, кротко, нѣжно. Печаль и горе въ жизни такихъ людей—это облачки, разсѣянныя на ясномъ небѣ. Они, эти люди, по каплѣ пьютъ, столь горькое для многихъ питье, которое судьба подаетъ каждому изъ насъ при рожденіи—*жизнь*, и допивая его при дверяхъ гроба, среди добрыхъ, милыхъ имъ людей, съ сожалѣніемъ заглядываютъ въ бокалъ, ими осушаемый, и жалѣютъ, что въ немъ остается допить только нѣсколько капель.

Старикъ съ Газетами и старушка съ чулкомъ, обитатели сѣраго домика, прожили жизнь свою такъ: это видно было изъ всего—изъ ихъ взоровъ, часто съ благодарностію обращавшихся къ небу; изъ тихаго пожатія руки, каждый разъ, когда старушка проходила мимо старика; изъ ихъ ясныхъ, добрыхъ лицъ; изъ того,

какъ они смотрѣли на малюпокъ дѣпей; изъ того, какъ эпи малюпки обнимали ихъ и доводили до слезъ своими ласками. Онъ и она изображали собою прекрасный вечеръ прекраснаго дня.

Но дѣвушка? Правда, по ея бѣленькому, всегда опрятному платьицу, розовымъ щечкамъ, голубымъ глазамъ, зелсному передничку, спройной ножкѣ, тоненькой таліи, можно было видѣпь, что эпо молоденькая Нѣмка, милое, доброе созданіе, упро дня жизни, яснаго и пихаго; но, и не бывши Носпрадамомъ, не умѣя сосптавляпь гороскоповъ, можно было задумапься, глядя на нее, подумапь, что едва-ли ей предосптавляла судьба учапь, подобную учаспи ея дѣда и бабушки (старикъ и старушка, жившіе съ нею, были ея дѣдушка и бабушка). Изъ чего можно было пакъ заключапь? Она была пакъ скромна, пакъ просша, пакъ мила; опъ учебнаго стола братьевъ весело переходила она къ хозяйспву, опъ хозяйства за свое форпеніано, опъ форпеніано къ своему Sammlung gottesdienstlicher Lieder (*), и съ пакимъ полнымъ радосши сердцемъ пѣла, вмѣспѣ съ

(*) *Собраніе духовныхъ пѣсенъ*, которыя поюпъ въ Люперанской церкви, во время Божественной службы, и нерѣдко дома въ благочесшивыхъ семейспвахъ.

дѣдомъ своимъ: Deines Gottes freue dich, dank ihm, meine Seele! Sorget er nicht väterlich, dass kein Gut dir fehle (*)?

Все такъ. Но всматриваясь въ нее, въ эту дѣвушку, вы замѣтили-бы какую-то невольную задумчивость, когда ей вовсе не о чемъ было задумываться; увидѣли-бы иногда на глазахъ ея навернувшіяся слезы—не радости и не печали, а чего-то тайнаго, грустнаго: она закрывала тогда глаза своею ручкою, и потомъ подымала ихъ къ небу; и тогда можно было замѣтить, что у нея глаза не просто будущей Нѣмецкой хозяйки, голубые, но какіе-то свѣтлые, яркіе, почти лазоревые, способные сверкать чуднымъ огнемъ. У дѣвушки, которой судьба предназначаетъ просто быть доброю хозяйкою, и размѣрять жизнь свою опредѣленными шагами отъ колыбели дитяти до кухни, никогда не подымается грудь отъ такого тяжелаго вздоха, никогда щеки не пышатъ такимъ неопредѣленнымъ румянцемъ, и этотъ румянецъ не смѣняется потомъ вдругъ

(*) *Возрадуйся о Господѣ, и благослови его, душе моя! Не Онъ-ли, яко отецъ, помышляетъ о тебѣ, да ни единое благо прейдетъ мимо тебе?*

такою блѣдностію. Вглядишесь въ нее: и волосы ея не просто русые—они отливаютъ какимъ-то особеннымъ, блѣдно-золотистымъ цвѣтомъ; и эта бѣлизна лица не просто бѣлизна всякой молодой дѣвушки въ семнадцать, восемнадцать лѣтъ: это какой-то особенный поэтическій цвѣтъ, о которомъ пѣвали Нѣмецкіе Миннезингеры, какая-то прозрачность тѣла, о которой говоритъ современный намъ Данте: à travers ton beau corps mon âme voit ton âme *(сквозь твое прекрасное тѣло, душа моя видитъ твою душу)*. Вы видите эту дѣвушку за рукодѣльемъ, за учебнымъ сломомъ, подлѣ дѣда, бабушки; она тиха, тиха, безмолвна; глаза ея опущены внизъ, вокругъ нея пустота души и сердца; ни одна страсть не смѣетъ приступить къ ней; близъ нея не слышно пламеннаго дыханія юноши, который угадалъ-бы ея душу, не слышно и біенія сильнаго сердца, отъ котораго страшными звуками отзывалось-бы ея сердце, какъ струна сама собою вторитъ струнѣ, на одинъ ладъ съ нею настроенной. Да, эта дѣвушка можетъ умереть, сама не сознавши души своей; ея небесная гостья можетъ безмолвно протосковать всю жизнь въ ея прекрасномъ тѣлѣ; дѣвушка эта можетъ наконецъ задохнуться сердцемъ и душею въ объятіяхъ молодаго, благопристойно-красиваго, ласковаго, благоразумно-любящаго супруга, и жизнь

ея тогда пройдетъ такъ-же тихо и весело, какъ тихо и весело танцуется Нѣмецкій вальсъ, оканчиваемый гроссъ-фатеромъ, какъ прошекла жизнь ея бабушки... Но что будетъ съ нею, если злобный демонъ страстей зажжетъ ея бывшіе сильными страстями? Кстати: на учебномъ ея столикѣ, подлѣ шпрадокъ, лежитъ какая-то маленькая книжка: это Шиллеръ, сумасбродъ Шиллеръ, напечатанный въ маленькій форматъ, по Нѣмецкому обычаю на сѣрой бумагѣ; и глаза ея задумчиво устремлены на стихи:

Empfange meinen Vollmachtbrief zum Glücke!
Ich bring' ihn unerbrochen dir zurücke
Ich weiss nichts von Glückseligkeit (*). . .

И кажется, что старики вовсе не замѣчаютъ этого проклятаго Шиллера; не видятъ, какъ читаютъ его украдкою, когда добрые старики полагаютъ, что внучка разбираетъ граммматическій смыслъ какой нибудь фразы въ дѣтскомъ Lesebuch. Милое созданіе! брось, ради Бога, брось этого Шиллера! Возьми лучше съ

(*) Возьми мою довѣренность на земное счастіе — возьми! Я отдаю тебѣ ее обратно, нераспечатанную: я не зналъ наслажденія счастіемъ!....

старинnаго туалета бабушки твоей Livländisches Kochbuch, и читай въ ней, какъ готовятъ пикули и дѣлаютъ сою...

Но я разсказываю вамъ столько подробностей о дѣвушкѣ, обитательницѣ сѣраго домика, а не сказалъ вамъ еще ни имени ея, ни кто такіе старикъ и старушка, съ нею живущіе; ни что это за дѣти, которые живутъ съ нею и съ ними. Объяснить такія семейныя подробности—если онѣ вамъ надобны— не долго: дѣвушка, о которой я разсказывалъ—*Эмма*. Старикъ— это уже вамъ извѣстно — ея дѣдъ; старушка— ея бабушка; трое мальчиковъ — ея маленькіе братья; и всѣ они и она составляли доброе, счастливое семейство, которое до 1812 года обитало въ маленькомъ, красивомъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, подлѣ огромнаго дома Князя С***.

Біографія старика была очень проста и не велика. Отецъ его былъ Нѣмецъ; пріѣхалъ въ Россію, когда вызвали изъ Германіи знающихъ людей для устройства въ Россіи Почтамтовъ. Опредѣлясь въ Москвѣ, онъ прожилъ въ ней всю жизнь; лѣтъ двадцать просидѣлъ подлѣ Почтамтскаго окошечка, ежедневно, *кромѣ воскресныхъ дней*, принимая письма; но при томъ онъ успѣлъ выполнить почти все, что Стернъ почиталъ необходимою обязанно-

сію каждаго честнаго человѣка, то есть: женился, построилъ домъ, насадилъ садъ (только не написалъ ни одной книги, и едва-ли читалъ что нибудь, кромѣ Нѣмецкихъ Газетъ и дѣловыхъ бумагъ); потомъ передалъ и домикъ, и садикъ, и небольшое нажитое имъ имѣніе сыну, который, не имѣя охоты сидѣть въ Почтамтѣ, сдѣлался учителемъ Нѣмецкаго языка въ Москвѣ; женился въ свою очередь; на старости лѣтъ пересталъ учить Нѣмецкому языку, и спокойно доживалъ вѣкъ свой въ отцовскомъ домикѣ, который перестроилъ онъ и выкрасилъ сѣрою краскою. Дѣтей у него не было. Услышавъ, что племянникъ его, служившій въ Петербургѣ, умеръ, оставивъ дочь и трехъ сыновей, старикъ, въ первый разъ въ жизни, оставилъ Москву, поѣхалъ въ Петербургъ, обнялъ тамъ со слезами сиротъ племянника, маленькую Эмму и братьевъ ея, поклялся замѣнить имъ отца, и привезъ ихъ въ Москву, гдѣ въ доброй старушкѣ, женѣ его, Эмма и братья ея точно увидѣли вторую мать, а въ старикѣ дѣдѣ втораго отца. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ поѣздки старика въ Петербургъ. Эммѣ было уже 17, 18-ть лѣтъ; но благодарная молитва къ Богу все еще означала для нея каждый вечеръ, когда день оканчивался, и Эмма, удалясь въ свою комнату, надѣвъ на свою головку спальный чепчикъ, раз-

мышляла нѣсколько минутъ о томъ, что происходило съ нею въ этотъ минувшій день, и не согрѣшила-ли она передъ Богомъ чѣмъ нибудь? Не огорчила-ли чѣмъ нибудь папеньку и маменьку (такъ называла она дѣда и бабушку)? Потомъ—и то не всегда — она задумывалась, думала нѣсколько минутъ—сама не зная о чемъ... «Нѣтъ ничего опаснѣе такихъ неопредѣленныхъ думъ!» скажете вы. Можетъ быть; только увѣряю васъ, что Эмма послѣ того каждый вечеръ засыпала тихо и спокойно, и никакое дневное событіе не перерождалось для нея въ привидѣнія ночи: она не видала никакихъ сновъ, этихъ зловѣщихъ вороновъ нашей дѣйствительной жизни!

II.

— Дома-ли Эмма, дядинька? — спросила веселая дѣвушка, поспѣшно входя въ залу сѣраго домика. — «Дома, дома!» отвѣчалъ старикъ.—Гдѣ она?— «Въ саду.»—Бѣгу къ ней!— «Погоди, вѣтреница! Дай поцѣловать себя!»— Нѣкогда! Мнѣ надобно пересказать ей тысячу новостей! — отвѣчала дѣвушка, мимоходомъ прижимая ротикъ свой къ рукѣ старика, пока онъ цѣловалъ ее въ лобъ и щеки. — «Тысячу новостей! Онѣ всѣ, я думаю, сойдутъ на одну: ты вѣрно получила письмо отъ своего Теобаль-

да?» — Вы угадали! — «Что онъ пишетъ?» — Онъ скоро сюда будетъ; да не задерживайте меня: мнѣ надобно все, все пересказать моей Эммѣ!—И бросивъ свою соломенную шляпку на столикъ, госпожа побѣжала въ садъ.

Этотъ садъ можно было назвать небольшимъ, красивымъ цвѣтникомъ, чѣмъ-то похожимъ на шитье дамскихъ шемизетокъ, гдѣ въ стройномъ порядкѣ, нитками, вышиты глупые цвѣточки и листочки. Но, скажите: кто изъ насъ не любовался этими пестрыми цвѣточками на груди какой нибудь милой дѣвушки? Такъ и эти садики. Они малы, однообразны, пошлы; деревянная клѣтка, выкрашенная зеленою краскою, обложенная тощими акаціями, и нѣсколько кустовъ малины и смородины, вытянутыхъ по веревкѣ, замѣняютъ въ нихъ тѣнистыя аллеи; кривыя дорожки, по которымъ тѣсно идти втроемъ, и извилины которыхъ разсмотрите вы съ перваго взгляда, какъ обманъ дитяти угадываете съ перваго слова—вотъ вамъ изображеніе того, что при маленькихъ домикахъ въ Москвѣ громко называется — *садъ*. Обыкновенно посрединѣ бываетъ еще въ этихъ садахъ цвѣтникъ, гдѣ хозяева ставятъ иногда алебастровыхъ богинь, которыхъ разнощики таскаютъ по Москвѣ на лоткахъ, вмѣстѣ съ статуйками Наполеона, изображеніями Езопа,

Милосердія, Лаокоона, Надежды и Любви, Купидонами, и кошками съ подвижною головкою и съ мышью въ зубахъ; или садятъ тутъ рѣдкія Американскія растенія, продаваемыя въ каждый цвѣточной лавочкѣ. Если у хозяина есть еще дюжина чахлыхъ деревьевъ — онъ гордится своимъ садомъ. «У васъ прекрасная тѣнь,» говорятъ ему. — «Мы тутъ пьемъ чай по вечерамъ,» говоритъ хозяйка. — Какъ пріятно пить чай вечеромъ на открытомъ воздухѣ — прибавляетъ гость — какъ будто этотъ ящикъ безъ крышки, въ самомъ дѣлѣ *садъ* и *открытый воздухъ!* Но когда такая цвѣточная шемизетка бываетъ надѣта на грудь счастія жизни — знаете-ли, какъ милы, очаровательны кажутся тогда, и клѣтка съ акаціями, и дорожки, и цвѣтникъ! Все зависитъ отъ лучей души: свѣтли они радостью — все мило и радостно! Капля росы на листочкѣ, что это такое? Капля воды; но лучъ солнца освѣтитъ ее, и она загорится алмазомъ.

Такой садикъ, о какихъ мы говорили, былъ при сѣромъ домикѣ; въ этотъ садикъ побѣжала гостья искать Эмму, увидѣла ее въ углу садика, подлѣ бесѣдки, и издали закричала ей: Bon jour, mon amie! Эмма стояла, низко наклонившись къ цвѣточной грядкѣ, и что-то внимательно разсматривала. Она не слыхала

привѣтствія веселой своей гостьи, не слыхала шума шаговъ ея, когда эта гостья бѣжала къ ней по дорожкамъ, и тогда только замѣтила ее, когда гостья подбѣжала къ ней, и зажала ей глаза руками.

« Ахъ, Фанни »— сказала Эмма (гостью звали *Ѳедосьею*; но это неблагозвучное имя, еще въ дѣтствѣ ея было передѣлано въ *Фанни*) — « шалунья! пусти меня! »

— Что за задумчивость? Не слыхать моего голоса, не видѣть меня!—

« Я смотрѣла, вотъ на этотъ милый мой цвѣточекъ: погляди—онъ оживаетъ; я думала, что онъ совсѣмъ пропалъ, и какъ это меня печалило, Фанни! Я ходила за нимъ, какъ за больнымъ братомъ; посмотри: онъ оживаетъ теперь!

— Что за цвѣтокъ? Какой вздоръ! Простые васильки!

« Васильки! Богъ и имъ велѣлъ жить; и не жалко-ли, если они гибнутъ не разцвѣтая, не насладившись своею жизнью! А и всего-то имъ жить одно лѣто....

Эмма опять наклонилась къ кусту васильковъ, и выправляла ихъ около тычинки, къ которой былъ привязанъ кустикъ ихъ.

«Что за ребячество, Эмма! Брось свои васильки; пойдемъ ходить по саду; я тебѣ перескажу— ахъ! милый другъ! я тебѣ все перескажу! *Онъ* пишетъ, *онъ* скоро пріѣдетъ! Уйдемъ въ бесѣдку, Эмма! я тебѣ прочитаю!— Фанни вынула изъ за-шнуровки своей маленькое письмецо, крѣпко поцѣловала его, и издали показала Эммѣ.

—Пойдемъ въ бесѣдку! сказала она. Дѣвушки обнялись, сѣли на лавку въ бесѣдкѣ; рука Фанни обвилась вокругъ шеи Эммы; голова Эммы склонилась на плечо Фанни, и разговоръ— смѣсь Французскихъ и Русскихъ словъ—начался въ полголоса.

Пока Эмма и Фанни переговорятъ о всякомъ вздорѣ— а онъ въ дѣвичьихъ разговорахъ занимаетъ важное мѣсто— да и въ чьихъ разговорахъ не такъ?— я успѣю сказать вамъ, когда вы сами еще не догадались, что Фанни была подруга Эммы— молодая дѣвушка, дочь сосѣда, Нѣмца, липовника, какой-то дальней родни, который женился на Русской дворянкѣ, отъ чего въ именахъ дѣтей его вышла страшная путаница Русскихъ именъ и Нѣмецкихъ прозваній: Ѳедосья Готлибовна, Филиппъ Готлибовичъ, и проч.— Говорили, будто такая-же путаница вышла въ его хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей. Фанни была подруга Эммы: вы знаете, что̀ та-

кое значитъ: *подруга дѣвушки*? Меньше нежели ничто; Французская эпиграмма на дружбу; переводъ Шекспирова Сонета съ Французской прозы въ Русскіе стихи! Всего чаще, подружество дѣвичье начинается въ пансіонахъ; иногда на балахъ и танцовальныхъ вечерахъ. Въ пансіонахъ оно доказывается тѣмъ, что подруги подсказываютъ другъ другу уроки и дѣлятся конфектами; на балахъ тѣмъ, что онѣ садятся рядомъ въ мазуркахъ, и ходятъ обнявшись, пока музыканты отдыхаютъ, сто разъ повторивши одно и тоже. Иногда это подружество продолжается годы, и кончится тѣмъ, что одна подруга выходитъ за мужъ; счастливецъ вытѣснитъ изъ сердца ея бѣдную подругу, какъ первый лучъ солнца заставляетъ блѣднѣть бѣдную луну. Иногда подруги надоѣдаютъ другъ другу, ссорятся и разстаются; иногда свѣтъ разрываетъ нѣжную дружбу ихъ за порогомъ пансіона, гдѣ одну подругу ждетъ лакей, облитый золотомъ, съ словами: «За Вашимъ Сіятельствомъ маменька изволила прислать карету,» когда другой въ тоже время говоритъ беззубая нянька, или старая кухарка: «Маменька велѣла мнѣ проводить васъ, барышня, домой.» Старыя дѣвушки рѣдко бываютъ подругами: злыя на все, онѣ искусали-бы другъ друга, искусавъ всю надежду свою на счастіе въ жизни. Но едва-ли сыщете хоть одну молодую дѣвуш-

ку въ мірѣ безъ подруги. Онѣ читаютъ вмѣстѣ азбуку любви, на зарѣ жизни, когда душѣ дѣвушки все такъ чуждо и знакомо, близко и далеко, и все такъ непонятно и понятно, безъ отчета головѣ и сердцу. Въ маленькомъ мірѣ ея бываетъ такъ темно: сердце еще не освѣщаетъ пустоты идей, а сквозь душу, какъ сквозь стеклянную призму разцвѣчивается между тѣмъ все семью небесными цвѣтами, безъ жара, но и безъ тѣни. Подъ эту призму становится обыкновенно подруга дѣвушки, и— Боже мой! сколько тутъ является важныхъ открытій ни чего, тайныхъ разговоровъ ни объ чемъ, писемъ и записокъ, стиховъ и альбомовъ, узоровъ по канвѣ и пересылки нотъ, гдѣ стихи Жуковскаго и Пушкина, понятные только перегорѣвшей душѣ, поются на голосъ романса Королевы Гортензіи, и Фрейшицъ передѣланъ въ вальсы и кадрили безбожными врагами Музыки! Кто не смѣется, найдя въ альбомѣ дѣвушки: je vous souhaite de tout mon coeur— toutes sortes de bonheur; либо выписки изъ Делиля и Сенъ-Ламбера? Но мнѣ также бываетъ смѣшно, когда я нахожу въ немъ:

If that high world, which lies beyond
Our own, surviving love endears;
If there the cherish'd heart be fond,
The eye the same, except in tears —

How welcome those untrodden spheres!
How sweet this very hour to die!
To soar from earth, and find all fears
Lost in thy light— Eternity!

It must be so: 't is not for self
That we so tremble on the brink;
And striving to o'erleap the gulf,
Yet cling to being's severing link.
Oh! in that future let us think
To hold each heart the heart that shares,
With them the immortal waters drink,
And soul in soul grow deatless theirs (*)!

(*) «Если въ этомъ мірѣ, возвышенномъ надъ нашимъ міромъ, переживаетъ насъ любовь наша; если тамъ переживутъ насъ любящее сердце и очи любви, уже не знающія слезъ— какъ радостно перейдти въ эти безвѣстныя небеса, какъ весело умереть въ сей самый часъ, улетѣть съ земли, и увидѣть всѣ опасенія исчезнувшими въ свѣтѣ твоемъ, о Вѣчность!

«Такъ должно быть: не за самихъ себя трепещемъ мы стоя на берегу, и, порываемые желаніемъ переплыть бездну, остаемся прикованные тяжкою цѣпью. Ахъ! оставьте намъ думу, что въ неизвѣстной будущности сердце соединится съ любящимъ его сердцемъ, упьется съ нимъ водами безсмертія, и душа съ душею будутъ жить вмѣстѣ, неумирающія!»

И это переписываютъ въ альбомъ подругѣ, по складамъ, дѣтскими каракульками? Сколько смѣшнаго въ мірѣ!

« Спѣшу увѣдомить васъ, милая Фанни, что, « слава Богу, всѣ дѣла мои въ Саратовѣ кончи- « лись, и я вчера еще выѣхалъ-бы отсюда, если- « бы не простудился, и если-бы Докторъ не « посовѣтовалъ мнѣ не пускаться въ дорогу съ « моимъ кашлемъ. Зная чувства ваши, и судя « объ нихъ по своимъ, прошу васъ не безпо- « коиться обо мнѣ, и увѣряю, что болѣзнь моя « совершенно ничтожна. Вы можете вообразить, « съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ-бы я поспѣ- « шить къ вамъ въ Москву, гдѣ ожидаютъ меня « любовь и счастіе. Завидую этому письму, ко- « торое увидитъ васъ прежде меня. Мысль объ « васъ никогда не оставляетъ меня, и нерѣдко « даже благотворный сонъ предсставляетъ мнѣ « вашъ прелестный образъ. Недавно былъ я у « дядиньки Богдана Богдановича. Онъ самъ, и « милое семейство его, любятъ васъ заочно, какъ « сестру и дочь, хотя еще и не знаютъ лично. « Папенька и маменька препоручаютъ вамъ сви- « дѣтельствовать ихъ почтеніе вашему дѣдуш- « кѣ и бабушкѣ. »

Таково было письмо, которое прочитала Эммѣ подруга. Это было письмо отъ жениха ея, молодаго и *очень милаго человѣка*, который хо-

дилъ къ ея отцу три года, наконецъ предложилъ Фанни руку, былъ сговоренъ, и уѣхалъ въ Саратовъ, просить позволенія отцовскаго на свадьбу и устроить свои дѣла.

—Не правда-ли, какъ онъ мило пишетъ, какъ онъ меня любитъ?— вскричала Фанни.

Эмма молчала.

—Ты сегодня препесносная—продолжала Фанни.— Радуешься надъ дрянным цвѣткомъ, а не восхищаешься письмомъ моего жениха! Мило-ли оно?

«Нѣтъ!» отвѣчала Эмма, разсѣянно.

— Эмма! — вскричала ея подруга, сердито отодвигаясь отъ нея.

Эмма опомнилась, и спѣшила увѣрить подругу, что она сама не знаетъ, что говоритъ.

—Я вѣдь хорошо знаю тебя, Эмма: ты опять сегодня вздумала мечтать; опять начиталась своего Шиллера!—

«Нѣтъ! я недѣли двѣ не читала его, и едвали примусь за него скоро.

—Что-жъ за причина твоей разсѣянности? Посмотри, что за прекрасный день! Какъ все цвѣтетъ, какъ все хорошо!

«Да!» отвѣчала Эмма, вздыхая.

—Мой Теобальдъ пріѣдетъ; мы будемъ танцовать, много танцовать!

«Я рада!» сказала Эмма, и слезы капнули изъ глазъ ея.

Фанни испугалась, бросилась къ подругѣ, обняла ее, просила проспишь, и клялась, что не хотѣла огорчить ея.

—Я и не грущу; право, я весела, и ты меня ничѣмъ не оскорбила, Фанни!

«Но я говорю о своемъ счастьи, когда ты печальна!

—Я не завидую *твоему* счастью, Фанни, клянусь Богомъ, не завидую! Мнѣ иногда даже бываетъ жаль тебя.

«Милый другъ! что́ съ тобой сдѣлалось?

—Прости меня, Фанни! Я печалю тебя моими словами!

«Нѣтъ! но я тебя не понимаю: этого прежде не бывало. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста Теобальда, я вовсе не узнаю тебя!—

Повѣришь-ли: безпокойное чувство ревности, и вмѣстѣ самодовольства, блеснуло въ глазахъ

Фанни; но, прибавимъ къ чести ея сердца — на одно мгновеніе.

Ничего этого не замѣчая, Эмма продолжала печально:— Не ты виновата въ этомъ, Фанни— увѣряю тебя, не ты. Это глупость, вздоръ — мечты самыя нелѣпыя. . . .

«Ты мнѣ разскажешь ихъ?

—Ради Бога, не спрашивай! Я сама ихъ не понимаю, и не умѣю растолковать.

«Тебѣ скучно?

—Нѣтъ! не скучно и вовсе не грустно. Но мое чувство походитъ на состояніе человѣка, котораго посадили въ клѣтку, и котораго невидимая какая-то сила удерживаетъ между небомъ и землею. Онъ самъ не понимаетъ, гдѣ виситъ его клѣтка; вокругъ него пустота, и ей нѣтъ конца, ни края, этой пустотѣ, Фанни: пустыня совершенная! Иногда по ней пролетаетъ мимо его что-то милое такое, раздаются звуки такіе чудные — ахъ! какіе чудные.... И вдругъ все исчезаетъ; и являются и летятъ мимо привидѣнія, такія страшныя, что онъ отъ ужаса закрываетъ глаза....

Въ это время, гдѣ-то въ отдаленіи, повидимому у сосѣдей, раздались странные звуки: казалось, что они походятъ на клики отчая-

пія, на смертный стонъ, вырывающійся изъ груди человѣка, котораго душитъ сильная рука. Звуки эти пронеслись въ воздухѣ и мгновенно исчезли. Эмма задрожала; Фанни также вздрогнула, осмотрѣлась кругомъ— все было тихо, радостно, свѣтло; она не посмѣла спросить Эммы, прижавшей лицо свое къ ея груди, и начала опять разговоръ:

—Милая Эмма! ты будешь неблагодарна, если не согласишься, что тебя всѣ любятъ, обожаютъ; что ты составляешь радость и счастіе своего семейства; что я тебя люблю..... Неужели тебѣ этого не довольно? —

«Все знаю, все чувствую, и боюсь: не грѣхъ-ли мое несчастное чувство, не значитъ-ли оно неблагодарности къ моимъ роднымъ.... къ тебѣ, моя Фанни.... къ самому Богу....

—Эмма! ты любишь кого нибудь, и скрываешь отъ меня?

«О, нѣтъ! увѣряю тебя!» Эмма подняла голову свою, и прямо въ глаза смотрѣла своей подругѣ.

—Вѣрю теперь; но, что-же сокрушаетъ тебя?

«Не знаю. Когда дѣдушка ласкаетъ меня, мнѣ кажется, что это въ послѣдній разъ; что завтра Эмма останется одна, одна; когда братья

весело прыгаютъ вокругъ меня, мнѣ думается: они скоро покинутъ тебя, и каждый изъ нихъ скоро и навсегда забудетъ объ Эммѣ.

— Зачѣмъ-же печалишь себя такою грустною мыслью, Эмма? Милый другъ! у тебя будетъ свой *Теобальдъ*! Не повѣришь, какъ радостно теперь я думаю, что онъ любитъ меня; что мы съ нимъ будемъ жить, такъ долго, долго, и все будемъ любить, и все будемъ счастливы!

«Ахъ, милый другъ! я испугалась-бы такого чувства, и не понимаю, какъ можетъ оно тебя радовать! Мужчины — я боюсь ихъ: они пугаютъ меня, всѣ сколько ихъ ни видала! Ихъ любовь— прости меня— любовь къ тебѣ Теобальда— избави, Боже! Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не надобно такой любви.....

—Ты сумасбродишь!

«Можетъ быть; но въ душѣ моей я чувствую что-то непонятное мнѣ самой. Послушай: говорятъ, что цвѣты не живутъ полною жизнію, что они только *растутъ*. Я не вѣрю этому. Всякій разъ, когда я смотрю на мои цвѣты, когда запахомъ ихъ навѣваетъ ко мнѣ вѣшерокъ, когда припомъ пташка такъ весело напѣваетъ мнѣ своимъ голоскомъ— тутъ отзывается душа какая-то, душа въ цвѣтахъ, въ звукахъ— говорю я самой себѣ.— Шиллеръ зналъ эту

душу цвѣтовъ и звуковъ. Онъ говорилъ о ней; а у людей я этого не вижу! Когда цвѣтокъ такъ нѣжно высказываетъ мнѣ жизнь свою; когда птичка такъ мило выпѣваетъ ее мнѣ— какъ же должны-бы высказывать, выражать ее люди, когда имъ Богъ далъ глаза и слова! Какова-бы должна быть *любовь людей*! Мнѣ кажется иногда, что я создаю себѣ кого-то, какое-то привидѣніе, изъ всего, что очаровываетъ меня въ природѣ; я даю ему образъ человѣческій; передаю ему *свою душу*— онъ мнѣ больше нежели подруга— онъ *другъ* мой—нѣтъ! еще больше: онъ такъ любитъ меня, что другъ такъ любить не можетъ.... и я не знаю, какъ назвать его....

— И это привидѣніе, вѣрно, походитъ на мужчину, а не на подругу?

«Ахъ, да! Но, не смѣйся надо мною: оно не походитъ ни на одну подругу мою; увѣряю тебя, что оно не походитъ и ни на одного мужчину, какихъ я знаю. У него глаза свѣтятся небомъ; у него щеки алѣютъ, какъ заря; онъ *не говоритъ мнѣ ничего*, а я *все понимаю*.

—И мой Теобальдъ точно таковъ!

«Ахъ, нѣтъ! Онъ не таковъ! Твой Теобальдъ говоритъ тебѣ, какъ говорятъ другіе мужчины— *ты* не онъ, а онъ *не ты*! Мое привидѣніе такое воздушное, что я дышу имъ, и если-бы

надобно мнѣ было говорить съ нимъ, я называла-бы его *я*, а себя *ты*! Онъ жилъ-бы моею жизнью—онъ умеръ-бы, когда не видалъ-бы меня съ собою....» Эмма понизила голосъ: «Онъ не уѣхалъ-бы въ Сарапіовъ; не пожалѣлъ-бы своего кашля, и не писалъ-бы ко мнѣ: *вы*! Я разлюбила-бы его за все это, а безъ любви моей онъ не могъ-бы существовать. Его создала любовь моя, и съ смертью моей любви—умретъ онъ!»

Фанни невольно задумалась при словахъ подруги. «Милый другъ! ты мечтаешь!» сказала она. «Того, что создаешь ты себѣ въ воображеніи—нѣтъ въ мірѣ. Но любовь моего Теобальда прекрасна; она совершенно счастливитъ меня....

—Что̀ это за любовь, Фанни, если ты могла существовать прежде, не зная любви своего Теобальда! Прости меня, Фанни— я люблю тебя, и не хотѣла огорчать; но ты сама спрашивала меня— я все сказала тебѣ. Видишь-ли, отъ чего письмо твоего жениха холодитъ меня, какъ кусокъ льду; отъ чего мнѣ такъ тяжело смотрѣть на людей, особливо на мужчинъ, съ ихъ дерзкими взорами, съ ихъ любовью, такою грубою... Нѣтъ! мнѣ не надобно такой любви!

«Но тебя отдадутъ за мужъ, и, можетъ быть, за того молодаго гусара, который говорилъ съ нами, когда мы были на вече-

рѣ у М***. Онъ отъ тебя въ восторгѣ— онъ-же такой хорошенькій!

—Я никогда не отдамъ ему руки моей. Дѣдушка не станетъ принуждать меня. Этотъ гусаръ надоѣлъ мнѣ ужасно: онъ всякій день ѣздитъ мимо насъ, и глядитъ къ намъ, прямо въ окны. Неужели онъ любитъ, когда можетъ глядѣть на меня, какъ будто на хорошенькую куклу, и еще прямо, разглаживая свои усы, и щеголяя лорнетомъ? Уродъ! Нѣтъ! ваши люди, ваши мужчины мнѣ не нравятся..... Если-бы можно было мнѣ отказаться вовсе отъ свѣта, когда не будетъ дѣдушки и бабушки, и если-бы я была Руская, я— пошла-бы можетъ быть въ монахини. Тамъ, святая вѣра наполнила-бы всю мою душу, такъ наполнила, что всѣ привидѣнія были-бы изъ нея вытѣснены.... Если-бы я могла полюбить здѣсь кого нибудь на землѣ— Фанни! я умерла-бы: кто пойметъ мою любовь, когда я сама ея не понимаю? Фанни! я чувствую, что мнѣ не жить здѣсь долго; о счастьи я и думать не смѣю: люди не знаютъ счастья, и мнѣ кажется, что все шепчетъ мнѣ: Эмма! тебя ждутъ въ родной сторонѣ! Ты здѣсь пришелица! Не люби такъ, какъ любятъ люди! И небесный дождь, когда онъ падаетъ на землю, дѣлается грязью. . . .

Тутъ снова послышались пронзительные зву-

ки, какихъ прежде испугалась Фанни. Теперь можно было яснѣе разслушать, что это были отчаянные крики человѣческіе. Эмма снова задрожала.

—Что̀ это такое, Эмма? Уже въ другой разъ мнѣ это послышалось!

«А я всякій день слышу, и мнѣ кажется, что судьба моя откликается ими, когда я спрашиваю у нея: есть-ли на землѣ счастье для Эммы?

—Растолкуй мнѣ, что̀ это такое?

«Это кричитъ сумасшедшій.

—Какой сумасшедшій?

«Развѣ ты не слыхала, что у сосѣда нашего, Князя С***, года два тому, сошелъ съ ума его сынъ?

—Да, такая жалость! Говорятъ, онъ былъ премилый молодой человѣкъ.

«Я его никогда не видала. Князь всегда живалъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ въ Москву съ сумасшедшимъ сыномъ, долго жилъ въ своей деревнѣ. Только прошедшею зимою поселился онъ у насъ по сосѣдству, въ своемъ домѣ. Сына его взялся лечить какой-то ученый Докторъ, выписанный изъ Берлина. Но успѣха нѣтъ. Молодаго Князя поселили съ самой весны въ са-

довомъ павильонѣ; говорятъ, онъ безпрестанно приходитъ въ бѣшенство и всегда прикованъ на цѣпи. Онъ кричитъ иногда, такъ отчаянно, что у насъ, особливо по утру и въ вечеру, все бываетъ слышно.

—Какой ужасъ!

«Что̀ за ужасъ? Сначала я сама пугалась его крика, а теперь привыкла, хоть невольно содрогаюсь, каждый разъ, когда услышу этотъ ужасный крикъ. Мнѣ все кажется, что этого бѣднаго молодаго человѣка мучатъ, мучатъ за то, что онъ былъ лучше другихъ людей, и онъ проситъ пощады у безчеловѣчныхъ, а его не слушаютъ.

—Это разстроитъ меня на цѣлый день, Эмма—и твой разговоръ при томъ....—Фанни задумалась и тихо промолвила: «Да, можно-бы любить иначе, нежели любитъ мой Теобальдъ.» Она соскочила съ скамьи.—«Пойдемъ въ комнаты!» сказала она, съ принужденною усмѣшкою, и потащила съ собою Эмму по садовой дорожкѣ.

III.

Прошло нѣсколько дней послѣ разговора двухъ подругъ, и опять задумчиво, съ неопредѣленною мечтою, Эмма гуляла въ садикѣ своего дѣ-

Ленинградский Коммунист. Институт Библиотека Журналист. им. Воровского

душки. Прекрасенъ былъ день, ясно было небо; любимцы Эммы, цвѣты, казалось хотѣли сказать ей: «Будь весела, наша милая Эмма! о чемъ ты грустишь? Посмотри: мы ожили твоимъ стараніемъ. Повеселѣй-же, наша Эмма!»

Но Эмма ничего не слыхала, ни на что не смотрѣла; она сидѣла съ своею работою въ бесѣдкѣ, иногда устремляя взоръ на любимую свою грядку цвѣтовъ подлѣ бесѣдки, гдѣ великолѣпно цвѣлъ теперь василекъ, и, казалось, гордился между другими цвѣтами, какъ будто хотѣлъ сказать имъ: *меня любитъ Эмма!*

Вдругъ необыкновенный шумъ привлекъ вниманіе Эммы. Она глядитъ— нѣтъ! она не ошибается: среди яснаго полудня не являются привидѣнія! Но что-же это такое, если не привидѣніе?— Сверхъ каменной ограды, отдѣлявшей Княжескій садъ отъ садика дѣдушки Эммы, появилась растрепанная голова; рука чья-то уцѣпилась за верхъ ограды: это человѣкъ— онъ лѣзетъ на ограду; съ руки его перемахнулась въ садикъ желѣзная цѣпь.... Другою рукою ухватился онъ за ограду— другая цѣпь повисла на оградѣ. Онъ останавливается; глядитъ назадъ; оборачивается въ садикъ; безчувственно глядитъ онъ потомъ на солнце, на небо, на деревья, на цвѣты....

Эмма хотѣла бѣжать— холодомъ обдало ее; ноги ея подкосились. Бѣги, Эмма! бѣги, моли своего Ангела-хранителя, спасти тебя! Нѣтъ! силы оставляютъ Эмму! Ужасъ лишаетъ ее возможности бѣжать; она не въ безчувствіи, но какъ будто гремучая змѣя глядитъ на нее, и очарованіемъ глазъ своихъ уничтожаетъ у нея даже самую мысль двинуться съ мѣста.

Внимательно, не понимая сама, что̀ дѣлаетъ, Эмма устремляетъ взоры свои на незнакомца; не можетъ отвести отъ него глазъ своихъ. Она видитъ ясно, что это какой-то молодой человѣкъ: онъ одѣтъ въ сюртукъ; глаза у него голубые, волосы его русые; но— великій Боже! какое лицо— блѣдное, худое; какіе глаза— дикіе, мутные! Волосы его всклочены, падаютъ на плеча, неразчесанные, въ безпорядкѣ; на рукахъ его цѣпи; платье его разорвано. Съ минуту держался онъ за заборъ, и глядѣлъ назадъ, въ садъ Княжескій. Вдругъ въ саду Княжескомъ раздался голосъ: «Вотъ онъ! ловите его!» Лицо незнакомца обезобразилось судорогами. Держась одною рукою за ограду, онъ схватываетъ другою какую-то огромную палку, взмахиваетъ ее и кидаетъ въ садъ Княжескій. Въ одно время раздался въ саду пронзительный вопль и съ нимъ смѣшался безумный хохотъ незнакомца! Быстро вскакиваетъ онъ на ограду, и съ

крикомъ, съ дикимъ хохотомъ прыгаетъ въ садикъ дѣдушки Эммы, мгновенно поднимается, кричитъ, бѣжитъ изступленно, перепрыгиваетъ черезъ кусты, топчетъ грядки цвѣтовъ, и стремится прямо къ бесѣдкѣ, гдѣ сидитъ Эмма. . . .

Послѣ перваго мгновенія безчувственнаго, безотчетнаго страха, Эмма поняла, что страшный незнакомецъ долженъ быть молодой сумасшедшій Князь С***; что, вѣроятно, онъ вырвался изъ рукъ своихъ смотрителей, и — пронзительный вопль, слышанный ею въ Княжескомъ саду, означалъ, можетъ быть, убійство приставленнаго къ нему человѣка; что онъ теперь бѣжитъ въ неистовомъ бѣшенствѣ — сумасшедшій, безумный, убійца! Еще разъ мысль о спасеніи мелькнула въ головѣ Эммы; но она не въ силахъ пошевелиться съ мѣста. . . .

И поздно! Съ безумнымъ воплемъ, онъ стремится прямо въ бесѣдку; нога его топчетъ и уничтожаетъ милые васильки, любимцевъ Эммы — цѣпи его глухо ударились о бесѣдку — бѣжать не льзя! Безумецъ загородилъ собою входъ — мутные глаза его пробѣжали по маленькому пространству бесѣдки и устремились прямо на Эмму. Еще мгновеніе — онъ растерзаетъ, задушитъ Эмму своими изсохшими руками. Видъ человѣка приводитъ его въ бѣшенство: онъ ви-

дишь въ немъ своего врага, и безсмысленное выраженіе лица его переходишь въ ярость — одно чувство, оставшееся ему отъ прежняго состоянія человѣческаго. Злость человѣка и сила звѣря—удѣлъ безумія...

Мысль о смерти была первою мыслью Эммы; но—какую чудную перемѣну ощущаешь она въ себѣ? Неужели послѣ того, когда человѣкъ вмѣстишь въ груди своей всеобъемлющую *мысль смерти*, все ничтожное, все земное, все, что дѣлало его братомъ червю земли — исчезаешь въ немъ, и онъ, свободный, вольный въ ощущеніяхъ и поступкахъ, переходишь къ тому, что носишь на себѣ знаменіе не-земнаго, только къ тому, что безконечно и необъятно, какъ небо, говоря землѣ, подобно Пери, улетающей въ растворенныя врата Рая: *Прости, земля?*

Эмма вдругъ теряетъ весь страхъ свой, все свое опасеніе: въ безумцѣ, который стоишь передъ нею, видѣнъ ей не сумасшедшій убійца, но бѣдный больной, страждущій, слабый человѣкъ, и сквозь его, обезображенное болѣзнію и страданіями лицо свѣтлѣетъ для нея какой-то прекрасный юношескій образъ, не страшный, но какъ будто умоляющій ее о пощадѣ, о спасеніи: падшій ангелъ, еще не вовсе утрашившій слѣды своего небеснаго происхожденія.

Въ самой себѣ, она чувствуетъ необыкновенную, непонятную для нея перемѣну, какъ будто до нея коснулся волшебный прутикъ какого нибудь Просперо, и вмѣсто крови потекло по ея жиламъ что-то горящее, пламенное, и стало брызгать лучами свѣта и огня изъ глазъ ея—и глаза ея засвѣтились этимъ непобѣдимымъ свѣтомъ; и руки ея сдѣлались проводниками небесныхъ огней, которыми гремятъ небеса; и эти молніи, тайно, невидимо отъ взоровъ людскихъ, ввились во всѣ сокровенные изгибы души Эммы; кровь ея быстро закипѣла по всѣмъ ея жиламъ и отразилась на щекахъ ея жаркимъ румянцемъ!

Смѣло поднялась Эмма съ скамейки, на которой сидѣла, протянула руку, и голосомъ, не похожимъ ни на повелѣніе, ни на просьбу, ни на любовь, ни на гнѣвъ, скоро и громко произнесла: «*Кто вы? Что вамъ здѣсь надобно?*»

Какое непостижимое дѣйствіе произвели эти слова, этотъ голосъ на безумца! Казалось, что они сверкнули огнемъ, ударились прямо въ грудь его, причинили ему нестерпимую боль. Дикость выраженія въ лицѣ его исчезла, и замѣнилась болѣзненнымъ ощущеніемъ; мутные глаза его почти закрылись вѣками, какъ будто онъ не въ состояніи былъ смотрѣть на Эмму, прежде, въ безуміи своемъ, смотрѣвши

прямо на солнце. Онъ ухватился обѣими руками за грудь свою, и со стономъ произнесъ: «*Ахъ!*»

Теперь онъ уже не былъ тѣмъ страшнымъ незнакомцемъ, который вырвалъ изъ стѣны крѣпкія цѣпи свои, и, взмахнувъ тяжелую палку одною рукою, убилъ своего приставника. Онъ несчастный, больной, слабый юноша, лишенный единственнаго дара Божія, которымъ человѣкъ отличенъ отъ животнаго; онъ меньше нежели звѣрь: онъ *сумасшедшій!*

Эмма видитъ измѣненіе лица его; непобѣдимое чувство сострадания заступаетъ въ ней мѣсто страха и ужаса, заступаетъ невольно, не спрашиваясь ея разсудка. Болѣе: ей кажется, что этотъ бѣдный безумецъ, какъ будто знакомъ былъ ей давно; что она гдѣ-то знавала его, что вопли его, издавна слышанные ею, были призывнымъ кликомъ: Эмма! спаси меня! Онъ едва держится на ногахъ, и Эмма бросается къ нему, хочетъ поддержать его, говоря: «Что съ вами сдѣлалось?» Но едва рука ея коснулась незнакомца, колѣна его дрожатъ; онъ падаетъ передъ Эммою, и, закрывая глаза руками, говоритъ жалобнымъ голосомъ: «Пощади меня; не мучь меня—я не виноватъ! Они терзали меня нестерпимо!»

Эмма не понимала, что̀ ей дѣлать? Она рѣшилась удалишься, сказать дѣдушкѣ, призвать людей, ибо вовсе не знала, какъ должно обходишься съ сумасшедшими. Что она теперь одна въ саду, съ неизвѣстнымъ ей мужчиною— ей вовсе не приходило этого въ голову: она видѣла не мужчину, но какое-то жалкое существо человѣческое, покорное ей, просившее у нея пощады. Только мысль о томъ: какъ и чѣмъ пособить бѣдному страдальцу? заняла всю ея душу. Она рѣшилась однакожъ идти изъ сада. Но едва Эмма сдѣлала одинъ шагъ, сумасшедшій сталъ передъ нею на колѣна, сложилъ руки на груди, тихо промолвилъ: «Не уходи, не уходи — побудь здѣсь!» И въ безсиліи упалъ онъ на траву.

Эмма испугалась, опять подошла къ нему, наклонилась и заботливо спрашивала: «Что̀ съ вами? Скажите, что́ съ вами сдѣлалось?»— Мнѣ больно—здѣсь (онъ указалъ на грудь) — и здѣсь больно (онъ указалъ на голову)! Не уходи — безъ тебя они придутъ и возьмутъ меня....

«Нѣтъ! они не придутъ; скажите, что вамъ надобно?

— Ничего, ничего! Приложи руку твою къ моей головѣ; слышишь-ли, какъ она болитъ у меня? —

Эмма приложила руку свою къ головѣ безумца. Онъ дышалъ тяжело, но вдругъ открылъ глаза, и улыбка — можетъ быть, давно небывалый гость — оживила лицо его. Вдругъ онъ приподнялся, сѣлъ на травѣ и теръ глаза руками, говоря:

«Мошки, мошки! Онѣ лѣзутъ мнѣ въ глаза, отгони ихъ!»

Эмма стояла подлѣ него, и начала махать платкомъ, опасаясь раздражить сумасшедшаго своимъ непослушаніемъ. «Нѣтъ! рукой, рукой» — говорилъ онъ — «сдѣлай милость, махни рукой, а не этой тряпицей: мнѣ отъ нея холодно; теперь стало тепло, тепло — ясно, ясно — ахъ! какъ хорошо: мошки улетѣли!»

Въ это время, шумъ нѣсколькихъ голосовъ раздался подлѣ садовой калитки. Эмма оборотила голову и увидѣла дѣдушку. Въ своемъ калпакѣ и халатѣ, старикъ спѣшилъ въ садикъ и бѣжалъ по дорожкѣ; за нимъ поспѣшно слѣдовали трое или четверо незнакомыхъ людей; одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ Княжеской ливреѣ. Эмма поняла, что Княжескіе слуги пришли за сумасшедшимъ, и испуганный дѣдушка бѣжитъ къ ней на спасеніе, услышавъ объ угрожающей ей опасности. Мысль о спасеніи и страхъ снова взволновали всю душу Эммы, едва уви-

дѣла она дѣдушку и Княжескихъ людей; она въ то-же мгновеніе почувствовала и то, какъ неприлично ей было оставаться въ саду одной, съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, и какъ опасно быть съ сумасшедшимъ.

Въ одно мгновеніе бросилась она отъ бѣднаго безумца, какъ молнія, достигла до своего дѣдушки и трепеща прижалась къ его груди.

— Охъ! милый другъ мой! — говорилъ старикъ, едва не задыхаясь, и обнимая Эмму — какъ я испугался! Не испугалъ-ли онъ тебя? Какое несчастіе! Можно-ли было предвидѣть!

«Успокойтесь, милый дѣдушка! Я испугалась немного; но онъ такой смирный; онъ ничего мнѣ не сдѣлалъ.

— Слава Богу! Его сей часъ возьмутъ Княжескіе люди! Пойдемъ скорѣе домой. Какъ ужаснули они меня своими разсказами: прибѣжали опромешью; говорятъ, что сумасшедшій убѣжалъ въ нашъ садикъ; что никогда еще не былъ онъ въ такомъ бѣшенствѣ — сорвался съ цѣпи, ушибъ своего приставника...

«А не убилъ, дѣдушка?»—Нѣтъ, только ушибъ больно: бросилъ въ него палкой съ размаха; другихъ людей на тотъ разъ не было при немъ... — Старикъ спѣшилъ вести Эмму; но

страшный крикъ остановилъ ихъ, и заставилъ оборотиться.

Едва удалилась Эмма отъ сумасшедшаго, онъ громко вскричалъ: «Гдѣ-же тотъ, кто былъ здѣсь со мною?»— Казавшись прежде слабымъ, изнеможеннымъ, онъ какъ будто вдругъ получилъ опять всю свою неистовую силу; глаза его помутились; волосы стали дыбомъ; онъ вскочилъ, и, увидя подходящихъ къ нему Княжескихъ слугъ, страшно заскрежеталъ зубами.

— Ваше Сіятельство — сказалъ одинъ изъ слугъ—пожалуйте домой.

Сумасшедшій смотрѣлъ на него молча.

— Не извольте противиться— сказалъ другой слуга — Ихъ Сіятельства приказали вамъ пожаловать домой.

Сумасшедшій захохоталъ. По знаку, данному старшимъ изъ слугъ, трое вдругъ бросились на безумца и схватили его. Онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ, и не успѣли оглянуться, какъ двоихъ сшибъ онъ съ ногъ и отбросилъ отъ себя далеко; третьяго схватилъ онъ за горло, перевернулъ черезъ себя, придавилъ его къ землѣ, и со смѣхомъ началъ душить. Старый управитель отчаянно

завопилъ: «Ванюша, Ванюша! онъ задушитъ его! Помогите, помогите, ради Господа помогите!» Старикъ не смѣлъ броситься самъ, только кричалъ: «Люди, люди!» и совершенно потерялъ голову. Двое другихъ слугъ едва могли подняться, и не въ состояніи были помочь своему товарищу. Дѣдушка Эммы громко читалъ: Fater unser, и не зналъ, что̀ ему предпринять: бѣжать-ли, помогать-ли?

А Эмма? Весь страхъ, вся робость, какую чувствовала она, снова вдругъ исчезли. Она вырвалась изъ объятій дѣдушки; безотчетно бросилась прямо къ сумасшедшему, и вскричала: «Что̀ вы дѣлаете, Князь?»

Непостижимое измѣненіе! Сумасшедшій оставилъ слугу, котораго душилъ руками, и робко поднялся съ земли, потупилъ глаза, сложилъ руки. Эмма казалась божествомъ, передъ которымъ уничтожаются его злость и сила. Дѣдушка, изумленный ея неожиданнымъ поступкомъ, признавался потòмъ, что въ это время онъ не узналъ своей крошкой, тихой Эммы; что лицо ея засвѣтилось чѣмъ-то неестественнымъ; что оживленная чѣмъ-то непонятнымъ, она—съ своимъ скромнымъ, нѣжнымъ лицомъ, своею легкою таліею, когда въ то-же время въ быстромъ порывѣ вѣтерокъ сорвалъ съ груди ея легонькій платочекъ — походила на

одного изъ Клопштоковыхъ безсмертныхъ духовъ. Старикъ любилъ читать *Мессіаду*, и очень любилъ свою Эмму: не удивляйтесь его уподобленію.

— Сядьте здѣсь и будьте спокойны!—продолжала Эмма, все еще сама не понимая, что говоритъ, но смѣло указывая сумасшедшему на дерновую скамейку. Онъ безмолвно повиновался.

— Можно-ли такъ безчеловѣчно поступать? Вы убили-бы этого бѣднаго человѣка!

«Убилъ? А что такое: убилъ? Они били меня, они мучили меня!» — Сумасшедшій заплакалъ, какъ дитя. — «Я не стану драться» — продолжалъ онъ, смотря на Эмму — «если ты этого не хочешь — только не сердись.»

— Какъ можно хотѣть убивать людей! Но сидите-же спокойно.

«Но не уходи-же отъ меня,» сказалъ сумасшедшій, протягивая къ ней руки, «и не вели имъ меня трогать.»

— Будьте только смирны.

«У меня опять заболѣла голова. Дай мнѣ свою руку—вотъ здѣсь у меня болитъ!» Онъ протянулъ свою руку къ Эммѣ; она безпре-

тихо дала ему свою руку, и онъ приложилъ ее къ головѣ.

— Лучше-ли вамъ теперь?

«Лучше.» — Онъ отнялъ руку Эммы отъ головы своей, и съ улыбкою, внимательно, разсматривалъ эту милую, нѣжную ручку.

Въ изумленіи отъ всего происходившаго, стояли дѣдушка и слуги Княжескіе. Дѣдушка тихонько подошелъ къ Эммѣ и дернулъ ее за платье. Эмма оглянулась. «Эмма! что ты дѣлаешь! Отойди отъ него; пойдемъ домой!» сказалъ дѣдушка.

— Какъ-же оставишь его?—отвѣчала тихонько Эмма, печально улыбаясь.—Вы видите, что онъ только меня и слушается.

«По-Нѣмецки говоритъ!» сказалъ сумасшедшій, улыбаясь и указывая пальцомъ на старика.— Эмма отняла у него свою руку; управитель и слуги осмѣлились опять подойдти ближе. Эмма отступила.

— Ваше Сіятельство.... произнесъ управитель.

Одной рукой сумасшедшій ухватился за бесѣдку, и она вся затрещала отъ его усилія выломить изъ нея палку. Въ ужасѣ отбѣжали

слуги Княжескіе. Эмма снова произнесла: «Вы обѣщали быть спокойны,» и сумасшедшій сѣлъ на скамью, будто послушливое дитя.

— Какъ-же мнѣ уйдти отсюда? — спросила Эмма у дѣдушки.

Слуги подошли къ старику. «Ваше Высокоблагородіе!» сказалъ ему тихо управитель — «позвольте мнѣ доложить объ этомъ Ихъ Сіятельствамъ. Я тутъ ничего не разумѣю, изволите видѣть. Надобно позвать нашего Доктора.»

Но Докторъ шелъ уже въ это время по садовой дорожкѣ. Одинъ изъ слугъ успѣлъ его обо всемъ увѣдомить. Докторъ былъ старый человѣкъ, въ синемъ старомодномъ фракѣ. Онъ отрекомендовался дѣдушкѣ Эммы; съ старинною Нѣмецкою оригинальностію.

— Извините, любезный сосѣдъ — сказалъ Докторъ — а, можетъ быть, когда узнаемъ другъ друга поближе, и любезный другъ, извините, что васъ обезпокоилъ нашъ больной негодяй! Вы не повѣрите, какъ хитръ бываетъ человѣкъ, когда лишится употребленія разсудка. За два часа, я оставилъ его такого смирнаго; онъ пилъ лекарства и во всемъ меня слушался—а между тѣмъ, вообразите, что онъ напроказилъ послѣ того!

«Объясните мнѣ, господинъ Докторъ, что̀ все это значитъ?» говорилъ дѣдушка, указывая на Эмму, стоящую подлѣ Князя, и на Князя, который смотрѣлъ на нее, улыбался, былъ тихъ, спокоенъ, и, казалось, съ жадностью глоталъ воздухъ, сдѣлавшійся для него цѣлебнымъ отъ присутствія Эммы.

Дѣдушка наскоро пересказалъ Доктору всѣ событія. Докторъ угрюмо задумался, долго качалъ головою, долго чертилъ палкою по песку; наконецъ поднялъ голову и протяжно отвѣчалъ: «Изъяснить, любезный сосѣдъ, не откажусь; но прежде всего позвольте мнѣ, какъ честному человѣку, увѣрить васъ, что я не употреблю во зло вашей довѣренности, и потомъ спросить: сколько лѣтъ вашей внучкѣ?

— Я потерялъ дорогою, ѣхавши изъ Петербурга, или въ Петербургѣ гдѣ нибудь, календарь, въ которомъ былъ записанъ день ея рожденія.

«О днѣ ни слова, но годъ....

— То-то и года-то хорошо не знаю; должно быть ей 18 или 19 лѣтъ.

«Характеръ ея?

— Ангельскій.

«Это сказано неопредѣленно; судя по виду, должно думать, что характеръ ея *холеро-меланхолическій*.

— Она одно утѣшеніе наше со старухою.

«Хмъ! утѣшеніе! И одна внучка у васъ?

— У нея есть еще братья, маленькіе, премилые шалуны.

«Хмъ!» повторилъ опять Докторъ. «Она должна быть набожна, и, вѣрно, не любитъ общества мужчинъ?

— Не знаю: къ чему клонятся ваши странные вопросы, Г-нъ Докторъ? Мы еще такъ мало знакомы.

«Къ тому, сударь, къ тому—чортъ побери! Зачѣмъ вы давно не выдали за мужъ вашей внучки! Zum Teufel! На что держать дома этотъ гнилой товаръ!

— Г-нъ Докторъ! моя Эмма ангелъ скромности, добродѣтели и невинности.

«Да, я лучше васъ самихъ могу сказать вамъ все это, сударь, я—ученикъ и другъ великаго Месмера (Докторъ приподнялъ свою шляпу)! Вы тутъ ничего не понимаете, а я понимаю (Докторъ утеръ слезу, выкатившуюся изъ его глаза). Чортъ побери! Вѣдь вы желаете

счастья вашей внучкѣ? Такъ зачѣмъ-же вы давно не выдали ея за мужъ?

— Господинъ Докторъ!

«Господинъ сосѣдъ! потому, что вы должны были уговорить ее выйдти за мужъ. Неба съ землей мѣшать не надобно. На землѣ надобно думать о землѣ, и если не-земное мѣшается тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ, выходитъ дребедень — вы этого не понимаете, а я понимаю. Лечить можно всякой всячиной: я вылечивалъ чахотку отъ любви пилюлями изъ ипекакуаны; tinctura regia, Перувіанскій бальзамъ и Боэргавовъ сахаръ спасли-бы дурака Вершера — и этого сумасшедшаго я вылечилъ-бы, да теперь все пропало! Теперь вѣдь ужь не льзя ихъ разлучить — онъ умретъ! Эхъ, сосѣдъ, сосѣдъ! какъ можно позволять дѣвчонкамъ гулять въ садахъ, подлѣ которыхъ содержатъ сумасшедшихъ!...

Докторъ съ досадой стукнулъ своею палкою въ землю, и подошелъ ближе къ сумасшедшему. Онъ пристально началъ глядѣть на сумасшедшаго и на Эмму. Эмма потупила глаза, и покраснѣла-бы, если-бы щеки ея, отъ солнца, отъ всего, что было, и отъ сильнаго внутренняго движенія, давно не горѣли, какъ полымя.

— Ну! такъ! Всѣ признаки — точно такъ.... сердито произнесъ Докторъ.

Сумасшедшій замѣтилъ Доктора. Эмма отошла въ это время отъ него. Взоръ безумца мрачился и шемѣлъ.

— Вы опять принялись за ваши дурачества— сказалъ Докторъ Князю — стыдитесь, Князь, стыдитесь!

Сумасшедшій сжалъ кулаки.

— Не нужно сжимать кулаки—вскричалъ Докторъ.—Я велю посадить васъ въ узкій мѣшокъ и капать вамъ воду на голову!

Сумасшедшій готовъ былъ вскочить съ скамейки.

— Можно-ли такъ жестоко обходиться съ нимъ? — сказала Эмма, обращивъ умоляющій взоръ на Доктора.

«Прошу покорно: жестоко обходиться! Ласкайте, ласкайте его; вы еще не знаете, что̀ значитъ человѣкъ сумасшедшій; а не сумасшедшій еще хуже, хуже во сто разъ, говорю я вамъ! Вы этого не понимаете, а я понимаю.

Глухое рыканіе послышалось въ груди сумасшедшаго.— «Теперь все мое леченіе пошло

на вѣтеръ по вашей милости!» вскричалъ Докторъ.

Замѣтивъ желаніе сумасшедшаго броситься на Доктора, Эмма оборотилась къ нему, и напомнила обѣщаніе быть спокойнымъ.

—Позволь мнѣ убить только этого!—шепталъ ей сумасшедшій, робко указывая на Доктора.—Онъ всѣхъ больше меня мучитъ. Я убью его такъ, что никто этого не увидитъ, и потомъ опять буду смиренъ, какъ тебѣ угодно.

Неужели только страхъ наказанія, или выдуманныя человѣкомъ приличія, заставляютъ несумасшедшихъ не говорить того вслухъ, что говоритъ человѣкъ въ безуміи? Или съ потерею ума, человѣкъ теряетъ божественную половину свою, и тогда только остальная половина его— *звѣрь*, остается въ немъ, и кровожадность тигра является въ человѣкѣ ничѣмъ неукротимая? Гнѣвъ не есть-ли сумасшествіе на минуту? Не знаю; но какъ часто человѣкъ съ умомъ мыслитъ то, что лишенный ума говоритъ онъ вслухъ! Загляните въ душу свою безъ свидѣтелей, и — вы содрогнетесь!

«Сударыня! велите ему остаться спокойнымъ, и скажите, что вы пойдете уговаривать меня не мучить его; потомъ пожалуйте

подойдите сюда, ко мнѣ. Безъ этого онъ тотчасъ убьетъ меня,» сказалъ хладнокровно Докторъ.

Докторъ говорилъ по-Нѣмецки; сумасшедшій тщательно вслушивался въ слова, не понималъ ихъ, и съ досадою потряхивалъ головой.

—Будьте-же спокойны; сидите здѣсь; я пойду уговорю его помириться съ вами; видите, какой онъ сердитый — сказала Эмма безумному.

«Ты уйдешь,» отвѣчалъ онъ, «и опять они возьмутъ меня. Ахъ! ты не знаешь, какъ они меня мучатъ! И все говорятъ мнѣ, что я сумасшедшій!» Онъ взялъ Эмму за руку; слезы наполнили глаза его.— «А я совсѣмъ не сумасшедшій. Ты видишь, что мнѣ съ тобой хорошо; я стану дѣлать все, что ты мнѣ велишь, только не оставляй меня!» Онъ сталъ на колѣни и держалъ Эмму за руку.

Сердце дѣвушки замирало отъ ощущеній, дотолѣ ей неизвѣстныхъ и теперь непоняшныхъ. Она снова уговаривала безумца, и онъ остался неподвиженъ, на колѣнахъ, на своемъ мѣстѣ, глядя на удалявшуюся Эмму. Такъ глядѣлъ онъ на нее, какъ будто все существованіе, вся жизнь его заключалась въ ней.

—Сударыня — сказалъ ей Докторъ — нѣтъ

надобности изъяснять вамъ какъ, но только одно скажу, что вы пріобрѣли теперь полную власть надъ этимъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ. Пользуйтесь своею властію, и вы вылечите его непремѣнно. Начинайте теперь-же ваше дѣло.

«Господинъ Докторъ! вы смѣетесь надо мною!» сказала Эмма. «Что я за лекарка!»

—Ну, ну! — вскричалъ Докторъ нетерпѣливо— я не умѣю по вашему изъясняться, и не стану говорить вамъ: будьте его ангеломъ-хранителемъ! Ангеловъ на землѣ нѣтъ; да, и какой вы ангелъ? Вы женщина, изъ костей, крови и мяса.....

«Господинъ Докторъ!

—Госпожа женщина, а совсѣмъ не ангелъ! прошу не сердиться! Угодно-ли вамъ лечить его?

«Если-бы я и могла, то надобна воля дѣдушки.....

—Дѣдушка вамъ нуль значитъ меньше нуля, поставленнаго къ единицѣ съ лѣвой стороны. Надобна *ваша* воля.

«Я не понимаю.

—И не нужно понимать! Много надѣлали-бы люди, если-бы понимали все, что дѣлаютъ!

«Что-же мнѣ дѣлать?

—Пожелайте выздоровѣть ему, такъ пожелайте, какъ вы желаете себѣ царства небеснаго, какъ вы любите вашего дѣдушку.

«О! больше, больше, если надобно».... Эмма смѣшалась, когда невольно вырвались у нея эти слова. «Я буду молиться объ этомъ каждый день, мыслить каждый часъ!

—Доброе созданіе!— сказалъ Докторъ, крѣпко сжимая ей руку.— Воля человѣка въ молитвѣ непобѣдима. Это.... Но вы не поймете меня! Читали-ль вы Библію? Помните-ль слова Его, Того, Кто самъ сходилъ на землю для страданія: aber ohne deinen Willen wollte ich nichts thun, auf dass dein Gutes nicht wäre genöthiger, sondern freiwillig (*безъ твоей воли ничто-же восхотѣхъ творити, да не аки по нуждѣ благое твое будетъ, но по волѣ*)?

«Ахъ! Г-нъ Докторъ! что̀ значитъ моя воля!

—То, чего никто въ мірѣ превозмочь не можетъ. Поведите меня къ нему; положите руки ваши ему на голову, и три раза проведите

ими отъ головы до сердца— то есть, отъ перваго главнаго зла человѣческаго до другаго, еще худшаго. Поиомъ скажите ему, что я желаю ему добра; смотрите ему прямо въ глаза; велите ему ѣхать домой и пожелайте ему здоровья.

«Я буду желать и молиться объ этомъ.—

Эмма исполнила слова Доктора. Сумасшедшій все еще стоялъ на колѣняхъ. Она подошла къ нему и положила руки на его голову.

Если только можетъ быть въ человѣкѣ чистая, святая воля на добро—въ это мгновеніе, молитва къ Богу, какую въ душѣ своей произнесла Эмма, молитва, въ которой, забывъ самое себя, она преобразилась въ одно небесное желаніе добра— эта молитва могла силою воли душевной сдвинуть горы и сбросить ихъ въ океанъ, какъ легкія песчинки! Будто непорочный Ангелъ, коснулась Эмма — въ первый разъ въ жизни— сердца мужчины, и слышала подъ рукою своею его трепетаніе; но она не стыдилась и не краснѣла: она не глядѣла тогда на мужчину, сердце котораго билось подъ ея рукою; взоры ея устремлены были на небо, гдѣ безконечная, свѣтлая лазурь, казалась ей лазурью ока Непзмѣримаго, предъ Коимъ пролетаютъ вѣка, какъ пыль, вѣтромъ свѣваемая, и вселенная вещаетъ,

какъ бѣдная риза, но оно вѣчно, и неподвижно устремлено на вѣка и на вселенную.

«Твои руки жгутъ меня,» прошепталъ сумасшедшій. « Но сожги, сожги меня — мнѣ такъ хорошо! »

Дикій взоръ его угасалъ постепенно; онъ поднялся съ земли и повелъ рукою по глазамъ, какъ будто снимая съ нихъ что нибудь.

«Вы должны любить этого человѣка и слушаться его»—сказала Эмма, указывая на Доктора. Сумасшедшій робко взглянулъ на него.

— Пойдемъ-те со мною— сказалъ ему Докторъ ласково— вамъ теперь и со мною будетъ хорошо.

Сумасшедшій взглянулъ на Эмму, какъ будто спрашивая: велишь-ли ты мнѣ идти съ нимъ?— Да, идите съ нимъ— промолвила Эмма тихо.

Докторъ взялъ безумца за руку, повелъ его и наткнулся на платочекъ, упадшій прежде съ груди Эммы. Онъ наклонился, поднялъ этотъ платочекъ и спросилъ у Эммы: « Вашъ-ли?»

—Ахъ, мой!— вскричала Эмма, смѣшавшись.

«Возьмите его въ руки, и потомъ повяжите

его на лѣвой рукѣ больнаго. Да, не дурачьшесь-же: извольше дѣлать, что я говорю.— Неужели вамъ жаль этого дряннаго лоскутка, если вы не жалѣете всей своей воли для его здоровья? Знаете-ли, чѣмъ вы, сударыня, жертвуете для него?»

Эмма не отвѣчала ни слова, и повязала платочекъ свой на руку сумасшедшаго. Докторъ повелъ его къ калиткѣ садика. Безумный не противился; но казалось, что онъ едва можетъ идти; голова его тяжелѣла, глаза закрывались, ноги едва двигались. У калитки садика уже стояла великолѣпная карета Княжеская; два высокіе лакея, въ богатой ливреѣ, растворили дверцы. Сумасшедшаго почти на рукахъ внесли въ карету. Докторъ сѣлъ съ нимъ, и садясь оглянулся на Эмму и на ея дѣдушку, неподвижно стоявшихъ въ садикѣ; онъ усмѣхнулся, ласково махнулъ рукою. Дверцы кареты захлопнули; лакей закричалъ: «*Пошелъ домой!*» и карета загремѣла и быстро укатилась за ворота.

Эмма все еще стояла неподвижно. Что̀ она думала? Не знаю.— Дѣдушка подошелъ къ ней, ласково обнялъ ее, и заботливо спросилъ: «Ты вдругъ такъ поблѣднѣла, моя Эммочка; что̀ съ тобою сдѣлалось? Ты вѣрно чувствуешь себя

нехорошо? Пойдемъ, прими поскорѣе раковыхъ жерновокъ!»

Эмма прижалась къ дѣдушкѣ, опустила голову на грудь его и заплакала.

—Эмма, милая Эмма! — говорилъ ей дѣдушка.— Вотъ и старушка наша возвратилась изъ Города. Пойдемъ къ ней.

Тихо повелъ онъ Эмму. Русые локоны дѣвушки переплетались съ сѣдыми волосами старика, и слезы юности падали на грудь его, среди разрушеній времени вполнѣ сохранившую чувство добра и любви къ милымъ ему людямъ.

(До слѣдующей книжки).

ПОВѢРКА ЗАМѢЧАНІЙ О. ІАКИНѲА

НА IV-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

> *Кто читаетъ Исторію, долженъ изслѣдовать бытописанія; проникнетъ древнее и настоящее, какъ-бы собственными очами. Устами читай, мыслію вникай!* Санъ-цзы-цзинъ, или Троесловіе. *Пер. съ Китайскаго, О. Іакинѳа* (стр. 20).

Для чего, почтенный и глубоко уважаемый мною О. Іакинѳъ, не припомнили вы всѣхъ этихъ словъ Китайскаго мудреца, когда вздумалось вамъ писать замѣчанія на IV-й томъ И. Р. Н? Я увѣренъ, что вы не рѣшились-бы писать ихъ, припомнивъ сіи слова. Признаюсь, не понимаю я и того: какую причину подалъ я вамъ прибавить на меня къ замѣчаніямъ вашимъ горечь насмѣшекъ, по примѣру многихъ Русскихъ Критиковъ? Но дѣло сдѣлано. Что напишешь перомъ, того не вырубишь и топоромъ, по Русской пословицѣ. Позвольте-же мнѣ теперь отвѣчать вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, и не сердитесь, если мечемъ правды я рѣшительно разрублю вашу критику, и послѣ того спрошу васъ: *стоило-ли труда писать подобныя замѣчанія*, и притомъ насмѣшкою оскорблять человѣка, всегда

искренно желавшаго вамъ добра, писателя, всегда съ особеннымъ уваженіемъ отзывавшагося о литературныхъ трудахъ вашихъ?

Приступимъ къ дѣлу. Не льзя однакожь напередъ не сказать предварительно нѣсколькихъ словъ, объ участи сочиняемой мною *Исторіи Русскаго народа* въ литературномъ Русскомъ мірѣ. Рѣшительно: не было въ Россіи другой книги, на которую было-бы написано столько критикъ. Но этого мало: всѣ критики были притомъ такъ *не похожи на Критику* — чтобы не сказать болѣе — что читая иныя изъ нихъ, я самъ изумлялся изобрѣтательному искусству нѣкоторыхъ почтенныхъ монхъ собратій, Г-дъ Литтераторовъ, умѣвшихъ изъ замѣчаній на ученое сочиненіе составлять обвинительные акты противъ меня, совсѣмъ не въ ученомъ отношеніи. Спрашиваю: въ чемъ меня не обвиняли? Не говорилъли *Г-нъ Рапгъ*, что Исторія Русскаго народа выписана мною изъ рукописныхъ лекцій Г-на Погодина? Не составилъ-ли *Г-нъ Калайдовичъ* особой статьи изъ доказательствъ, что я не умѣлъ написать ея правильно по-Русски? Не обвинялъ-ли меня *Г-нъ Руссовъ*, въ безбожіи, издавая особыя, цѣлыя книги въ мое уличеніе? А *Г-да М. Т. Каченовскій, М. П. Погодинъ, А. Ѳ. Воейковъ, А. С. Пушкинъ, Князь П. А. Вяземскій, Н. И. Надеждинъ, Ѳ. В. Булгаринъ*, чѣмъ не бросали въ мою книгу?— Одни сказывали, что я вовсе не видалъ авторовъ, на которыхъ ссылаюсь; другіе, что я все беру изъ бумагъ покойнаго Ходаковскаго; третьи, что я всѣмъ одолженъ присвоеннымъ будто-бы мною бумагамъ по-

койнаго Тимковскаго. Задержка въ выдачѣ томовъ Ист. Русск. народа была неистощимымъ источникомъ насмѣшекъ: меня уподобляли купцу, отмѣривающему по три аршина, вмѣсто двѣнадцати; и въ водевильныхъ куплетахъ и въ альманачныхъ эпиграммахъ подтверждали то, что писали въ критикахъ, съ откровенностью изумительною! Не странно-ли, что противъ всего этого *донынѣ я никому не отвѣчалъ?* Не странно, по многимъ причинамъ. *Первое* потому, что ни въ одной критикѣ я не нашелъ ничего достойнаго отвѣта, кромѣ уличенія въ небольшихъ обмолвкахъ, которыя болѣе относятся къ корректурѣ книги, нежели къ сущности Исторіи; *второе* потому, что большею частію споръ критиковъ шелъ совершенно о пустыхъ словахъ; *третье* потому, что жаль мнѣ было терять время на антикритику, имѣя средства употребить его съ большею пользою, при совершенной увѣренности, что противниковъ моихъ въ истинѣ ни чѣмъ убѣдить невозможно; наконецъ, *четвертое*, и для меня главное — уваженіе къ самому себѣ не дозволяло мнѣ отвѣчать на статьи, писанныя безъ соблюденія законовъ самой обыкновенной вѣжливости. Это чувство побѣждало мысль, иногда приходившую мнѣ въ голову, что критики моихъ противниковъ могутъ наконецъ поселить предубѣжденіе противъ меня въ умахъ читателей. Но въ семъ случаѣ, я былъ увѣренъ въ благоразуміи и безпристрастіи публики, и — слава Богу! не ошибся. Нетерпѣніе, съ какимъ она желаетъ видѣть окончаніе труда моего, и отзывы многихъ почтенныхъ знатоковъ Исторіи

убѣждаютъ меня въ томъ, что читатели и безъ меня рѣшили тяжбу между мною и моими критиками въ мою пользу, и что они видѣли всю неосновательность изданныхъ донынѣ критикъ на Исторію Русскаго народа. Впрочемъ, какъ было этого и не видѣть, ибо дѣло это было слишкомъ явно. Приведу два свѣжіе примѣра: недавно Г-нъ Булгаринъ говорилъ въ Сѣверной Пчелѣ, что *въ одной строчкѣ Карамзина болѣе Логики*, нежели во всѣхъ томахъ И. Р. Н., которые я *издалъ* и *издамъ?* Подобная гипербола, гдѣ умъ Г-на Критика впадаетъ въ какой-то предвѣщающій восторгъ, годится быть внесенною въ собраніе примѣровъ неправильныхъ риторическихъ фигуръ! — Другое обстоятельство: Г-нъ Надеждинъ, въ *Молвѣ*, вздумалъ утверждать, что описаніе Батыева нашествія выписано мною изъ *Исторіи государства Россійскаго*; для сего онъ беретъ отрывки изъ моей книги, сводитъ оные съ подобными имъ отрывками изъ Карамзина, и находитъ удивительное сходство. Но кто-же подастся на такія доказательства, и не догадается, что въ описаніи Батыева нашествія *выражаясь словами лѣтописей*, и слѣдуя *одной и той-же лѣтописи*, Карамзинъ и я необходимо употребляли сходныя выраженія? Тѣмъ легче было все это замѣтить, что въ концѣ IV-го тома И. Р. Н. я *вполнѣ приложилъ лѣтописное описаніе нашествія Монголовъ на Русь*, или, такъ называемую, *Умильную повѣсть*. Все, что казалось почтенному Критику кражею изъ Карамзина, взято было мною изъ этой *повѣсти*, въ чемъ легко можно было убѣдиться всякому. И согласитесь послѣ се-

го, что статья Г-на Надеждина отвѣта не стоила?

И такъ — не отвѣчая донынѣ моимъ критикамъ, я *имѣлъ на то свои достаточныя причины.* Вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, напротивъ, хочу отвѣчать, и опять имѣю причины: *первая* та, что не смотря на нѣсколько словъ, которыхъ я *не желалъ-бы видѣть* въ вашей статьѣ, вы пишете не для того только, чтобы побранить меня, а хотите говорить о дѣлѣ; *вторая* та, что рѣчь идетъ о самомъ трудномъ для меня предметѣ: *Восточной Исторіи.* Не зная ни одного Восточнаго языка, я долженъ былъ, съ великимъ трудомъ, основываться на разсмотрѣніи извѣстій Г-дъ Оріенталистовъ. Если изъ отвѣта моего вамъ публика увидитъ, что вы, О. Іакинѳъ, бывши знаменитымъ Оріенталистомъ, не нашли у меня важныхъ ошибокъ, это послужитъ ей доказательствомъ, что я не жалѣлъ труда для обработыванія въ Русской Исторіи *даже и Восточныхъ источниковъ.* Слѣдственно, публика опъ этого можетъ сдѣлать посылку, что въ другихъ матеріялахъ, болѣе для меня доступныхъ, могъ я быть еще исправнѣе, и тѣмъ подтвердится для читателей моихъ увѣренность, что *не робость и не сознаніе въ уликѣ побуждали меня молчать противъ другихъ моихъ критиковъ.*

Позвольте мнѣ, О. Іакинѳъ, сказать здѣсь еще нѣсколько словъ предварительно, вообще о предметѣ, теперь насъ занимающемъ. Я осмѣлюсь увѣр-

ждашь, что не только для меня, незнающаго Восточныхъ языковъ, но и для Оріенталиста не-полиглота, и не всеобъемлющаго археографа и глубоко ученаго человѣка, долго еще Востокъ, съ его языками, его Исторіею и Географіею, будетъ дѣломъ весьма затруднительнымъ. Совершенное различіе въ основаніяхъ языковъ и во всѣхъ понятіяхъ, малая обработанность источниковъ, и удивительное разногласіе людей, занимавшихся однимъ и тѣмъ-же предметомъ — вотъ препятствія, непобѣдимыя для всякаго, желающаго хорошо узнать Востокъ. *Индія*, *Аравія*, *Персія*, *Монголія*, *Китай* — это различные міры, изъ коихъ каждый надобно изучать отдѣльно и основательно. Къ сему необходимо надобно присоединить изученіе сношеній Европы съ Азіею, съ древнѣйшихъ временъ; надобно изучить писанія древнихъ Грековъ и Римлянъ, Византійцевъ и Западныхъ народовъ. Но для всего этого мало трехъ жизней человѣческихъ. Отъ того происходитъ большею частію *односторонность* Г-дъ Оріенталистовъ, и трудность изученія Востока основательно и правильно. «*Нѣсть вамъ спасенія, кромѣ Индіи!*» говоритъ Шлегель. «*Нѣсть вамъ спасенія, кромѣ Китая!*» говорите вы, и оба впадаете въ ошибку. *Васъ* именно; почтенный О. Іакинѳъ, причисляю я къ *односторонимъ Оріенталистамъ*. Вы весьма хорошо знаете Китай и языкъ Китайскій; но, при незнаніи Запада Азіи, весьма часто вы ошибаетесь, когда рѣчь идетъ о чемъ нибудь внѣ Китая и Китайскаго языка, и эти ошибки видны даже не знатокамъ. Если вамъ угодно, то даже я, не Оріенталистъ, могу вамъ доказать это примѣрами.

Сказавъ о малой обработанности источниковъ и разногласіи писателей, занимавшихся Востокомъ, спѣшу предупредить возраженіе тѣхъ, кто станетъ утверждать, что все это встрѣчается во всѣхъ другихъ предметахъ Наукъ и Знаній. Согласенъ; но нигдѣ это не явно такъ, какъ въ изученіи Востока; нигдѣ нѣтъ такихъ разительныхъ противорѣчій; и по причинѣ малаго числа людей, могущихъ дѣлать повѣрку, изученіе Востока и его Исторіи для насъ всего труднѣе, всего сбивчивѣе.

Приведу немногіе примѣры, въ доказательство словъ моихъ. И не Оріенталистъ можетъ убѣдиться, что прежніе Западные Оріенталисты почти вовсе не годятся, при усовершенствованіяхъ новѣйшихъ свѣдѣній о Востокѣ. *Дегини*, *Гобилл*, *Майлла*, *Гербелоты*, *Дела-Круа*, *Галланы*, съ ихъ переводами, съ ихъ системами, потеряли нынѣ половину своей цѣны. Обратимся къ новѣйшимъ: *Гаммеръ* выдалъ намъ цѣлую книгу о происхожденіи Руссовъ; Г-нъ Сенковскій доказывалъ ему, что вся его книга есть сцѣпленіе ошибокъ; *Г-нъ Шармуа*, соглашаясь съ этимъ, утверждалъ, что самъ *Г-нъ Сенковскій* надѣлалъ много ошибокъ, хотя и менѣе Гаммера. *Г-нъ Шмидтъ* выдалъ книгу объ Исторіи Востока; *Г-нъ Клапротъ* доказывалъ ему, что онъ вовсе не понимаетъ дѣла, и въ тоже время спорилъ съ вами, почтенный *О. Іакинѳъ*, и спорилъ не о бездѣлкахъ, но о самомъ основаніи того, что говорили вы и Г-нъ Шмидтъ. Съ обѣихъ сторонъ сыпались притомъ брань и укоризны;

соперники взаимно уличали другъ друга въ мнимомъ, или настоящемъ, Богъ знаетъ — невѣжествѣ. Мы обрадовались было, когда *С. де-Саси* вступился въ споръ между Г-мн Клапротомъ и Шмидтомъ; но С. де-Саси говорилъ много, и только запутадъ споръ, такъ, какъ и *Абель-Ремюза*, посредникъ между вами и Клапротомъ. Положась на переводы *Узелея*, Эверсъ основалъ на нихъ цѣлую Исторію о древнихъ Руссахъ, но *Г-нъ Френъ* доказалъ, что Узелей самъ ошибся и ввелъ въ ошибку Эверса и Г-на Каченовскаго, который послѣдовалъ за Эверсомъ. Въ тоже время *Фатеръ* и *Нейманнъ* спорили противъ этого и создали свои особенныя системы. *Шлегель* бранится на *Англійскихъ Оріенталистовъ*, и доказываетъ, что они невѣжды, а тѣ доказываютъ тоже самое Шлегелю.

Подобныхъ примѣровъ могъ-бы я привесши втрое болѣе; но и сихъ, кажется, довольно въ доказательство словъ моихъ, что Восточные матеріялы для Русской Исторіи должны были составлять для меня предметъ весьма затруднительный. Скажу вамъ, какъ я поступалъ въ семъ случаѣ: я собралъ и внимательно перечиталъ множество разнообразныхъ книгъ о Востокѣ: вашихъ, Г-дъ Клапрота, Шмидта, Сенковскаго, Дегиня, Гербелота, Дела-Круа, Рипшера, Крейцера, Абель-Ремюза, и проч.; тщательно сличалъ я ихъ потомъ, соображалъ, старался узнать истину, не думая объ именахъ авторовъ, и — ваши замѣчанія въ *Молвѣ* могутъ быть доказательствомъ, что я избралъ лучшую методу, ибо, слава Богу, вы *не нашли у*

меня важныхъ ошибокъ, по тщательномъ пересмотрѣ всего того, что я почелъ за нужное включить въ Исторію Русскаго народа изъ Восточной Исторіи. Сказавъ это, надобно доказать. Согласенъ, и по порядку *переберу я здѣсь все, что вамъ*, почтенный О. Іакинѳъ, *угодно было напечатать въ* Молвѣ. Всѣ ваши замѣчанія приведу я здѣсь вполнѣ, отмѣтивъ ихъ вводными знаками:

1. *Безбожіе Китайцевъ и фатализмъ Магомеданъ* (И. Р. Н. т. IV, стр. 31). «Совѣтую Г-ну «Полевому, въ V-мъ томѣ И. Р. Н. въ числѣ по«грѣшностей помѣстить, что здѣсь, вмѣсто: *без«божіе*, должно читать: *единобожіе*, или яснѣе: «*натурализмъ* Китайцевъ. Это ближе къ истинѣ.»

Благодарю за совѣтъ, но ему не послѣдую, ибо не понимаю: что вы разумѣете подъ словомъ: *натурализмъ?* Если *пантеическій матеріализмъ*, то мое слово: *безбожіе*, именно выражаетъ это яснѣе вашего. Сколько мнѣ извѣстно, изъ всего, что я читалъ о Китаѣ, Китайцы именно не имѣютъ никакой религіи, не воздвигаютъ храмовъ и не молятся никакому Богу. Вѣря въ нравственность, сведенную на неизмѣняемые обряды, они поклоняются предкамъ и мудрецамъ, но какъ *святымъ людямъ*, а не *богамъ*, и притомъ не имѣютъ никакой идеи о будущей жизни и всѣхъ другихъ догматахъ, коими необходимо должна сопровождаться всякая религія, имѣющая въ основаніи идею *индивидуальнаго отъ вселенной*, хотя-бы и *абсолютнаго* Божества. Словомъ: Китайская *Религія* есть

чистый *Аѳеизмъ*, а это слово всегда переводится по-Русски, да иначе и перевести его нельзя, *безбожіемъ*. Лишенные поэзіи, закованные въ неподвижность общественныхъ идей, Китайцы создали себѣ и соотвѣтственную сему религію — какой-то міръ нравственной пустоты *безъ Бога* и *безъ вѣры* (*).

(*) Для поясненія словъ нашихъ, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ наставленія, какое дано было отъ Китайскаго Правительства посланникамъ, отправленнымъ къ Калмыцкому Хану, черезъ Россію (Китайское и Манджурское описаніе сего путешествія напечатаны въ Пекинѣ въ 1723 г., и экземпляры онаго, вывезенные Рассохинымъ, должны хранится въ Библіотекѣ СПбургской Акад. Наукъ. Переводъ, Рассохинымъ сдѣланный, помѣщенъ былъ Миллеромъ въ *Ежем. Соч.* 1764 года). Предполагая, что Русскій Императоръ захочетъ видѣть Китайскихъ Пословъ, и станетъ съ ними говорить, велѣно было имъ отъ Китайскаго Правительства, *если онъ спроситъ о вѣрѣ*, отвѣчать: «Вѣра нашего государства состоитъ въ вѣрности къ Государю, въ послушаніи родителямъ, въ чистой совѣсти, въ познаніи истины и правды, и въ содержаніи своего слова вѣрно; сіи добродѣтели содержимъ мы ненарушимо, и какъ государство приводимъ въ добропорядочное состояніе ими, такъ равнымъ образомъ и самихъ себя исправляемъ, и содержимъ оныя

II. *Монголы называли Мугаммедань Таджиками, и это имя навсегда осталось именемъ Бухарцевъ.* (И. Р. Н. ш. IV. стр. 31). Не *Таджиками*, а *Таджиками*, сказалъ я, и въ доказашельство, что Бухарцевъ донынѣ шакъ называютъ, сослался на книгу Барона Мейендорфа.

«Думаю, что въ Москвѣ довольно находится «торговыхъ Бухарцевъ, и Г. Полевому не боль- «шаго-бъ труда стоило повѣрить съ ними повѣ- «ствованіе Барона Мейендорфа.»

добродѣтели съ такою крѣпостію, что хотя-бы намъ случилось быть и въ самыхъ крайнихъ бѣдахъ, или напастяхъ, однакожь смерть насъ не устрашаетъ, и ее принимаемъ мы безъ всякой боязни, не нарушая нашей вѣры ни малаго члена. Хотя нынѣ во многихъ государствахъ по своей вѣрѣ молятся Богамъ, и приносятъ жертвы, однакожь оныя не токмо помянутыхъ главныхъ, но и другихъ никакихъ добрыхъ дѣлъ не дѣлаютъ; и шакъ молитвы ихъ ничего имъ не помогаютъ. Но что касается до нашего государства, то оное вѣрность къ Государю, послушаніекъ родителямъ, чистую совѣсть, познаніе правды и содержаніе своего слова вѣрно имѣя во всѣхъ дѣлахъ за первыя добродѣтели, исполняетъ ихъ дѣломъ со всею возможностію, и потому во всемъ нашемъ государствѣ процвѣтаетъ изъ давнѣйшихъ лѣтъ великая тишина;» и проч.

Смѣшно было-бы мнѣ спрашивать у какого нибудь невѣжды Бухарца, когда я имѣлъ передъ собою книгу ученаго путешественника, собиравшаго свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Бухаріи. Но въ чемъ дѣло? Развѣ, О. Іакинѳъ, вы не вѣрите этому, и развѣ Баронъ Мейендорфъ *говоритъ неправду?* Посмотримъ ваше изъясненіе:

«*Таджикъ* есть *Бухарское слово*; въ переводѣ «значитъ: *горнь*, или *простой народъ*. Симъ словомъ «Турки, издавна господствующіе въ Бухарѣ, на«зываютъ *коренныхъ жителей сего государства* въ «отношеніи къ себѣ, и сіе слово отъ давности «такъ срослось съ Бухарскимъ народомъ, что ны«нѣ даже *Бухарецъ*, встрѣтившись съ иностран«цемъ, спрашиваетъ: «Знаетъ-ли онъ говоритъ «*по-Таджикски*, т. е. по-*Бухарски?*»

Слѣдственно: Баронъ Мейендорфъ правъ, говоря, что коренные Бухарцы называютъ сами себя, и называются отъ другихъ: *Таджики?* И, слѣдственно, мнѣ не было надобности спрашивать объ этомъ у пріѣзжающихъ въ Москву Бухарцевъ? Но вы велите мнѣ спросить у Бухарцевъ о *значеніи* самаго слова, т. е. вы не вѣрите *Монгольскому* его происхожденію, увѣряя, что оно *Бухарское*, и значитъ: *горнь*. Въ семъ случаѣ лучше Бухарца я растолкую вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, что слово: *Таджикъ* происходитъ изъ западной Азіи: древніе Персы называли Арабовъ Мугаммеданъ: *Тази*, Сиріяне *Таджи*, Армяне *Даджикъ*. Отсюда перешло это къ Туркамъ; и когда Мугаммедане-Арабы покорили Бухару, сосѣдніе Турки стали называть

ее *Таджикъ*. Потомъ переняли это имя Монголы, называя онымъ *осѣдлыхъ Турковъ, составлявшихъ Хоразмійскую имперію*, и *вообще Мугаммеданъ*. Когда-же воздвиглась *Чагатайская имперія* Монголовъ въ Бухаріи, имя *Таджикъ* стало означать *первобытныхъ Бухарцевъ*, и невѣжды Бухарцы такъ себя донынѣ называютъ, можетъ быть, принимая это въ значеніи слова: *простолюдинъ*.

III. *Имя:* Чингисъ-Ханъ, *значитъ:* le Khan des Puissants, *и составлено изъ Монгольскаго слова:* чинъ, puissant, *а* гисъ *означаетъ множественное число.* Темудзинъ *значитъ*: воинъ, *и происходитъ отъ Монгольскаго слова*: шема, guerre. См. Histoire des Mongols, соч. Оссона, I стр. 70. (И. Р. Н. т. IV. стр. 34).

«Если-бы Г. Полевой, касательно Монгольскихъ «именъ снесся, вмѣсто Оссона, съ Г. Шмидтомъ, «то предохранилъ-бы себя отъ столь нелѣпаго «толкованія словъ: *Чингисъ-Ханъ* и *Темуджинъ*.»

Нелѣпаго сказано слишкомъ тяжело; можетъ быть: *сомнительнаго*; но, по крайней мѣрѣ, *не я* выдумалъ это толкованіе, ибо ссылаюсь на автора, коему слѣдовалъ. Вы велите мнѣ спрашивать у Г-на Шмидта, а иной сказалъ-бы мнѣ, можетъ быть, что я долженъ спросить у кого нибудь другаго, напримѣръ: у Г-на Игумнова, Г-на Ковалевскаго, Г-на Разгильдеева, и другихъ знатоковъ Монгольскаго языка. Кого-же мнѣ прикажете слушать? Не дѣлая себя судьею въ томъ, чего я хорошо не знаю, скажу одно, что истолкованія именъ: *Чингисъ-Ханъ* и *Темуджинъ*, мною приведенныя,

именно шакъ означены у Оссона. Онъ говоритъ: На курилтаѣ 1206 г. Монголы разсуждали, что Темудзинъ, après avoir vaincu et détruit plusieurs souverains qui portaient le titre de *Gour-khan*, c'est-à-dire de *puissant khan*, il ne lui convenait pas d'adopter la même qualification dont l'éclat était terni; que le ciel ordonnait qu'il prit le titre de *Tchinkguiz khan*, ou de *khan des puissants*. Въ примѣчаніи, Г-нъ Оссонъ прибавляетъ: *Tchink* signifie *puissant* en mongol, et la particule *guiz* marque le pluriel. Le nom de Témoutchin veut dire *guerrier*; il est formé de *téma*, qui signifie *guerre* en mongol.

Если вамъ этого недостаточно, я раскрываю Абулгази, и нахожу въ немъ: Le mot *Zin* en langue Mogule veut dire *grand*, et la terminaison *gis* faisant le superlatif, *Zingis* veut dire *le plus grand* (Hist. Généalog. ч. III, стр. 195). — Вы скажете, что все это несправедливо? Пусть шакъ; но, покрайней мѣрѣ, согласитесь-же, что я имѣлъ достаточныя причины, на коихъ основалъ толкованіе именъ Монгольскаго героя (*). Сдѣлайте одолженіе, О. Іакинѳъ,

---

(*) Надобно сказать здѣсь, что Г. Шмидтъ (Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 376, 379) также не вѣритъ Оссонову изъясненію словъ: *Темудзинъ* и *Чингисъ*. Онъ говоритъ: «*Воинъ* по-Монгольски называется *Дайтшинъ*.» Далѣе:» Zwar heisst *temetseku*» streiten, sich, etwas streitig machen» und *temetsel* « Streit, Wettstreit, » es kann *aber in keinem Fall dieses Wort auf Krieg oder kriegerische Eigenschaften bezogen werden*; auch müsste der

растолкуйте намъ это лучше. Вы согласны на сіе, и продолжаете :

« Слово : *Чингисъ*, сами Монголы считаютъ *про-*

---

daraus abgeleitete Name alsdann *Temetsekichi* oder *Temetseldukischi* heissen. Слово: *Streit*, по-Нѣмецки значитъ иногда *война*, вообще *споръ*, *состязаніе*, *борьба*; нынѣшніе Монголы могли также потерять древнее значеніе слова : *Tema*, передѣлать его въ *Temet*, и потерять значеніе и этого слова, какъ далѣе доказываю я это примѣромъ Русскихъ словъ. И такъ, сомнѣніе почтеннаго Г-на Шмидта не убѣждаетъ меня. Тоже думаю я, когда Г-нъ Шмидтъ говоритъ о значеніи слова: *чинъ*— *Tching* ist zwar ein mongolisches Adverbium ; bedeutet aber nicht « machtig , » sondern « fest , unerschütterlich, z. B. *tsching bischirel* » unerschütterlicher Glaube , festes Vertrauen. » Далѣе Г-нъ Ш. утверждаетъ, что и въ семъ смыслѣ, слово: *чинъ* не принимаетъ множ. числа. Согласенъ; но Г-нъ Шмидтъ упускаетъ изъ вида, что его доказательства берутся изъ *нынѣшняго Монгольскаго языка*, и, вѣроятно, *какого нибудь нарѣчія частнаго* ; а все это могло въ теченіе 600 лѣтъ, протекшихъ отъ Темудзина до нашего времени, измѣниться. Довольно, если остаются хотя *немногіе слѣды* для подтвержденія словъ Западныхъ писателей Азійскихъ, на которыхъ основывались Абулгази, Оссонъ, и другіе.

«*именованіемъ*, и *не даютъ ему никакого значе-*
«*нія.*»

Этому повѣрить не льзя, ибо вы сами, О. Іакинѳъ, пишете о курилтаѣ 1206 года: «Князья и чины «*поднесли ему* названіе *Чингисъ-Хана*» (Ист. Хановъ, стр. 35). Неужели Темудзину *поднесли имя*, которое *не имѣло никакого значенія?* Нѣчто подобное прежде васъ утверждалъ миссіонеръ Гобиль; но не вѣрьте, почтенный О. Іакинѳъ, словамъ Гобиля, такъ-же какъ не вѣрьте Китайской сказкѣ, будто имя *Чингисъ* произведено отъ крика небесной птички, которая прилетѣла на курилтай 1206 года и кричала: *Чингисъ, Чингисъ!* Примите также за аксіому слѣдующее: *ни одного слова нѣтъ, ни въ одномъ языкѣ, которое не имѣло-бы значенія.* Слова, коихъ этимологію вывесть кажется невозможно, означаютъ только, что *первоначальное производство* оныхъ утрачено, или затемнѣно невѣжествомъ. Но — позвольте! Вы сами говорите далѣе:

«Слово: *гинъ*, означаетъ «истинный.»

Слѣдственно: есть-же значеніе у этого несчастнаго слова: *гинъ?* Слѣдственно, вы сами себѣ противорѣчите, О. Іакинѳъ, и Монголы, утверждающіе противное, говорятъ безсмыслицу? Мимоходомъ, позвольте спросить однакожь: на чемъ вы основываете это новое толкованіе слова: *гинъ?* Безъ доказательствъ, позвольте мнѣ не повѣрить вашему голословному утвержденію.

«Но члена: *гизъ*, нѣтъ въ Монгольскомъ языкѣ. «Множественное число Монгольскихъ словъ обра-
«зуется черезъ отдѣльное или слитное прибавле-

« ніе на концѣ словъ членовъ: *наръ*, или *ныръ*, *отъ* « или *утъ*, и буквъ З и Д. » —

Не спорю, но ссылаюсь на книгу Оссона и на Западныхъ Азіятцевъ, которые утверждаютъ противное. Нѣтъ-ли у васъ какой нибудь ошибки, О. Іакинѳъ? Не спрашивали-ль вы у какого нибудь невѣжды - Монгола, какъ мнѣ велите спрашивать у невѣждъ Бухарцевъ? Можетъ быть, нынѣшніе Монголы не знаютъ древняго языка Монгольскаго, и измѣнили формы его, какъ мы измѣнили формы языка Славянскаго. Какой Русскій мужикъ изъяснитъ вамъ теперь имена: *Борисъ*, *Глѣбъ*, *Всеволодъ*, или скажетъ вамъ о *двойственномъ* числѣ именъ? — Спросите у образованнаго Рускаго, не знающаго хорошо древнихъ нашихъ, письменныхъ памятниковъ, о значеніи словъ: *задница*, *порты*, *трудъ*, *слобода*, *зелье?* Можетъ-ли онъ изъяснить вамъ, что сіи слова значили нѣкогда: *наслѣдство*, *одежда*, *печаль*, *свобода*, *порохъ?* А мы, Рускіе, кажется попросвѣщеннѣе Монгольскихъ варваровъ.

« *Темудзинъ* произведено отъ слова: *Тэмуръ*, « *желѣзо*, и значитъ: лучшее желѣзо, или укладъ. »

Позвольте этому не повѣрить, ибо между *Темудзинъ*, или, какъ вы пишете, О. Іакинѳъ, *Тэмуцзинъ*, и *Тимуръ* великая разница! Значеніе слова: *Тимуръ*, я зналъ и прежде, но нигдѣ не находилъ, чтобы Оріенталисты симъ словомъ изъясняли имя Темудзина.

« Впрочемъ, слова: *Чингисъ* и *Темудзинъ*, вовсе « *не употребляются* въ *обыкновенныхъ рѣчахъ.* »

Этихъ словъ я вовсе не понимаю, хотя они, кажется, и написаны по-Русски. Что̀ такое хотите вы сказать, О. Іакинѳъ, говоря: *не употребляется въ обыкновенныхъ рѣчахъ?*

IV. *Прибавьте: сколько лжей и нелѣпостей надобно прежде всего разрѣшить въ разныхъ памятникахъ Китайскихъ, Турецкихъ, Византійскихъ, и проч.* (И. Р. Н. т. IV. стр. 36).

«Изъ сихъ словъ безошибочно можно заключить, «что Г. Полевой еще не имѣетъ *правильнаго по-«нятія* объ Исторіяхъ *Турецкихъ* и *Китайскихъ*, «а потому объ нихъ скажу нѣсколько словъ.»

Слѣдственно, вы думаете, что я судилъ о Китайскихъ и Турецкихъ Историкахъ неправильно? Радъ послушать, что̀ скажете вы мнѣ, О. Іакинѳъ, и поучиться. Но вы обращаетесь сначала къ Византійцамъ.

«Что касается до Византійскихъ Историковъ, «то они *давно уже поняты* Европейскими учены-«ми. Предоставляю Г-ну Полевому самому, хотя «бѣгло, *осмотрѣть разрѣшенные.*»

Повторю и здѣсь, что хотя это *написано по-Русски*, но опять я, право, не понимаю, что̀ значитъ: *поняты учеными*, и *осмотрѣть разрѣшенные?* Кажется, почтенный О. Іакинѳъ, вы хотите сказать, что я *худо знакомъ* съ Византійскими Историками; не знаю мнѣнія о нихъ Европейскихъ ученыхъ, и несправедливо почитаю Византійцевъ писателями невѣждами, исполненными лжей и нелѣпостей? Смѣю увѣрить васъ, что не только я знаю Византійцевъ

по критическимъ выборкамъ изъ нихъ Европейскихъ писателей, но для Русской Исторіи особенно имѣлъ я тяжкую необходимость читать огромные кварианты *Стриттера*, и много изъ огромныхъ фоліантовъ, именуемыхъ: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, ибо и это было мнѣ необходимо. Далѣе скажу вамъ, что Европейскіе ученые говорятъ тоже самое, что я говорю о *Зонарахъ*, *Кедринахъ*, *Скилицiлхъ*, *Халкондилахъ*, *Пахимерахъ*, и прочихъ Византійцахъ, т. е. что это суть *писатели, показывающіе совершенный упадокъ Исторіи и науки, совершенное отсутствіе критики, хвастовство, суевѣріе и невѣжество, доведенныя до высочайшей степени*, такъ, что пользуясь Византійцами, надобно имѣть величайшую осторожность и безпрерывно повѣрять ихъ, не только изслѣдованіями другихъ источниковъ, но даже *просто здравымъ разсудкомъ*. Въ доказательство всего этого могу представить вамъ мнѣнія *Гиббоновъ*, *Шлецеровъ*, *Нибуровъ*, и еще болѣе примѣры изъ Византійцевъ, которые могутъ убѣдить васъ гораздо лучше. Вслѣдствіе всего этого, почтенный О. Іакинѳъ, оставимъ Византійцевъ, которыхъ, какъ изъ словъ вашихъ видно, *не я*, а *сами вы* плохо знаете; поговоримъ лучше объ Историкахъ Турецкихъ и Китайскихъ.

«Турецкіе Историки наиболѣе основываются на «устныхъ сказаніяхъ. По сей причинѣ, извѣстія «ихъ о разныхъ происшествіяхъ въ политическомъ «мірѣ, въ *главномъ* вѣрны, а *въ подробностяхъ, по «большой части, неточны*, особенно касательно «времени ихъ событія. Сказанія ихъ о жизни

«славныхъ мужей *обыкновенно начинаются родо-*
«*словіемъ отъ Ноя, а за симъ родословіемъ слѣдуетъ*
«*чудесное рожденіе описываемаго героя.* По незна-
«нію иностранныхъ языковъ, *они* (Турецкіе Исто-
«рики) большею частію *ложно толкуютъ иностран-*
«*ныя слова*; по незнанію всеобщей Географіи, *не-*
«*опредѣлительно говорятъ объ отдаленныхъ стра-*
«*нахъ;* по невѣжеству въ Физикѣ, *къ важнымъ со-*
«*бытіямъ нерѣдко присоединяютъ баснословіе.*»

Скажите-же послѣ сего, почтенный О. Іакинѳъ: слова ваши, не есть-ли подтвержденіе моихъ словъ, что Турецкіе Историки *исполнены нелѣпостей?*

«Но *должно присовокупить*, что самая *нелѣпость*
«ихъ *всегда* имѣетъ *Историческое основаніе.*»

Если-бы вы сказали: *иногда*, или *часто*, даже *почти всегда*, то я, можетъ быть, не сталъ-бы противорѣчить. Но, слово: *всегда* — это гипербола, которую опровергать не стоитъ труда! Въ доказательство, вы приводите мѣсто изъ Абулгази (только не съ 451 стр. его Исторіи, какъ у васъ сказано, а съ 359-й), гдѣ упоминается о произведеніи колдунами Огошая зимы. Находя у Китайцевъ, что тогда точно *было холодно*, вы торжествуете! Но если я вамъ укажу сто мѣстъ, гдѣ вранью Турецкихъ Историковъ нѣтъ никакого основанія? И притомъ, что-же такое я говорилъ? Развѣ я рѣшительно *отвергалъ Турецкихъ Историковъ*? Нѣтъ! я сказалъ только, что *прежде нежели начнемъ заимствовать изъ нихъ*, надобно въ нихъ *разобрать истину отъ тысячи нелѣпостей*, такъ, какъ въ Византійцахъ.

« Одно сіе обстоятельство (произведеніе зимы « колдунами) довольно показываетъ, что Европейско- « му Исторіографу, желающему пользоваться Турец- « кими Историками, предварительно нужно знать « нравы, обычаи, законы, и *отчасти языкъ* описы- « ваемаго имъ народа, также и мѣстности страны, « обитаемой онымъ; а безъ сего невозможно отдѣ- « лить въ нихъ истину отъ примѣси лжи, предраз- » судковъ и баснословія, особенно при невѣрномъ « переводѣ. »

Все это правда; но *зная языкъ*, для чего и прибѣгать къ невѣрнымъ переводамъ? Опять всѣ слова ваши, О. Іакинѳъ, не суть-ли подтвержденія *именно того*, что я сказалъ о необходимости раздѣленія нелѣпостей и истины въ Турецкихъ Историкахъ? При этомъ раздѣленіи иногда не пособитъ ни языкъ, ни мѣстность и ничто, ибо часто нелѣпость не имѣетъ никакого основанія: будете *догадываться* объ истинѣ — и только! У насъ въ Русскихъ Лѣтописяхъ есть сказки о сожженіи Коростеня Ольгою, о спасеніи Бѣлгорода киселемъ. Какая мѣстность и какое знаніе языка пояснятъ намъ происхожденіе и значеніе сихъ обѣихъ сказокъ? Выводимъ изъ нихъ только одно: *вѣроятно*, Коростень былъ взятъ и сожженъ; *вѣроятно*, Бѣлгородъ спасли, показавъ непріятелю запасы; если угодно — выводимъ еще: *вѣроятно*, въ Руси, до Нестора, ѣдали уже кисель съ медовою сытою, и голуби живали подъ застрѣхами. Такъ и въ Турецкихъ Историкахъ: когда они пишутъ, что Тамерланъ шелъ къ сѣверу столь далеко, что уже

не видалъ ночи; что Батый проходилъ къ Москвѣ густымъ лѣсомъ, сквозь который змѣя не могла проползти; что Бачманъ, Государь Кипчацкій, убѣжалъ на островъ рѣки Волги, но поднялся вѣтеръ, и разогналъ волны рѣки, такъ, что Монголы прошли на островъ по суху — истина, если угодно, шутъ видна; но никакое знаніе языка и мѣстности не докажетъ намъ, чтобы прибавленія къ истинѣ не были нелѣпы. Предлагаю все это на безпристрастный судъ вашъ, О. Іакинѳъ, и обращаюсь къ Китайскимъ Историкамъ.

«Китайская Исторія *пишется самимъ Правитель-*«*ствомъ*, и составляется *изъ ежедневныхъ кабинет-*«*ныхъ протоколовъ* текущимъ государственнымъ «дѣламъ. *Слѣдовательно*: здѣсь ложь и нелѣпости «никакъ допущены быть не могутъ.»

И неужели, почтенный О. Іакинѳъ, ваше *слѣдовательно* не есть шутка надъ нами? Помилуйте! Неужели *ежедневные кабинетные протоколы* Китайцевъ идутъ до самыхъ глубокихъ временъ, за двѣ, за три тысячи лѣтъ до Р. Х.! Неужели вы не шутя вѣрите, что если *само Правительство* (Китайское) *пишетъ свою Исторію*, то въ ней все излагается такъ вѣрно, какъ передъ Страшнымъ Божіимъ Судомъ? Нѣчто подобное вы уже говорили въ *Молвѣ*, по поводу замѣчаній въ Телеграфѣ о томъ, что весьма много есть нелѣпаго въ Китайскихъ извѣстіяхъ, изъ коихъ вы составили *Исторію Тибета и Хухунора*. Признаюсь: я посовѣстился тогда отвѣчать вамъ! И теперь, пусть другіе рѣшатъ: справедливо-ли ваше утвержденіе, и должно-

ли опровергать его указаніемъ на тысячи хвастливыхъ лжей и нелѣпостей самыхъ варварскихъ, коими исполнены извѣстія Китайцевъ? Впрочемъ, послѣ столь утвердительнаго приговора вашего правдивости Китайцевъ, вы вдругъ дѣлаете важную уступку:

« Но какъ Китайцы не имѣютъ тѣсныхъ связей « съ отдаленными государствами, также не зани- « маются ни Исторіей, ни Статистикой оныхъ, то « въ собственной ихъ Исторіи не найдете никакихъ « свѣдѣній объ отдаленныхъ народахъ, исключая « тѣхъ, каковыя получаютъ они отъ Посланниковъ, « изъ отдаленности пріѣзжающихъ къ ихъ Двору; « но и сіи свѣдѣнія чрезвычайно кратки, и не со « всею точностію изложены бываютъ. »

Когда пошло дѣло на признанія, будьте вполнѣ откровенны, О. Іакинѳъ, и скажите, что они походятъ на Историческія и Географическія свѣдѣнія, какія сообщилъ Персидскому дипломату остроумный плутъ Хаджи-Баба. Въ доказательство ссылаюсь на описаніе Россіи, взятое изъ Китайскихъ источниковъ Клапротомъ. И не только объ Европѣ, но и объ Азіи, Китайцы пишутъ такъ, что истину надобно искать въ ихъ описаніяхъ съ Діогеновымъ фонаремъ. Напрасно послѣ собственнаго вашего сознанія въ хвастовствѣ и невѣжествѣ Китайцевъ, вы, О. Іакинѳъ, прибавляете:

« *Главное затрудненіе* при ссылкахъ на Китай- « скіе источники состоитъ въ невѣрности перело- « женія оныхъ на Европейскіе языки. Дегинь изъ

«Китайскихъ источниковъ почерпнулъ свою Исто-
«рію Гунновъ, но всю извратилъ своими мечта-
«тельными догадками, каковою и сообщилъ оную
«Европѣ.»

Нѣтъ! это *не главное*, хотя и это важно, ибо вотъ уже нѣсколько лѣтъ происходитъ у васъ объ этомъ споръ съ Г-мъ Клапротомъ, но—Богъ вѣсть, кто правъ, кто виноватъ! Безпристрастные говорятъ, будто у васъ идетъ споръ въ словахъ, и что вы и Клапротъ равно ошибаетесь во многомъ. О Деги нѣ не говоримъ мы ни слова; но изъ собственныхъ вашихъ переводовъ съ Китайскаго можно представить ясныя доказательства, что Китайцы большіе хвастуны и лжецы въ своей Исторіи, хотя Исторію ихъ и пишетъ само Правительство.

V. Монголъ — *такъ называлось одно изъ неболь-
шихъ поколѣній, составлявшихъ кочевое населеніе* (а не *селеніе*, какъ вы, О. Іакинѳъ, пишете) *Татана, или степей и горъ на югъ отъ Байкала, по рѣкамъ Селенгѣ, Орхону* (а не Оркону), *Толѣ и Керулану. Здѣсь существовало оно, вмѣстѣ съ тремя другими племенами родичей:* Ташарами и Тайгутами (а не *Тайчутами*) и Кэрэ. *Каждымъ поколѣніемъ владѣли отдѣльные Ханы, маленькіе деспоты, и восмнадцатый Ханъ съ начала самобытности Монгольскаго племени былъ Юесугай-Багадуръ* (И. Р. Н. ш. IV. стран. 37).

«Примѣтно, что Г. Полевой не имѣлъ времени
«съ должнымъ вниманіемъ обозрѣть даже тѣ мѣ-
«ста въ Азіятскихъ Историкахъ, которыя онъ за-

« имѣлъ для своей *Исторіи Русскаго народа*, « и по сему самому допустилъ *промахи и противо-* « *рѣчія*. »

Нѣтъ, почтенный О. Іакинѳъ, до сихъ поръ вы еще не доказали этого. Увидимъ далѣе, что мнѣніе ваше о моей *невнимательности, промахахъ* и *противорѣчіяхъ* объявлено вами слишкомъ поспѣшно и ни чѣмъ не доказывается.

« Поколѣніе *Монголъ* считалось однимъ изъ четы- « рехъ *большихъ* Ташаньскихъ поколѣній. »

Здѣсь надобно прежде всего условиться: что вы разумѣете подъ словомъ: *большой*, и что я понимаю подъ словомъ: *небольшой*. Я назвалъ такъ поколѣніе *Монголъ* въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ, окружавшимъ тогда Монголію, и къ другимъ сильнѣйшимъ племенамъ Ташаньскимъ, которыя побѣждали Монголовъ безпрерывно, и у которыхъ самъ Темудзинъ неоднократно бывалъ въ плѣну.

« *Татань* было собирательное названіе четырехъ поколѣній. »

Слѣдственно — и *земли*, гдѣ они обитали. И въ вашихъ *Запискахъ о Монголіи*, ч. I, стр. 128, вы называете Ташань именно *Монголіею*, ибо такъ называли ее Манджуры, когда Ташаньскія племена именовались каждое само по себѣ отдѣльно и дрались между собою безпрерывно, не составляя ничего общаго.

« Главы сихъ поколѣній *не назывались Ханами*. « Доказательствомъ сему служитъ то, что Темуд-

« зинъ принялъ шишуль *Хана* уже въ 1206 г., когда « онъ цѣлую половину Монголіи покорилъ своей « власти. »

Но какъ-же *они* назывались, и какъ ихъ называть должно? По крайней мѣрѣ Западные Азіятскіе писатели, а вслѣдъ за ними и Европейскіе Оріенталисты, придаютъ древнѣйшимъ владѣтелямъ Монгольскимъ шишуль Хановъ. Оссонъ (Hist. des Mongoles, ч. I, стр. 27) говоритъ: *Caan* et *khahan* ou *khan* étaient chez les Mongols les titres de la royauté. Наконецъ—великій Боже! *вы, вы сами*, О. Іакинѳъ, называете прадѣда Темудзинова *Габулъ-Ханъ*, на стр. 7-й *Исторіи четырехъ Хановъ*, и безпрестанно встрѣчается у васъ въ этой Исторіи шишуль *Хана*, придаваемый Монгольскимъ владѣтелямъ *гораздо прежде* 1206 г., напримѣръ: на стр. 14 — *Ванъ-Ханъ*, на стр. 32 — *Діянь-Ханъ*. Какъ же вы все это забыли? — Въ 1206 г. Темудзинъ принялъ шишуль не *Хана*, а *Чингисъ-Хана*. Если вы и не согласны съ этимологіею Оссона о семъ шишулѣ, то согласитесь однакожь, что оно значило уже *нѣчто высшее* нежели Ханъ: *Императора*, какъ вы переводите, а не *просто Хана*.

« Юссугай-Багадуръ былъ *девятый*, а не восмнад- « цатый Ханъ: такъ признали родословную Чин- « гисъ-Хана потомки его, царствовавшіе въ Китаѣ « и Монголіи. Но если Г. Полевой *расположенъ бо-* « *лѣе вѣрить* Турецкимъ Историкамъ, то долженъ « былъ, послѣдуя онымъ, продолжать восходящую « линію Чингисъ-Хана до Адама, или Сафи-Юлы.»

Признаюсь, почтенный О. Іакинѳъ, я не располо-

женъ вѣрить ни Китайской, ни Турецкой генеалогіи Темудзина! Позвольте мнѣ здѣсь нарушить порядокъ вашихъ замѣчаній, и обратиться къ тому замѣчанію, гдѣ вы въ другой разъ принимаетесь за эту родословную, а именно:

VI. Мои слова: *Эта родословная* (Чингисъ-Хановa) *можетъ быть ложна, ибо смѣшивается со множествомъ басенъ. Она основана на преданіяхъ; а можно-ли на преданіяхъ основать что-либо, если они объемлютъ цѣлыя сотни лѣтъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 39)?

Вотъ, какъ я думаю, и гошовъ согласиться, что Юссугай былъ девятый, десятый, придцатый Ханъ отъ начала Монголовъ, ибо увѣряю васъ, что не вижу въ этомъ важности для Исторіи, не понимаю и того: какъ можно было варварамъ-Монголамъ, и ихъ потомкамъ, опредѣлить *перваго прародителя* своего? Это нелѣпость: все равно, что происхожденіе Руссовъ отъ *Русса*, Славянъ отъ *Славена*, Датчанъ отъ *Дана*. Но вы говорите:

«Если Г. Полевой не разсудилъ за благо пред-
«ставить намъ родословной Чингисъ-Хана, то, по
«крайней мѣрѣ, долженъ былъ *указать Историка*,
«изъ котораго онъ заимствовалъ эту умственную
«родословную Чингисъ-Хана. Послѣ сего читатель
«могъ-бы понимать: *гдѣ* эта *родословная*, которая
«смѣшивается со множествомъ басенъ?»

Но, почтенный О. Іакинѳъ, я давно указалъ Историка, которому слѣдовалъ, указалъ въ прим. 34, IV-го тома *Ист. Русск. народа*, и, если вамъ

угодно, повторю это указаніе: Histoire des Mongols, Оссона, ч. I, стр. 20, и ч. II, стр. 679. Оссону слѣдовалъ я потому, что онъ извлекъ родословную Темудзина не изъ Абулгази, жившаго въ XVII-мъ вѣкѣ, и производившаго Чингиса прямо отъ *Адама*, *Монгола* и *Огуза*. Оссонъ взялъ въ основаніе *Джами-утъ-Теварихъ*, или *Собраніе лѣтописей*, составленное въ концѣ XIII-го вѣка, Фазель-Алла-Рашидомъ, по повелѣнію славнаго Газанъ-Хана. Рашидъ пишетъ въ предисловіи, что онъ пользовался при этомъ письменными древними источниками, хранившимися въ архивахъ его Государя, сличалъ, соображалъ ихъ, совѣтовался съ находившимися при Дворѣ Газана учеными Китайцами, Индійцами, Уйгурами, Кипчаками, Тибетцами, Арабами и Франками, а также и съ Визиремъ Булатъ-Чинксангомъ, глубоко изучавшимъ Турецкія и Монгольскія лѣтописи и преданія (*). Другимъ руководствомъ Оссона

(*) Сіе предисловіе Рашида вообще замѣчательно, какъ образецъ удивительнаго безпристрастія и благоразумія въ Азіятскомъ писателѣ XIII-го вѣка. Онъ говоритъ, напримѣръ: « Историки вообще не бываютъ очевидцами того, что пишутъ, и даже пишущіе современную Исторію должны составлять оную по разсказамъ. Извѣстно, что одинъ и тотъ-же человѣкъ сегодня измѣняетъ разсказъ свой въ нѣкоторыхъ частяхъ противъ вчерашняго; посему можно понять, что Исторія временъ и народовъ отдаленныхъ не можетъ быть совершенно вѣрною, и одни и тѣже дѣла разсказываются разно, или потому, что

была рукопись, называемая: *Мо' изг-улъ-Ансабъ*, или *Сплощенное родословіе*, составленное по повелѣнію Тамерланова сына, Шарухъ-Багадура, въ началѣ XV-го вѣка. Я повѣрялъ при томъ извѣстія Оссона извѣстіями Г-на Шмидта (изъ его Forschungen im

---

писатель обманывается преданіями и источниками, или потому, что съ намѣреніемъ одно преувеличиваетъ, а о другомъ молчитъ, а иногда невольно измѣняетъ истину, выражаясь неточно. Историку, который захотѣлъ-бы быть совершенно вѣрнѣйшимъ, не надобно и писать приниматься. Справедливо; но если изъ опасенія несовершенной истины, мы писать не будемъ, то всѣ великія достопамятности прошедшаго будутъ погребены забвеніемъ. Остается Историку почерпать Исторію изъ лучшихъ лѣтописей каждаго народа и совѣтоваться притомъ съ знающими людьми. Каждый народъ разсказываетъ по своему, но не бойтесь, чтобы противорѣчія падали въ укоризну вашу, и выказывайте ихъ ради узнанія истины. Мы, Мусульмане, считаемъ свои преданія вѣрнѣйшими преданій другихъ народовъ, но исторіи чужеземцевъ не льзя основывать на нашихъ только преданіяхъ, и надобно непремѣнно смотрѣть и на то, что чужеземцы о себѣ говорятъ и чему они вѣрятъ. Таково было правило, которому слѣдовалъ я, сличая Историческія сочиненія каждаго народа, и изучая преданія, признанныя достовѣрнѣйшими.» Спрашиваю: у какого Китайца найдемъ мы подобныя мысли, которыя сдѣлали-бы честь лучшему Европейскому Историку?

Gebiete der ælt. relig. polit. und liter. Bildungsgeschichte der V. M. A., ибо, къ сожалѣнію моему, я не имѣлъ тогда подъ рукою другаго, важнѣйшаго труда Г-на Шмидта: Geschichte der Ost-Mongolen).

По этой, принятой мною въ основаніе родословной, выходитъ, что за 2000 лѣтъ до Чингисъ-Хана существовалъ *народъ Монгольскій*, и былъ истребленъ врагами. Спаслись только двое: мужчина, *Тогузъ*, и женщина, *Кайанъ*. Они убѣжали въ горы Иргене-Кунъ. Тамъ расплодилось отъ нихъ множество народа, и вышли они въ нынѣшнюю Монголію, подъ предводительствомъ Хана *Бурте-чине*. Это былъ *первый Ханъ* Монгольскій. За нѣмъ слѣдовали: 2-й, *Битеджи-Ханъ*; 3-й, *Тамаджъ*; 4-й *Кабгу-Мерганъ*; 5-й, *Кучемъ-Тугрулъ*; 6-й, *Эга-Нидунъ*; 7-й, *Симъ-Сауджи*; 8-й, *Кала-Каджу*; 9-й, *Дунбунъ-Болнъ* (по Г-нъ Шмидту, сіи имена выходятъ нѣсколько иначе, а именно: Bürte-Tschino, Bèdètsè-Chan, Tamatsak, Choritsar-Mergen, Aghodschim-Bughurul, Nige-Nidün, Ssamssudschi, Chali-Chartschu, Forghaldschin-Bajan (*). Этотъ Ханъ женился на *Аланкуѣ*, изъ

(*) Есть разница между родословною Рашида и Санангъ-Сетсена, изъ коего извлекалъ извѣстія Г-нъ Шмидтъ (см. G. der Ost-Mongolen, стр. 58 и 373); но все это ни сколько не подтверждаетъ словъ О. Іакинѳа, и не опровергаетъ Оссона, на которомъ я основывался. Самъ Г. Шмидтъ пишетъ, что у Оссона родословная предковъ Чингиса findet sich richtiger als sonst irgendwo, кромѣ немногихъ ошибокъ.

народа Курласс (по Г-пу Шмидту, *Алунч-Гоа*). Послѣ смерти мужа, Аланкуа родила трехъ сыновей, чудеснымъ образомъ, ибо видѣла, что въ шатеръ ея проникаютъ лучи свѣта, и превращаются въ прекраснаго юношу, который оставется съ нею цѣлыя ночи. Младшій изъ сыновей этого чудеснаго привидѣнія, *Буданджеръ*, былъ 10-мъ Монгольскимъ Ханомъ, принявъ правленіе послѣ Дунбунъ-Бояна, а отъ него слѣдовали: 11-й, *Бока*; 12-й, *Тутумъ-Менень*; 13-й, *Кайду-Ханъ*; 14-й, *Байзунгуръ*; 15-й, *Туменай-Ханъ*; 16-й, *Кабель-Ханъ*; 17-й, *Бертанъ-Багадуръ*, и 18-й *Юссугай Багадуръ*, отецъ Темудзина.

Вы видите, О. Іакинѳъ, что я имѣлъ причины назвать отца Темудзинова 18-мъ Ханомъ; но въ тоже время, соображая, что за 2000, и даже за нѣсколько сотъ лѣтъ, преданія не могутъ быть Исторически вѣрны; видя притомъ, что вся эта родословная исполнена чудесностей, я не почиталъ и не почитаю ея достовѣрною.

Сказавъ напротивъ, что Юссугай былъ *девятый* Ханъ, вы продолжаете: «Мы имѣемъ родословную «Чингисъ-Хана, писанную въ Китаѣ, при внукѣ «его Хубилаѣ, *которая въ семъ случаѣ заслужи-«ваетъ полное наше довѣріе.* Сія родословная не «смѣшана ни съ одною баснею (см. Исторія Ха-«новъ). »

Но какъ-же вы не замѣчаете, что это *одна* и *таже* родословная? Вся разница въ томъ, что у Китайцевъ она начинается чудеснымъ рожденіемъ *Буданджера*, и, слѣдственно, Юссугай выходитъ по вашему *девятый*, а не 18-й Ханъ. Есть неболь-

шая разница въ именахъ; но вотъ таблица ихъ по вашей книгѣ, по книгѣ Г. Шмидта и по книгѣ Оссона (*):

Оссонъ.	Шмидтъ.	О. Іакинѳъ.
Дунбунъ-Боянъ и жена его Аланкуя.	Добо-Мергенъ, или Торгалдшинъ-Боянъ, и Алунгъ-Гоа.	Тобунь-Мэргынь и Арунгъ-Гова.
Буданджеръ.	Буданшзаръ-Монгъ.	Бодонь-Чаръ.
Бока.	Хабишши Багадуръ.	Багаришай-Хабици.
Тушумъ-Мененъ.	Маха-Тоданъ.	Маха-Доданъ.
Кайду-Ханъ.	Хашши-Куллукъ.	Хайду.
Байзунгуръ.	Шингхоръ-Докшинъ.	Бай-Шенхуръ.
Тумеиай-Ханъ.	Тумбахай-Зеценъ.	Думбагай.
Кабель-Ханъ.	Хабуль-Ханъ.	Габулъ-Ханъ.
Бершанъ-Багадуръ.	Бардамъ-Багадуръ.	Бардамъ.
Юссугай-Багадуръ.	Эссугей-Багадуръ.	Иссукэй.

(*) О разницѣ въ сей родословной, см. Г-на Шмидта,

И какъ-же вы говорите, что въ Китайской родословной *нѣтъ басенъ*, когда она, подобно другимъ, начинается чудеснымъ рожденіемъ Бодонь-чара, или Буданджера, и за тѣмъ слѣдуютъ въ ней разсказы о пустынножительствѣ его, побіеніи мальчиковъ Моналунью, спасеніи Хайду, и проч. и проч. Перечитайте сами первыя восемь страницъ вашей *Исторіи Хановъ*, и убѣдитесь, что Китайская родословная *совсѣмъ не заслуживаетъ нашего довѣрія*, и *смѣшана съ множествомъ басенъ*.

Вы несогласны вѣрить Турецкой родословной, ибо она начинается съ Адама? Но зачѣмъ-же смотрѣли вы только въ Абулгази? Вы видите, что другіе Турецкіе писатели начинаютъ ее не съ Адама, а только за 800 лѣтъ до Р. Х., и что ваша *достовѣрная Китайская* есть одна и таже, и также исполненная нелѣпѣйшихъ сказокъ, родословная?

Въ доказательство достовѣрности Китайской родословной, вы говорите, что ее *составляли при внукѣ Темуджина Хубилаѣ*, и потомъ признали ее потомки Чингиса, царствовавшіе въ Китаѣ и Монголіи. Еще важное ваше доказательство состоитъ въ слѣдующемъ:

«Не льзя сказать и того, чтобы родословная Чин-
« гисъ-Хановыхъ предковъ основана была на однихъ

G. der O. M. стр. 375. Онъ находитъ ошибки, равно и у Г. Оссона и — у *О. Іакинѳа!*

«преданіяхъ, потому, что Монголы съ начала «X-го вѣка имѣли собственное письмо, и владѣ-«шельные Князья могли вести родословныя свои «на бумагѣ.»

Но Рашидова родословная, принятая мною, также была составлена *почти во времена Хубилая:* Хубилай умеръ въ 1294 г., а Газанъ-Ханъ въ 1300 году. Если Китайской родословной вѣрили Китайскіе и Монгольскіе потомки Чингиса, Рашидовой также вѣрили его Персидскіе и Чагатайскіе потомки. Вы *предполагаете* только, что генеалоги Хубилая имѣли передъ собою письменныя замѣтки, а Рашидъ говоритъ утвердительно, что *слѣдовалъ запискамъ, хранившимся въ архивахъ Газана.*

О грамотѣ Монгольской будемъ говорить тогда, когда рѣшится вашъ споръ по сему предмету съ Клапротомъ и другими Западными Оріенталистами: это дѣло весьма темное, О. Іакинѳъ. До тѣхъ поръ позвольте мнѣ утверждать, что *никакой достовѣрности нѣтъ ни въ Китайской, ни въ Турецкой родословной Чингисъ-Хана.* Варваръ Хубилай, первый разрушитель имперіи своего дѣда, пренебрегавшій именемъ Монгола, облекавшій себя всею пышностью Китайскаго Востока, строившій храмы своимъ Монгольскимъ предкамъ, могъ вѣрить нелѣпостямъ, льстившимъ его варварскому, смѣшному честолюбію; но намъ, Европейцамъ XIX вѣка, стыдно ссылаться на авторитетъ этого варвара. Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ умнѣе и просвѣщеннѣе Ху-

билая, но добродушно утверждалъ происхожденіе Рурика отъ Августа Цезаря и почиталъ себя Римлянином. Знаете-ли вы, О. Іакинѳ, что сказалъ Газанъ Ханъ, когда Рашидъ прочиталъ ему свою Исторію Монголовъ, доведенную имъ до Чингисъ-Хана? «*Едва-ли все это правда: я почитаю достовѣрною Исторію предковъ моихъ только съ Чингисъ-Хана.*» Это, въ кудрявыхъ фразахъ, передалъ самъ Рашидъ. Неужели ученые люди XIX-го вѣка должны быть легковѣрнѣе Азіятскаго варвара XIII-го вѣка?

VII. *Наши нынѣшніе Татары суть народы Турецкаго происхожденія, и сами себя не называютъ Татарами. Они оскорбляются названіемъ Татаръ, что значитъ у нихъ, по ихъ изъясненію*, воръ. (И. Р. Н. ш. IV, стр. 38). Я сослался на слова Клапрота, въ его Mém. relatifs à l'Asie, ш. I, стр. 474.

«Скажу Г. Полевому въ коротких словахъ, что «слова: *Татаръ*, нѣтъ въ Турецкомъ языкѣ.»

Я буду отвѣчать вамъ, О. Іакинѳъ, еще короче: *есть*, и значитъ *курьера*, *гонца*, *вѣстника*, ибо Крымскіе Татары употреблялись у Турковъ въ сію должность, и оставили въ ихъ языкѣ сіе названіе. Но это сказано мимоходомъ, чтобы доказать вамъ, почтенный О. Іакинѳъ, какъ надобно быть осторожну, утверждая что-либо, чего мы достовѣрно не знаемъ. Далѣе:

«*Слѣдовательно*: свидѣтельство, полученное изъ «Парижа на значеніе сего слова, относится къ

« поддѣльнымъ документамъ, которымъ ученость « Г-на Клапрота дѣйствительности не достав- « ляетъ. »

Это сказано слишкомъ горячо. Если-бы Клапротъ представлялъ какую нибудь свою ученую гипотезу, можно-бы еще сомнѣваться; но, онъ *знаетъ по-Татарски*—это неоспоримо; онъ *былъ въ Россіи и Сибири*—также неоспоримо; онъ *могъ спросить объ этомъ у перваго Татарина въ Казани, спросилъ, и написалъ:* Si l'on demande à un Tatar de Kazan ou d'Astrakhan, s'il est un Tatar, il répond négativement; il appelle aussi l'idiome qu'il parle *turki*, et jamais *tatari* (*). N'ayant pas oublié que ses ancêtres ont été subjugués par les Mongols ou *Tatars*, il regarde le nom de ces derniers comme une injure qui équivaut au mot *voleur*. Не понимаю: почему думать, что такое простое дѣло есть одно изъ доказательствъ невѣжества и хвастовства Клапротова? И почему не написали вы, почтенный О. Іакинѳъ, просто: « *Клапротъ*, а « вслѣдъ за нимъ и *Полевой*, *говорятъ неправду*, *ибо* « *наши Татары называютъ себя* Татаръ, *а не* « Туркъ. » Вы браните Клапрота, а словъ его ни сколько не опровергаете, ибо, если въ Турецкомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова: *Татаръ*, то изъясненіе

(*) Г-нъ Клапротъ приводитъ здѣсь сіи слова Татарскими буквами, но за неимѣніемъ въ типографіи сихъ буквъ, мы не можемъ представить его примѣровъ.

Клапрота получаетъ совершенную достовѣрность, ибо тогда необходимо наши Татары, *какъ говорящіе однимъ изъ нарѣчій Турецкихъ*, должны называть себя *Турками*.

« Сверхъ того, для чего заимствовать подобныя « свидѣтельства изъ Франціи, гдѣ пять Татаръ, а « не въ Россіи, гдѣ находится оныхъ до трехъ « мильоновъ душъ? »

Для того, что невѣжда Татаринъ можетъ мнѣ переврать, а печатное свидѣтельство ученаго Ориенталиста есть лучшее доказательство, нежели слова Татарина, котораго поймаю я гдѣ нибудь и стану допрашивать: какъ ты называешь себя: *Туркъ* или *Татаръ*? Онъ едва-ли и пойметъ, о чемъ идешъ дѣло.

Однакожь, знаете-ли что, почтенный О. Іакинѳъ, я рѣшился послѣдовать вашему совѣту, и спрашивалъ у Татаръ, въ Москвѣ находящихся. Они согласно отвѣчали мнѣ, что Татарами *зовутъ ихъ Русскіе*; но сами себя называютъ они *Турки*, и если надобно спросить: *говоришь-ли ты по-Татарски?* то должно сказать: *бламысн туркага* (*)?

(*) Впрочемъ, Русскими буквами не льзя выразить гортаннаго Татарскаго произношенія сихъ словъ. Кстати еще: у Г-на Левшина, въ его *Описаніи Киргисъ-Кайсацкихъ ордъ* (т. I, стр. 203), говорится, что Киргизы, Бухарцы и Хивинцы называютъ *Татаръ*, въ Россіи живущихъ: *Ногаи*, и что слово: *Та-*

Признались они и въ томъ, что слово: *Татаръ*, значитъ на ихъ языкѣ брань, въ родѣ нашихъ словъ: *плутъ, негодяй, воръ.* Спрашиваю васъ послѣ сего, справедливо-ли бранили вы Клапрота и винили меня за то, что я положился на его слова? Кажется, что *нѣтъ.*

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

тарб, означаетъ у нихъ *какой-то* древній, подлый народъ, проклятый однимъ изъ Мугаммеданскихъ святыхъ. Желаю знать, что́ вы скажете обо всемъ этомъ, О. Іакинѳъ? Не Клапротъ-ли подговорилъ Бухарцевъ, Хивинцевъ и Киргизовъ утверждать все это? Чего добраго! Клапротъ осмѣливается не во всемъ вѣрить Китайцамъ, а послѣ этого можно-ли въ чемъ нибудь ему вѣрить!

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Аскольдова могила.* Повѣсть временъ Владиміра Великаго. Соч. М. Загоскина. *Три части.* М. 1833 г. Въ т. Н. Степанова, III, 246, 292 и 334 стр. in-12.

Не только слыхали, но и читали мы мнѣніе, будто изъ *Русской Исторіи* не льзя извлечь *Историческаго романа*, т. е. такого созданія, которое вносило-бы какую нибудь поэтическую идею въ событія минувшаго, дополняло собою недостатокъ преданій и облекало ихъ жизнію подробностей, о которыхъ нѣкогда говоритъ Историку. Мысль ложная, недостойная никакого опроверженія! Уже мы хорошо понимаемъ *изъ чего* можетъ быть составленъ Историческій Русскій романъ: посмотрите, какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ первостепенныхъ Русскихъ поэтовъ нашего времени, *Марлинскій*. Остается доказывать возможность Русскаго Историческаго романа на дѣлѣ — созданіемъ достойныхъ твореній. Попытки наши до сихъ поръ были неудачны — нечего грѣха та-

нить! За то будемъ радоваться, что неудачи не приводятъ насъ въ робость. Если у Г-дъ Булгарина, Лажечникова, Загоскина, Марлинскаго (разумѣемъ здѣсь его *Историческія Повѣсти*), веселятъ насъ многія части и вѣрныя подробности, при всѣхъ недостаткахъ цѣлаго, то не менѣе весело смотрѣть и на то, что всѣ мы, *какъ Русскіе*, извѣстные настойчивостію (общею чертою Русскаго характера), не унываемъ отъ неудачъ, и приступомъ хотимъ взять Историческій романъ, какъ приступомъ взяли мѣсто наше въ Европейской Исторіи, отбивая мощнаго непріятеля штыкомъ, построили себѣ столицу на берегу моря, и прыжками догоняемъ Европейское просвѣщеніе. Кто укоритъ насъ за прошедшее, тому напомнимъ мы нашу пословицу, что за такой укоръ ему недолго сдѣлаться кривымъ.

Обращаясь къ роману, спрашиваемъ: можетъ-ли быть создано романическое твореніе изъ *древней Исторіи* Русской? По нашему мнѣнію: очень можетъ. Жили тогда люди; слѣдовательно, были у нихъ и страсти. Немного дошло до насъ преданій о давнопрошедшемъ бытѣ предковъ, за то свободнѣе разыгрываться надъ нимъ воображенію. Славяне, Нордманны, Греки, эти три основныя стихіи нашей народности древней, могутъ быть изображены великимъ дарованіемъ не хуже Шотландскихъ горцевъ. Изучите отдѣльно *Варяга*, въ Исторіи его, сагахъ и сказкахъ; изучите *Грека*, въ такихъ-же источникахъ; наконецъ Славянина. Поставьте главными мѣтами—преданія нашихъ лѣто-

писей; дополните их *выводами Исторіи* Русской и справкою съ собственною своею *Русскою душею*. Тогда начнется трудъ фантазіи, и, если вы поэтъ, то романъ созданъ.

Почему, напримѣръ, не льзя облечь въ Историческій романъ нашего Святослава? Избавьте насъ отъ прозаической поэмы, въ родѣ Гонзальва Кордуанскаго; избавьте насъ отъ хвастливыхъ возгласовъ, которые и для позднаго времени хуже дождевыхъ пузырей! Если вы не соблюдете сихъ условій, то, разумѣется, подъ рукою вашею Святославъ превратится въ пошлую рапсодію. Нѣтъ! возьмите Византійцевъ, которые, послѣ изданія *Исторіи Льва Калойскаго*, весьма подробно могутъ вамъ показать тогдашнее состояніе и политику Грековъ. Этой политикѣ, этимъ Греческимъ событіямъ при Никифорѣ Фокѣ и Іоаннѣ Цимисхіи, противопоставьте желѣзнаго Нормана нашего на Дунаѣ, съ его полудикими ордами, Печенѣгами, Славянами, Варягами. Болгарія, несчастный Царь ея Калокиръ, поэзія Скальдовъ, начало Руси — какія краски! Какъ не оживить ими Святослава!

Исторія Владиміра можетъ оживиться въ романѣ, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ. Отдѣльно взятое повѣствованіе о крещеніи земли Русской можетъ еще облечься подъ рукою вашею въ прелестную, очаровательную легенду.

Мы думали, что все это имѣетъ въ виду М. Н. Загоскинъ, когда слышали, что онъ издаетъ новый романъ *Историческій*, изъ временъ Владиміра.

Но мы ошиблись. Принадлежа по формѣ и названію къ Историческимъ романамъ, *Аскольдова могила* можетъ быть названа совершенно вымышленнымъ сказаніемъ, гдѣ Авторъ совсѣмъ не слушаетъ ни Исторіи, ни народныхъ преданій.

Олегъ измѣнически убилъ Аскольда и Дира, и овладѣлъ Кіевомъ. Все покорно ему; потомъ все покорно Игорю, Святославу, Ярополку и Владиміру. Но *месть за кровь Аскольда* не погибла. Аскольда забыли всѣ, а вѣрный Боярин его, спасшійся отъ гибели, спасъ одного изъ потомковъ Аскольдовыхъ, бѣжалъ съ нимъ, укрылъ его, и далъ страшную клятву отмстить за своего Князя и возвести потомка его на престолъ Кіевскій. Прошло много лѣтъ; Боярин умеръ, но на смертномъ одрѣ, подъ ужасною клятвою, открылъ тайну своему сыну; сынъ передалъ эту клятву внуку, и внукъ исполняетъ то, чего не удалось исполнить ни отцу, ни дѣду. Онъ жертвуетъ всѣмъ своей родовой клятвѣ, отрекается отъ радостей и счастія, дышитъ только исполненіемъ обѣта, не успѣваетъ, бѣжитъ, скитается по чужбинѣ, возмущаетъ, подговариваетъ враговъ, не страшится ни преступленій, ни злодѣйствъ. Этотъ мститель Аскольда есть *Блудъ*, извѣстный по измѣнѣ Ярополку. Но его сокрушаетъ не только то, что погибель Ярополка и Олега послужила къ вящшему успѣнію Владиміра, но и то, что гораздо прежде, при неудачномъ нападеніи на отца ихъ Святослава, открытый и принужденный спасаться бѣгствомъ, онъ потерялъ изъ вида единственна-

го потомка Аскольдова, котораго воспитывалъ у себя въ хижинѣ, въ лѣсу. Возвратясь потомъ при Ярополкѣ, Блудъ узнаетъ, что дитя это не погибло, но воспитывается при Дворѣ Владиміровомъ. Послѣ погибели Ярополка, долго скитавшись по чужбинѣ и устроивъ средства мщенія, Блудъ возвратился въ Кіевъ. Онъ старается узнать свое драгоцѣнное дитя въ толпѣ витязей, окружающихъ Владиміра; старается возмутить Кіевлянъ, дружится съ жрецомъ Богомиломъ, которому извѣстна тайна, и который готовъ мстить Владиміру, боясь, что Владиміръ готовъ перемѣнить вѣру. Здѣсь начинается романъ.

Съ нами конечно согласятся, что основная идея романа Г-на Загоскина уже не новая на Русскомъ языкѣ: она послужила основою *Клятвы при Гробѣ Господнемъ.* Не смѣемъ рѣшать: удачно-ли была изложена сія мысль въ *Клятвѣ* (шѣмъ болѣе, что этотъ романъ еще не конченъ), и не для того-ли именно взялъ ее Г-нъ Загоскинъ послѣ Полеваго, чтобы показать примѣръ, какъ должно излагать сію идею? Признаемся однакожь, что мысль *Клятвы* и *Аскольдовой могилы* кажется намъ поэтическою, глубокою мыслью. Напрасно думали нѣкоторые критики, что основаніемъ оной (или первообразомъ) былъ Куперовъ *Шпіонъ.* У Купера изображенъ вѣрный сынъ отечества, который, вспомоществуя его избавленію, употребляетъ всѣ силы и средства для его спасенія и погубленія враговъ его, не боится смерти и униженія, не ищетъ ни чести, ни славы, только-бы спасти от-

чизну и погубить непріятелей: это Курцій, бросающійся въ ровъ; Коклесъ, умирающій на мосту; Мадритскія патріотки въ войнѣ за Испанское наслѣдство; Сцевола, пдущій въ станъ Порсенны. Такихъ примѣровъ въ Исторіи множество. Но *Иванъ Гудочникъ* у Полеваго, и *Блудъ* у Г-на Загоскина, совсѣмъ другое: это люди, поклявшіеся местью за отчизну, уже погибшую. Они хотятъ возстановить ее: имъ нѣтъ помощниковъ; они знаютъ это и боятся слабости своей; можетъ быть, готовы отчаяться, ибо поднимаютъ бремя не по силамъ человѣческимъ. Но ихъ связываетъ *клятва*, и — тщетные борцы противъ судебъ Провидѣнія — они гибнутъ, потому, что хотятъ невозможнаго; они платятъ за это самою своею добродѣтелью; погибшіе для настоящаго и будущаго, они невольно вовлекаются въ преступленія. Но откажемъ-ли имъ въ участіи, въ состраданіи? Откажемъ-ли изобрѣтателямъ сихъ характеровъ въ томъ, что человѣкъ съ дарованіемъ могъ-бы извлечь изъ сихъ фантастическихъ призраковъ воображенія созданіе великое? Успѣлъ или не успѣлъ въ томъ *Полевой* — не наше дѣло судить; посмотримъ, какъ является сія идея у *Г-на Загоскина*.

Блудъ встрѣчаетъ рабскую преданность ко Владиміру у языческихъ Кіевлянъ: они слѣпо повинуются Владиміру, ропщутъ, но боятся его казни, его дружины, и забыли Аскольда. Богомилъ оказываетъ явный эгоизмъ, и готовъ предать равно Блуда и Владиміра по разсчетамъ. Христіане Кіевскіе собираются еще у Аскольдовой могилы, но

не мстишь, а молишься за Владиміра и просишь Бога, да просвѣтишъ его православіемъ. Съ помощію слуги своего Торопа, шута, сказочника, *гудочника* (см. часть III, стр. 88 и 95), Блудъ открываетъ потомка Аскольдова: это вишязь Всеславъ; но онъ влюбленъ въ дочь Христіанскаго священника, и дышитъ только этою любовію, когда отецъ его Надежды увлекаетъ его къ прощенію обиды и Христіанскому забвенію мести. Всеславъ рѣшительно отвергаетъ всѣ обольстительныя предложенія Блуда.

Въ этомъ заключены событія *двухъ* первыхъ частей романа. Читатели поймутъ, что сіи двѣ части необходимо должны быть обременены посторонними вставками и растянуты, когда дѣйствіе идетъ въ нихъ стороною и не сосредоточивается въ главной завязкѣ. Они не ошибутся. Авторъ обставляетъ главныя лица посторонними: дружина Варяговъ, служащая Владиміру, и особенно трусъ Фрелафъ; гудочникъ, слуга Блуда, который вездѣ является, шутитъ, сказываетъ сказки, поетъ пѣсни; рыбакъ Дулебъ, у котораго похитили невѣсту въ гаремъ Владиміра; Богомилъ, съ своимъ отвратительнымъ помощникомъ Люторомъ; Христіане Кіевскіе и священникъ Алексѣй, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Варяжки*, противника Блудова; Ѳеодоръ и сынъ его, принесенные на жертву Перуну; любовь Всеслава и Надежды — все это дѣлаетъ двѣ первыя части *Аскольдовой могилы* какимъ-то собраніемъ эпизодовъ, гдѣ всего болѣе занимаютъ мѣста шутки Торопа, трусость

Фрелафа, вздохи Всеслава и поученія Алексѣя, а не основная идея романа. *Третья* часть является тѣмъже, такъ, что самая развязка романа пересказывается мимоходомъ, занесенная къ концу обстоятельствами мѣлочными. Видя во всемъ неудачу, Блудъ хочетъ принудить Всеслава, разбудивъ его страсти. Онъ убиваетъ Алексѣя, и по его-же уговору Надежду похищаютъ въ гаремъ Владиміра; защищая подругу, Всеславъ убилъ Княжескаго чиновника, осужденъ на смерть и спасенъ Блудомъ. Онъ соглашается на все, ибо Блудъ увѣряетъ его, что Алексѣй убитъ по повелѣнію Владиміра. Блудъ идетъ къ Печенѣгамъ, чтобы призвать ихъ на Кіевъ. Между тѣмъ Торопъ, для утѣшенія Всеслава, идетъ въ гаремъ Предславинскій, желая развѣдать объ участи Надежды, но попадается въ темницу. Здѣсь много мѣста въ романѣ занимаетъ самъ Владиміръ, и — не смотря на то, остается постороннимъ для романа. Мы видимъ его сперва въ лѣсу на охотѣ, гдѣ Дулебъ спасаетъ ему жизнь и гибнетъ. Скальдъ, плѣнникъ его, отказывается пѣть по его приказу; онъ отсылаетъ Скальда утѣшать пѣснями Рогнѣду; Скальдъ до такой степени возмущаетъ сердце Рогнѣды своими пѣснями объ отмщеніи обиды и позора, что она рѣшается убить Владиміра. Извѣстная неудача ея — и Владиміръ удаляется со сцены. Окончаніе романа походитъ на развязку мелодрамы: странно и несвязно. Торопъ успѣлъ найдти въ темницѣ своей отдушечко, ведущее на тотъ дворъ, гдѣ собирается свита Владиміра. Стемидъ, другъ Всеслава, такъ-же какъ Всеславъ, безродный юноша, осво-

бождаетъ Торопа, и посылаетъ его спасать своего друга, ибо убѣжище Всеслава открыто; дорогой Торопъ встрѣчаетъ Блуда, который сказываетъ ему, что Всеславъ бѣжалъ и гдѣ теперь находится неизвѣстно. Оба идутъ искать его, прямо въ Предславино. Тутъ въ лѣсу вдругъ встрѣчаются: *Надежда*, успѣвшая уйдти изъ гарема, *Всеславъ*, пришедшій освобождать ее, *Торопъ*, встрѣтившій ихъ, и наконецъ самъ *Блудъ*. Всеславъ, Надежда и Торопъ укрываются у мнимой колдуньи, куда послалъ ихъ Стемидъ. Колдунья продаетъ ихъ; погоня близко; на Днѣпрѣ страшная буря; любовники окружены погонею. Блудъ подплываетъ въ лодкѣ къ ушесу, гдѣ стоятъ Всеславъ и Надежда; онъ слышитъ крикъ преслѣдующихъ, видитъ наконецъ воина, бѣгущаго на ушесъ, и поражаетъ его. Но сей воинъ былъ Стемидъ, хотѣвшій спасти своего друга. Золотая гривна на груди Стемида показываетъ Блуду, что этотъ Стемидъ былъ истинный *потомокъ Аскольда*. Онъ схватываетъ трупъ Стемида, и уплываетъ въ своей лодкѣ. Всеславъ и Надежда, оставленные на произволъ судебъ, хотятъ умереть вмѣстѣ и бросаются въ Днѣпръ. Эпиголъ: прошло много лѣтъ. Владиміръ уже крещенъ; по Днѣпру плыветъ лодка, и мы узнаемъ изъ разговоровъ людей, находящихся въ лодкѣ, что это воины, плывутъ истребить Богомила, который бѣжалъ въ Муромскіе лѣса и сдѣлался тамъ Соловьемъ разбойникомъ. Узнаемъ еще, что Блудъ и Торопъ погибли, сражаясь съ Русскими въ толпѣ Печенѣговъ, которыхъ привели на Кіевъ.

Разбирать: до какой степени *Аскольдова могила* вѣрна Исторіи — не нужно, ибо въ ней ничего нѣтъ Историческаго. Что взято изъ Исторіи, что передѣлано до такой степени, что вы не узнаете ни Варяжской дружины, ни древней Руси, ни нравовъ, ни обычаевъ временъ Владиміра и Русскаго язычества. Весь романъ, всѣ его подробности — анахронизмъ совершенный. Любовники говорятъ, какъ юноши начитавшіеся Шиллера; Скальдъ Скандинавскій поетъ баллады на манеръ *Минваны* Жуковскаго; Владиміръ изображается какимъ-то усатымъ Ханомъ; разговоры дѣйствующихъ лицъ списаны съ разговоровъ нынѣшнихъ простолюдиновъ, со всѣми ихъ простонародными шутками и прибаутками; дружина Варяговъ походитъ на шайку бродягъ, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни отечества, ни Бога.

Какъ произведеніе фантазіи, гдѣ Авторъ не думаетъ о времени и вѣкѣ, *Аскольдову могилу* можно почесть лучшимъ изъ трехъ романовъ, донынѣ написанныхъ Г-мъ Загоскинымъ. Мы говорили уже объ основной идеѣ романа. Не смотря на то, что ни одно лицо въ подробностяхъ не выдержано; что интересъ цѣлаго разбивается ненужными вставками; что сложность нѣсколькихъ пиитъ мѣшаетъ основанію; наконецъ — и, намъ кажется, это главная ошибка — что всему роману придалъ слишкомъ шутливый тонъ, ибо Торопъ и Фрелафъ дѣйствуютъ въ немъ безпрестанно, въ *Аскольдовой могилѣ* болѣе жизни, правды и поэзіи, нежели въ *Юріи Милославскомъ* и *Рославлевѣ*. Мѣста, гдѣ

Блудъ умоляетъ Всеслава выставить его виновникомъ гибели Владиміра, когда Всеславъ страшится показаться неблагодарнымъ въ глазахъ Кіевлянъ, поднявъ руки на своего благодѣтеля; другое мѣсто, когда онъ узнаетъ, что въ Смемидѣ погубилъ всю цѣль своей мести, своей жизни—оба эти мѣста прекрасны. Намъ кажется, что если-бы Г-нъ Загоскинъ рѣшительно удалилъ отъ своего романа все Историческое, взялъ идею не столь огромную въ основаніе, постарался также удалиться отъ сценъ пригодныхъ для Мелодрамы, и взялъ событіе изъ современныхъ простонародныхъ Русскихъ нравовъ, онъ могъ-бы создать что нибудь изящное. Для чего идти наперекоръ своему дарованію? Развѣ Вашингтонъ Ирвингъ не прославился сказками? Желалъ всѣмъ попасть въ В. Скотты невозможно. Впрочемъ, охота пуще неволи!

— *Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса.* СПб. 1833. Въ т. Вдовы Плюшаръ съ сыномъ. XLVIII и 391 стр. in-8.

«Читали-ли вы книгу Барона Брамбеуса? Какъ вамъ нравится она? Да кто этотъ Баронъ Брамбеусъ?» Вотъ вопросы, которыми съ самаго появленія сей книги встрѣчаютъ многіе шѣхъ, въ комъ предполагаютъ они какую-то степень литтературнаго цеха, какое-то свѣдѣніе о тайнахъ Литтературы! Прелесть, когда спрашиваютъ такъ о сочиненіи Барона Брамбеуса, гдѣ все пи-

сано для всѣхъ, гдѣ Авторъ скрылъ только свою первоначальную мысль подъ цвѣтами и блестками шутокъ и остроумія. Впрочемъ, одинъ нравоописатель уже парекъ его своимъ соперникомъ, противопоставилъ свою водицу Мефистофелевскимъ насмѣшкамъ Барона, и въ какомъ-то умиленіи сердца воскликнулъ:

Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser! Въ самомъ дѣлѣ, пріятно видѣть братскіе поцѣлуи соперниковъ, если только это не смѣшно. А едвали не смѣшно, когда книгу Бар. Брамбеуса почитаютъ *нравоописаніями*, и бѣгутъ лобызать его, какъ славнаго соперника! Что-же это такое? Карикатура на Александра Великаго, на Тамерлана, или Наполеона? И тѣ бывали великодушны къ соперникамъ побѣжденнымъ, а Барона Брамбеуса не могъ побѣдить у насъ никто, потому что никто на Русскомъ языкѣ не писалъ въ его родѣ. Постараемся предупредить будущіе вопросы читавшихъ эту книгу и не понявшихъ ея, или не читавшихъ ея вовсе и спрашивающихъ: что такое она?

Фантастическія путешествія принадлежатъ къ тому самому роду, въ которомъ превосходствовалъ Вольтеръ, имѣвшій отличныхъ соперниковъ и послѣдователей въ оном. *Кандидъ*, со своимъ Эльдорадо, есть первообразъ того, что видимъ теперь въ книгѣ Барона Брамбеуса. Неужели не замѣтили этого у насъ въ Россіи, гдѣ такъ жадно читали прежде и такъ усердно браняютъ Вольтера

нынѣ, за все? Правда, что онъ былъ ничтожный поэтъ, ничтожный философъ, ничтожный историкъ; но въ злобномъ юморизмѣ, который справедливо называетъ Экштейнъ *дьявольскимъ*, Вольтеръ едва-ли не остается первымъ до сихъ поръ.

Мы отнюдь не называемъ книги Барона Брамбеуса подражаніемъ *Кандиду*, но видимъ только, что это одинакій родъ сочиненій по духу, по взгляду, и даже по изложенію. Самая форма сочиненія именно взята съ Вольтеровыхъ сатирическихъ романовъ и повѣстей. Но форма вздоръ; а внутренній смыслъ книги важенъ для насъ. Не почитаемъ нужнымъ излагать содержанія *Фантастическихъ путешествій*: ихъ читали столь многіе, что трудъ нашъ былъ-бы лишнимъ для большей части читающей публики. Да, сверхъ того, что и разсказывать о такой книгѣ, гдѣ содержаніе есть только связка, гдѣ все заключается въ подробностяхъ изложенія, мыслей, и, главное, во взглядѣ, въ направленіи? Баронъ воображаетъ себя путешествующимъ по небывалымъ странамъ или въ невозможныхъ отношеніяхъ съ людьми и съ подземными жителями. Слѣдовательно тутъ нечего искать: это форма. Заглянемъ поглубже въ скрытную мысль его: мы найдемъ, что онъ смѣется надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что есть гордость вѣка и человѣка. Вольтеръ конечно смѣлѣе въ этомъ отношеніи: онъ хваталъ гораздо повыше человѣка и своего столѣтія. Но и Баронъ удачно смѣшитъ читателя, издѣвался надъ Кювье, надъ Шамполліономъ, надъ разочарованіемъ современниковъ своихъ къ пошлости характеровъ

и страстей, и надъ многимъ другимъ, что исчисляшь *и лѣнь, и нѣкогда, и было-бы некстати.* Многіе восхищаются, что онъ не щадитъ приказныхъ людей и жалкихъ невѣждъ; но не замѣчаютъ, что это у него мимоходомъ. Когда идутъ на приступъ, то конечно много притопчутъ негодныхъ травокъ, бѣлены и лапушнику; но развѣ это цѣль осаждающихъ? Нѣтъ!... Такъ и Баронъ Брамбеусъ: онъ даетъ лишь мимоходомъ щелчки мѣлкимъ ничтожествамъ; но главная цѣль его: осмѣять то, что почитаютъ люди высокимъ, разочаровать ихъ въ томъ, къ чему рвется душа и сердце ихъ, поколебать славы неколебимыя, вѣковѣчныя, осмѣять всѣ успѣхи вѣка. Здѣсь усилія его болѣе нежели слабы: они жалки. Но за то, какой праздникъ невѣждамъ и мѣлочникамъ умственнаго міра! Когда человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ подкрѣпляетъ, своимъ нападеніемъ, ихъ давній ропотъ на современные успѣхи и славы, они съ восторгомъ хлопаютъ въ ладоши и кричатъ: «А, а, славно, славно! Вотъ, не одни мы противъ этихъ: и умные люди съ нами!»

Но просимъ ихъ утишить восторги свои. Баронъ человѣкъ истинно ученый: онъ знаетъ цѣну великимъ людямъ и великимъ усиліямъ ума. Не надъ ними смѣется онъ, а надъ толпою современниковъ своихъ, которые такъ легко поддаются изумленію. Будьте только выше ихъ, и дѣлайте съ ними что хотите: они выслушаютъ брань на все, что украшаетъ и возноситъ вѣкъ; будутъ смѣяться даже

надъ самими собою, надъ понятіями своими, надъ умомъ и надъ сердцемъ. И вотъ въ чемъ заключается главная насмѣшка Барона! «Растопчешь все, чѣмъ гордятся они — и бросишь имъ-же на посмѣяніе.» И они хохочутъ, они восхищаются, не нахвалятся и не нарадуются книгою Барона Брамбеуса. Видно, стратагема Вольтера не была понята ими.

Если-же спросятъ насъ, высоко-ли цѣнимъ мы книгу Барона, какъ произведеніе Словесности, то мы скажемъ, что она есть явленіе весьма пріятное, потому что свидѣтельствуетъ о дарованіи, какихъ немного на Руси. Самый успѣхъ ея показываетъ, что она усыпана остроуміемъ, и если не мыслями новыми, то новымъ сближеніемъ словъ, такъ, что многіе не поняли основной идеи Автора, и причислили ее къ разряду *нравоописаній*. Но какихъ-же нравовъ это описанія? Жителей Медвѣжьяго острова и жерла Этны? Неужели вы и тогда будете узнавать себя, когда васъ станутъ изображать четвероногими?... Мы не поставимъ *Фантастическихъ путешествій* рядомъ съ твореніями Омира, Гёте, Шекспира и Байрона, какъ то сдѣлала Сѣверная Пчела; не подумаемъ и приближать Б. Брамбеуса къ этимъ Олимпійскимъ именамъ; но скажемъ просто, что это сочиненіе остроумное, совершенно по времени многихъ жителей нашего столѣтія, и могущее развлечь на нѣсколько часовъ самаго задумчиваго человѣка. Довольно и этого. Напечатана книга Г-на Брамбеуса съ ошиб-

ками прошивъ языка и правописанія: не знаемъ, кто виновашъ въ этомъ.

— *Денница на* 1834 *годъ*. Москва. 1834. Въ Университетской т. 240 стр. in-16.

Случалось-ли вамъ видѣть, какъ запоздалые прошедшаго вѣка являются въ собраніе молодыхъ людей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ? Въ пудрѣ, съ кошелькомъ, во Французскомъ кафтанѣ, старичекъ входитъ смиренно, раскланиваясь на всѣ стороны и стараясь не задѣть кого нибудь своими длинными полами, не обсыпать кого нибудь своей пудрой. Такъ Альманахи наши появляются въ два послѣдніе года: безъ требованій на первенство, какъ бывало во времена ихъ славы, безъ высокопарныхъ и даже бранчивыхъ фразъ, безъ щегольства, и какъ будто приговаривая: «Дайте намъ только дожить свой крашкій вѣкъ, и потомъ дѣлайте что хотите.»

Такова и *Денница* нынѣшняго года. На заглавномъ листкѣ, она даже не поименована Альманахомъ, и если судить по прежнему разнообразію Альманаховъ, когда въ нихъ помѣщались теоретическія и ученыя статьи, критика и полемика, то *Денница* не походитъ даже на своихъ прародителей. Безъ предисловій, безъ объясненій представляетъ она нѣсколько пріятныхъ произведеній Словесности. Если-бы еще наружность ея соотвѣт-

ствовала назначенію книги, представляемой какъ будто въ подарокъ съ Новымъ Годомъ, то она была-бы истиннымъ Альманахомъ, каковы они вездѣ и какими прежде не были они на Руси. Но такъ все склоняется къ своему назначенію: и даже Русскіе Альманахи.

Содержаніе *Денницы на 1834-й годъ* составляютъ слѣдующія статьи:

Марко богатый и *Веселые Злыдни*, двѣ Русскія сказки (М.), по нашему мнѣнію, лучшія сочиненія въ сей книжкѣ. Основаніе ихъ взято изъ народныхъ преданій, а разсказъ отличается искусною простотою, приличною сему роду сочиненій. Если-бы перескащикъ поменьше роскошничалъ *своимъ* острословіемъ, и не прибавилъ къ *Веселымъ Злыднямъ* двухъ ненужныхъ частей (*Смѣхъ и Горе*, *Адамова голова*), то его трудъ казался-бы еще ближе къ самородной Русской Сказкѣ.

Опалъ, волшебная сказка (И. К.). Въ ней, кажется, Авторъ уже черезъ чуръ перехитрилъ. Волшебству конечно законъ не писанъ, но есть законъ изящнаго, который не велитъ изъ вымысла дѣлать такихъ потёмокъ, гдѣ заблуждается воображеніе читателя, вмѣстѣ съ Авторомъ.

Вѣщій сонъ, быль, Н. А. Мельгунова. Отрывокъ, мило разсказанный.

Родительская печаль. Это какое-то наважденіе Пиго-Лебрёня или Поль-де-Кока, не скрашенное ихъ игривымъ разсказомъ. Не надобно-бы было пу-

скать этой негодной *Печали* въ одно сообщество съ степенными сказками и былями.

Мужикъ и Смерть, Русская побасёнка. Больше сказать о ней нечего.

Ледяная статуя. Отрывокъ изъ сочиняемаго И. И. Лажечниковымъ романа. Пріятная новость! Надѣемся видѣть романъ хорошій.

Мокошь, отрывокъ изъ новаго романа А. Ѳ. Вельтмана, столь краткій, что можно видѣть въ немъ только игривый, прелестный разсказъ.

Буранъ. Мастерское описаніе бури въ степяхъ Оренбургскихъ. Если и это отрывокъ изъ романа, то мы поздравляемъ публику съ романомъ, обѣщающимъ много хорошаго.

Насмѣшка мертваго. Отрывокъ. Въ немъ выражена мысль не новая, но всегда поразительная: мысль о противоположности свѣтскихъ законовъ съ законами сердца, души, ума. Разсказъ хорошъ.

Все это статьи, писанныя прозою. Но въ *Денницѣ* есть еще 21 стихотвореніе. Жаль, что изъ нихъ немного достойныхъ вниманія. Упомянемъ о пяти Русскихъ пѣсняхъ, изъ собранія П. В. Кирѣевскаго, и о стихотвореніи Н. С. Тепловой. Это лучшее. Если-же надобно-бъ было называть плохія стихотворенія, то.... ихъ много. Есть, напримѣръ, стихи безъ соблюденія всѣхъ правилъ Стихосложенія (стр. 122-я, 26-я, 184-я); есть стихи,

недостойные имень, подписанныхъ подъ ними. Странно, что къ такимъ должны мы причислить *Сцену изъ Пикколомини*, переводъ Г-на Шевырева, писателя съ дарованіемъ. Но, читайте и скажите, кто это говоритъ: Максъ Пикколомини или Фамусовъ?

Вотъ, вызвали въ напасти духа, — онъ
Явился вамъ — а вы и испугались!
По вашему, чтобъ были чудеса
Какъ ежедневныя явленья.... Въ полѣ
Торопитъ время: намъ необходимы
Свой глазъ, своя управа....

Читая эти стихи, невольно повторяешь такіе же стихи Фамусова: *Вотъ, рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши*, и проч. — И рядомъ съ такими комическими стихами встрѣчаются безпрерывно: *Коль, млатъ, пріялъ, доблій мужъ*, и подобныя слова, никогда не употребляемыя въ разговорѣ. Вообще, изъ перевода Г-на Шевырева столько-же можно узнать Шиллерову трагедію, какъ изъ карикатуры картину. — *К. П.*

— *Брошюрки.* Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № X. Харьковъ. 1833. Въ Университетской т. 24 стр. in-8.

Пріятно видѣть, что Г. Кронебергъ не только не прекращаетъ, но и съ возрастающимъ усердіемъ

продолжаетъ изданіе своихъ *Брошюрокъ*, заключающихъ въ себѣ много прекраснаго, глубокомысленнаго, полезнаго. Въ самомъ дѣлѣ, 10 изданныхъ имъ донынѣ книжекъ составляютъ библіотеку, гдѣ найдетъ для себя умственную пищу и философъ, и поэтъ, и всякій мыслящій человѣкъ. Жаль, что Г. Кронебергъ не оканчиваетъ начатыхъ имъ въ прежнихъ книжкахъ статей. Въ изданной нынѣ помѣстилъ онъ извлеченіе изъ книги Джіордана Бруно: Della causa, principio et uno, прозвавшаго свою систему, по мѣсту рожденія своего, Philosophia Nolana (Ноланская Философія). Г. Кронебергъ далъ своему извлеченію слѣдующее заглавіе: *О причинѣ, началѣ и одномъ. 1. О причинѣ поколику она разнствуетъ отъ начала и съ нимъ одно. Тожество дѣйствующей, формальной и идеальной причины.*

Жалѣемъ, что не можемъ ближе познакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ явленіемъ.

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Прилагаемъ къ сей книжкѣ Телеграфа очеркъ одного изъ превосходнѣйшихъ произведеній древней Скульптуры. Это *Статуя Діаны.* Дочь Латоны и Юпитера, Діана была обожаема въ Древности почти столь-же многими, какъ и Аполлонъ, братъ ея. Она рыскала по лѣсамъ и горамъ, и была почитаема богинею охоты. Отъ того именовали ее Діаною Звѣроловицею, и представляли въ коротской одеждѣ, съ лукомъ и колчаномъ. «Діана, говоритъ Винкельманнъ, изображалась одаренною болѣе всѣхъ другихъ богинь видомъ и формами дѣвическими. Она имѣла всѣ прелести своего пола, и какъ будто не знала о томъ; однакожь она не опускала взоровъ внизъ, какъ Паллада: ея глаза, блистающіе, исполненные веселости, обращены къ предмету ея удовольствій, къ охотѣ. Волосы на головѣ ея собраны со всѣхъ сторонъ и оканчиваются на затылкѣ узломъ, по-дѣвичьи. Станъ у нея легче и тоньше нежели у Паллады или Юноны. Всего чаще видимъ Діану въ легкой одеждѣ, которая едва достаетъ у нея до колѣнъ.»

На статуѣ, ноги у нея обнажены и только обувь въ богатыя сандаліи; подлѣ нея лань: это конечно

лань горы Коринейской, златорогая и мѣдноногая. Кажется, художникъ изобразилъ то мгновеніе, когда Діана встрѣтила Геркулеса, при переходѣ черезъ Ладонъ, и выхватила у него жертву, угрожая ему своими стрѣлами. Потому-то на лицѣ ея выражено негодованіе и взглядъ оживленъ гнѣвомъ.

Эта превосходная статуя сдѣлана изъ Пароскаго мрамора, и достойна была стоять подлѣ Аполлона Бельведерскаго. Она сохранилась совершенно, и находится во Франціи со временъ Генриха IV-го. Долго была она въ Версальской галлереѣ; нынѣ во Французскомъ Музеѣ. Съ нея не одинъ разъ снимали эстампы: Меланъ въ 1669 году, Бакуа въ изданіи Le Musée français, и Гейне въ изданіи Фильоля. Вышина ея 6 футовъ 2 дюйма.

— Некрологія за 1832 и 1833-й годы. — Есть въ душѣ человѣческой какое-то чувство, которое среди самыхъ наслажденій жизни заставляетъ обращаться къ воспоминанію грустнаго, и отъ настоящаго переноситься къ прошедшему. Такъ при наступленіи *новаго года* тѣснится къ намъ память о *прошедшемъ годѣ*; радостныя надежды будущаго сливаются съ грустью о минувшемъ. Думаемъ, что никто не откажетъ въ участіи, если *начиная новый годъ*, мы представимъ читателямъ нашимъ исчисленіе потерь, которыя понесло Человѣчество кончиною славныхъ, или замѣчательныхъ людей въ 1832 и 1833 годахъ. Потери велики;

списокъ ихъ печаленъ; утрата многаго незамѣнима. Какой рядъ воспоминаній представляетъ притомъ сей списокъ! Сколько изъ именъ, исчисляемыхъ нами, записала Исторія въ свои безсмертныя лѣтописи! Какое дѣйствіе производили многія изъ нихъ на современниковъ, и какъ далеко нѣкоторыя изъ нихъ отразятся въ потомствѣ!

1832 годъ.

Іоганъ Вольфгангъ Гёте, сконч. 10 Марта. Имя всемірное.

Менѣе его, но также достойный современникъ слѣдовалъ за нимъ:

Сиръ Валтеръ Скоттъ. Сконч. 9 Сентября.

Исчисляемъ имена другихъ писателей и ученыхъ людей, памятныхъ въ Исторіи Наукъ и Знаній:

Карлъ Викторъ Бонстеттенъ, другъ Боннета и Іоанна Миллера, практическій философъ и пріятный литтераторъ, сконч. 22 Января, 87 лѣтъ.

Георгій Краббъ, другъ В. Скотта, Англійскій поэтъ, создатель особеннаго рода Дидактической Поэзіи, сконч. 22 Января, 78 лѣтъ.

Іеремія Бентамъ, преобразователь практической Юриспруденціи, сконч. 25 Мая, 85-ти лѣтъ.

Сиръ Іаковъ Мекинтошъ, Юристъ и Историкъ Англійскій, сконч. 18 Мая, 67 лѣтъ.

Жанъ Батистъ Сей, писатель, оказавшій важныя услуги Политической Экономіи своими сочиненіями, скон. Ноября 2, 65 лѣтъ.

Даніилъ Бекъ, отличный знатокъ Греческой и Латинской Литтературы, Профессоръ Лейпцигскій, сконч. Декабря 1-го, 76 лѣтъ.

Шмитъ-Фисельдекъ, Нѣмецкій Историкъ, сконч. въ Копенгагенѣ, 4 Ноября, 62 лѣтъ.

Г-жа Монтолье, урожд. Крузацъ, сочинительница Каролины Лихтфильдъ и множества другихъ романовъ, сконч. въ Лозаннѣ, Декабря 16, въ глубокой старости.

Анна Марія Портеръ, сочинительница Килярнскаго озера и многихъ другихъ романовъ, сконч. въ Бристолѣ, Іюня 7, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Раскъ, извѣстный Датскій Оріенталистъ, сконч. въ Копенгагенѣ, Ноября 2, 45 лѣтъ.

Франція лишилась *четырехъ* знаменитыхъ Оріенталистовъ:

Іоаннъ Францискъ Шамполліонъ, оказавшій безсмертныя заслуги касательно гіероглифовъ и Исторіи Египта, сконч. Февраля 21-го, 47 лѣтъ.

Сенъ-Мартенъ, знатокъ Турецкаго и Армянскаго языковъ, сконч. Іюня 28-го.

Іоаннъ Петръ Абель-Ремюза, знатокъ Китайскаго языка, сконч. Мая 22-го, 44-хъ лѣтъ.

Другія утраты въ области Наукъ и Знаній:

Эдуардъ Додвелль, Англійскій Археологъ, сконч. въ Римѣ, Мая 2, 65 лѣтъ.

Георгій Кювье, образователь Сравнительной Анатоміи и лѣтописатель царства ископаемыхъ допотопныхъ животныхъ, сконч. Мая 1, 63 лѣтъ.

Шпурцгеймъ, ученикъ и другъ Галля, образователь науки Черепословія, сконч. въ Англіи, Ноября 25, 57 лѣтъ.

Графъ Шапталь, славный Химикъ, Министръ при Наполеонѣ, сконч. Іюля 18, 76 лѣтъ.

Лежандръ, одинъ изъ великихъ Математиковъ нашего времени, сконч. Декабря 28 дня.

Брюэ, отличный сочинитель Географическихъ картъ, сконч. Іюля 5-го.

Баронъ Цахъ, извѣстный Астрономъ и писатель, сконч. 21 Августа, 77 лѣтъ.

Люди, замѣчательные въ Политической Исторіи XVIII-го и XIX-го вѣка:

Казимиръ Перрье, Президентъ Совѣта Министровъ во Франціи, бывшій основателемъ Французской современной политики, сконч. Мая 4, 55 лѣтъ.

Генералъ Ламаркъ, одинъ изъ жаркихъ защитниковъ Оппозиціи во Франціи, котораго могила обагрилась потоками крови, сконч. Мая 21.

Графъ Гаугвицъ, бывшій Министромъ Пруссіи и

важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ событіяхъ 1806 года, сконч. въ Венеціи, Января 28.

Дмитрій Ипсиланти, братъ Александра Ипсиланти, зачинщика возстановленія Греціи, одно изъ важныхъ лицъ въ новѣйшей Исторіи Грековъ, сконч. Августа 4-го.

Аббатъ Монтескіу, бывшій Министръ во Франціи, по возстановленіи Бурбоновъ, сконч. въ Спрѣ, Января 25 д.

Виконтъ Мартиньякъ, также бывшій Министромъ при Карлѣ X-мъ, сочинитель любопытной Исторіи Испанской революціи, сконч. 22 Марта.

Адмиралъ Кокренъ, столь извѣстный своею храбростію, дерзостью и похожденіями въ Южной Америкѣ и Греціи, сконч. въ Парижѣ, Января 17 д.

Не льзя не вспомнить и слѣдующихъ людей:

Докторъ Белль, первый изобрѣтатель методы взаимнаго обученія, усовершенствованной Ланкастеромъ, сконч. въ Январѣ мѣсяцѣ 1832 г., 80 лѣтъ.

Муціо Клементи, извѣстный форшепіанистъ своего времени, учитель знаменитаго Фильда, скон. въ Англіи, Февраля 23, 80 лѣтъ.

Орловскій, единственный рисовальщикъ битвъ, лошадей, сценъ простонародныхъ, удалыхъ изво-

щиковъ, лмщиковъ, базаровъ и живошныхъ, скоич. въ Пешербургѣ, Мая 2 дня.

Рускіе, кошорымъ Орловскій былъ соошечесшвенникомъ по своему пребыванію въ Пешербургѣ, и пошому чшо находился въ Россійской службѣ, могушъ вспомнишь еще о слѣдующихъ Россіянахъ, и другихъ націй мужахъ, посвяшившихъ шруды и знанія свои Россіи:

Христіанъ Лодеръ, учишель Гумбольдша, Анашомпсшъ, Профессоръ Московскаго Универспшеша, умеръ въ Москвѣ, Апрѣля 4-го, 79 лѣшъ.

Баронъ Густавъ Розенкампфъ, незабвенный заслугами по часши Русскаго Законовѣдѣнія, умеръ въ Пешербургѣ, Апрѣля 16-го, въ преклонныхъ лѣшахъ.

Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, оказавшій велшкія услуги Русской Исшоріи изданіемъ и изслѣдованіемъ маше́ріяловъ Исшорическихъ, скончался, послѣ шяжкой и продолжишельной болѣзни, въ Москвѣ, Апрѣля 16-го числа.

Иванъ Алексѣевичъ Стемпковскій, оплічный Археологъ, кошорому, вмѣсшѣ съ И. К. Бларамбергомъ (умерш. въ Декабрѣ 1831 г.), многимъ обязаны мы за изслѣдованія Греческихъ древносшей въ южной Россіи, умеръ Декабря 6-го, въ Керчи, гдѣ былъ онъ Градоначальникомъ.

Графъ С. Р. Воронцовъ, бывшій нѣкогда Россійскимъ Посломъ въ Англіи, и съ давняго времени поселившійся шамъ, умеръ въ Іюнѣ мѣс., въ глубокой сшароспи.

Авам. Иван. Стойковичъ, бывшій Профессоръ Харьк. Университета и сочинитель лучшей въ свое время Физики на Русскомъ языкѣ, умеръ въ Петербургѣ, Августа 25-го.

Ник. Ник. Сандуновъ, одинъ изъ извѣстныхъ практическихъ Юристовъ, бывшій долгое время Профессоромъ Русскаго Законовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ, умеръ въ Москвѣ, Іюня 7-го дня, 66 лѣтъ.

Кромѣ того, въ 1832 году скончались:

Кардиналъ Теста, бывшій Папскимъ Нунціемъ въ Парижѣ во времена Революціи; *Генералъ Бельяръ*, извѣстный по участію въ Бельгійскихъ дѣлахъ; *Маркизъ Матафлорида*, важное лицо въ бывшей Испанской революціи; Англійскій *Адмиралъ Фримонъ*; *Бендавидъ*, ученикъ Канта; *Аббатъ Кіарини*, переводчикъ Талмуда; Англійскій путешественникъ въ Среднюю Африку *Коульвортъ*; Французскій путешественникъ въ Южную Азію, *Жакемонъ*; извѣстный своими сочиненіями о Липландіи, *Графъ Брей*; Швейцарскій Историкъ *Фюсли*; Итальянскій Археологъ *Цаннони*; Нѣмецкій Юристъ *Мейстеръ*; Нѣмецкій Математикъ *Тибо*; Англійскій Математикъ *Леслей*; Французскій Химикъ *Серюлласъ*; Итальянскіе Астрономы *Скарпа* и *Оріани*; Нѣмецкіе врачи: *Томассенъ* и *Рудольфи*; Итальянскіе врачи: *Барета* и *Паллета*; Французскій врачъ Баронъ *Порталь* и Французскій хирургъ *Дельпешъ*; Англійскій хирургъ *Гомъ*; Нѣмецкій пейзажистъ *Графъ*; Французскіе живописцы: *Огюстенъ*, *Лагрене* и *Летьеръ*; Французскій ваятель *Делестръ*; наконецъ

*

упомянемъ о знаменитомъ Нѣмецкомъ книгопродавцѣ *Котта*, который умѣлъ нажить огромное состояніе книжною торговлею, и умеръ съ титуломъ *Барона фонъ-Коттенбурга*.

(До слѣд. книжки).

— *Календарныя достопамятности 1834 года.* — Если-бы какому нибудь дикарю сказать, что мы, не зная того, что случится съ нами черезъ одно мгновеніе, можемъ предвѣстить ему разныя великія явленія на небѣ, на множество лѣтъ — какъ изумился-бы онъ! Но, мы этому не изумляемся и знаемъ, что дѣйствительно будетъ то, что предсказываютъ намъ Астрономы наши и подтверждаетъ Математика. Вотъ календарныя достопамятности, которыя *непремѣнно сбудутся* въ нынѣшнемъ 7342-мъ году отъ Сотв. Міра, или 1834-мъ отъ Рожд. Христова: Мая 26-го будетъ частное затмѣніе Солнца; Іюня 9-го полное затмѣніе Луны; Ноября 18-го полное затмѣніе Солнца. Въ Европѣ ничего этого мы не увидимъ; но второе частное затмѣніе Луны, Декабря 4-го, будетъ видно во всей Европѣ. Охотникъ до толкованій Календаря можетъ еще замѣтить, что нынѣ будетъ *самая поздняя* Пасха, Апрѣля 22-го, такъ что Благовѣщеніе приходится въ Воскресенье на 3-й недѣлѣ Великаго поста, и прямо изъ подъ Новинскаго, во Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, Москвичи поѣдутъ на гулянье въ Сокольникахъ 1-го Мая, а Петровъ постъ будетъ состоять всего изъ *одиннадцати* дней.

Количество монеты, выбитой во Франціи въ 1832 году. — Многихъ занимаютъ теперь вопросы о Французской монетѣ. Надѣемся угодить наблюдателямъ слѣдующимъ оффиціяльнымъ извѣстіемъ, которое можетъ пригодиться для ихъ разсчетовъ:

Въ 1832 году выбито было во Франціи золотой монеты на . . . . . 2,011,000 фр.
Серебряной . . . . . 142,117,038 фр.

Съ начала царствованія Людовика Филиппа до 1832 года, выбито монеты во Франціи, золотой и серебряной, на 423,980,987 франковъ; въ царствованіе Карла X-го выбито золотой и серебряной монеты на 685,430,240 франковъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les oiseaux de paradis sont fantaisie de grande élégance; comme chapeau négligé, nous avons remarqué une capote: elle était très-grande de forme, à calotte un peu haute, en velours bleu ciel pâle, point de rubans, sinon un nœud de satin derrière; sur le côté, un magnifique oiseau qui retombait très-bas, avec infiniment de grâce et de noblesse.

Le satin souci et le satin rubis sont deux couleurs à la mode pour toilette du soir.

Une étoffe magnifique, qui vient de paraître au commencement de l'hiver, est le satin mêlé d'or ou d'argent. Les dessins, plus ou moins riches, ressortent avec grand éclat sur le tissu d'une brillante couleur.

Le satin sultane, dessin apparent, est surtout très-beau en or sur fond noir, violet ou marron. Le satin odalisque, dessin de fantaisie, plus léger, est charmant sur rose, bleu, vert ou blanc.

Le satin pactole, semé d'or ou d'argent, sur un fond de quelque couleur que ce soit, est plus simple que les autres, élégant et distingué.

Ces satins, spécialement destinés à des turbans, sont aussi parfaitement convenables à des robes habillées, pour la cour ou de très-grands bals, avec des diamans ou des pierreries.

(*) Въ Парижѣ до 1 Января (н. ст.) 1833 г.

Парижскія моды.

Nous avons remarqué: une robe de velours noir, à corsage plat en pointe, des manches à doubles bouillons, et grands sabots de tulle français blanc, rattachés par un long nœud de satin noir.

Une jolie redingote du soir, en satin bleu de la reine, broché à larges fleurs, était en corsage à châle décolleté. La pélerine, ronde dans le dos, croisait avec la jupe, et tous deux étaient bordés d'une dent.

La même façon, en crêpe blanc, doublé de satin et bordé d'une petite blonde blanche, et en crêpe rose doublé, bordé d'une petite blonde noire.

Une robe de gaze, bleu ciel, à raies façonnées de satin; les manches à doubles bouillons, très-longues; le corsage à la Sévigné, en satin bleu, sans doublure de gaze.

Райскія птички украшеніе чрезвычайно нарядное. Мы замѣтили (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала) шляпку-капотъ, употребляемую запросто: она вообще велика, съ тульею довольно высокою, изъ блѣдно-голубаго бархата, безъ лентъ; только одинъ атласный бантъ назади; съ боку, великолѣпная райская птичка склоняется чрезвычайно низко, и очень красиво, благородно.

Атласъ цвѣта ноготковъ (soucі) и рубиноваго, теперь въ большомъ употребленіи для вечерняго наряда.

Великолѣпная ткань, появившаяся въ началѣ зимы, есть атласъ съ золотомъ или серебромъ. Узоры болѣе или менѣе богатые, ярко выказываются на ткани блестящаго цвѣта.

На атласѣ sultane, узоръ чрезвычайно видный, особенно красивъ изъ золота на черномъ, фіолетовомъ или каштановомъ полѣ.

Атласъ odalisque, съ узоромъ фантастическимъ, больше легокъ и прелестенъ на розовомъ, голубомъ, зеленомъ или бѣломъ.

Атласъ pactole, усѣянный серебромъ или золотомъ, на полѣ какого-бы ни было цвѣта, проще другихъ, паряденъ, и въ уваженіи.

Атласы эти, назначенные для тюрбановъ, также совершенно приличны для нарядныхъ платьевъ, для выѣздовъ ко Двору, или на балы самые великолѣпные; къ нимъ идутъ брильянты и другіе дорогіе каменья.

Мы замѣтили (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала) платье изъ чернаго бархата, съ гладкимъ лифомъ, угломъ; рукава двойнымъ буфомъ, и большія оборки (sabots), изъ Французскаго бѣлаго тюля, приколоты длиннымъ чернымъ атласнымъ бантомъ.

Красивый вечерній реденготъ изъ синяго атласа (bleu de la reine), съ вышитыми широкими цвѣтами; лифъ сдѣланъ открытый, шалью. Пелеринка на спинѣ круглая, напереди идетъ на крестъ какъ лифъ; пелеринка и лифъ обшиты зубчиками.

Тотъ-же фасонъ изъ бѣлаго крепа, подшитаго атласомъ и украшеннаго маленькой бѣлой блондой; изъ розоваго крепа, также подшитаго атласомъ и украшеннаго черной блондочкой.

Газовое платье свѣтло-голубаго цвѣта, съ узорчатыми атласными полосами; рукава двойнымъ буфомъ, очень длинные; лифъ à la Sévigné, изъ голубаго атласа, безъ газа.

На приложенной картинкѣ:

Дам. Прическа съ брилліантами. Платье атласное. Шубка (manteau-boyard).

Въ Парижѣ 31 Декабря (нс) 1833 г.

1144

ей за 1832-й и 1833-й годы—Календарныя достопамятности—Количество монеты, выбитой во Франціи въ 1832 году)... 186.

Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа находятся: *Очеркъ статьи Діаны*, и *картинка Парижскихъ дамскихъ модъ*.

Подписка на Московскій Телеграфъ 1834 года принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, на Тверской въ домѣ Г-жи Мяшлевой, и въ Газетной Экспедиціи Императорскаго Московскаго Почтамта. Цѣна, за 24 книжки съ 66-ю картинками, въ Москвѣ 40 рублей, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 45 рублей ассигнаціями.